

ДЖОН АЛЕКСАНДР ДОУИ

История испытаний, трагедий и триумфов одного из величайших духовных реформаторов XX века

ЖИВАЯ
ЛЕНДИДА

Гордон Линдси

Джон Александр Доуи
Гордон Линдси

Содержание

Вступление.....	4
1 глава. Драматическое появление Доуи на мировой сцене.....	6
2 глава. Ранние годы жизни Джона Александра Доуи	14
3 глава. Молодой Доуи начинает трудиться на пасторской ниве	20
4 глава. Как прекратилась смертельная эпидемия.....	25
5 глава. Его брак с Джини	31
6 глава. Проблемы с родственниками.....	40
7 глава. Доуи оставляет церковную организацию.....	51
8 глава. Доуи баллотируется на место в австралийском парламенте.....	58
9 глава. Обманутый мошенником	65
10 глава. Время отчаяния.....	72
11 глава. Свет надежды	79
12 глава. Месть производителей и торговцев спиртным	82
13 глава. Доуи переезжает из Австралии в Америку.....	93
14 глава. Сквозь золотые ворота	100
15 глава. Доуи встречается со лжепророком.....	106
16 глава. Доктор Доуи отправляется в Чикаго.....	114
17 глава. В Чикаго поднимается буря	122
18 глава. Арестован сто раз!	132
19 глава. Запрет на «Белого голубка».....	141
20 глава. Знамения и чудеса	150
21 глава. Основание Христианской Вселенской церкви	162
22 глава. Организация «Семьдесят учеников».....	172
23 глава. Священная война	175
24 глава. Сион — город мечты	185
25 глава. Утопия на земле	191
26 глава. Доуи провозглашает себя Илией.....	199
27 глава. Тучи над Сионом	207
28 глава. Трагический день в мае	223
29 глава. Поездка в Нью-Йорк	233
30 глава. Путешествие вокруг света	240
31 глава. Первый Апостол	247
32 глава. Зима расплаты	254
33 глава. Последние дни Джона Александра Доуи.....	261
34 глава. Прощальная речь судьи В. В. Барнсса.....	269
35 глава. Через полстолетия	276

Посвящение

Эта книга посвящается Божьим служителям, которые по всему миру проповедуют великое Евангелие избавления. Пусть полная драматизма история жизни Джона Александра Доуи будет одновременно вдохновением и живым примером для каждого, кто служит, исцеляя больных и страждущих. Это служение в полном объеме вернулось в Церковь усилиями человека, о котором рассказано в этой книге. Данный труд также посвящается отцу и матери автора книги. Их вера в Бога находила великий источник и вдохновение в годы жизни в городе Сион.

Автор книги благодарен и признателен за помошь настоятелю Антону Дармсу, который согласился проверить рукопись на точность изложения фактов, и предоставил много книг и редких документов из истории города Сион. Автор благодарит также преподобного Теодора Мейсона, предоставившего почти полное собрание номеров издания «Листья исцеления».

Вступление

История жизни Джона Александра Доуи не только примечет внимание читателя, но и удержит его по мере углубления в чтение книги. Однако целью этой книги является нечто гораздо большее, чем просто развлечение читателей. Жизнь д-ра Доуи, по мнению автора и многих других людей, является поучительным примером в истории Церкви. Во-первых, она ещё раз показывает, что тот, кто избран Богом на служение, проходит определенный «подготовительный» период, который иногда включает в себя суровые испытания и скорби. Во-вторых, вы увидите, что Доуи достиг успеха в служении только после того, как полностью понял и принял истину о божественном исцелении. И когда его служение получило свою силу и власть свыше, произошли великие чудеса исцеления. В-третьих, вы увидите, как это служение начало приходить в упадок, когда Доуи стал, занимая светскими делами и оставил простоту, которая была отличительным признаком первых лет его служения. Все эти факты являются уроком для нас и заслуживают нашего пристального внимания и глубокого изучения.

Мы знаем, что некоторые читатели будут разочарованы определенными фактами, включенными нами в это биографическое повествование. Проявляя в высшей степени позитивный подход в рассмотрении этого деликатного вопроса, мы посчитали, что поступим нечестно, если не представим всю историю полностью и не расскажем, как все происходило в действительности. Одни считают, что д-р Доуи не совершил ничего плохого, другие называют его шарлатаном и обманщиком. Ни одна из этих точек зрения не является верной. Бог призвал на служение Джона Александра Доуи с конкретной целью — вернуть в Церковь истину о божественном исцелении. В значительной мере поставленная задача была выполнена, хотя приходится сожалеть об ошибочных суждениях Доуи в последний период его жизни. Мы считаем, что Церковь сделала большой шаг вперед, благодаря этому человеку.

Гордон Линдси

Прп. Джон Александър Дуг –
главен наставник
Християнската Вселенска църква

Глава 1

Драматическое появление Доуи на мировой сцене

Современное поколение христиан знает немногое из интересной и увлекательной истории Церкви со времен первых апостолов. Имя Джона Александра Доуи, известное миллионам людей во всем мире на рубеже XIX — XX столетий, было незаслуженно забыто в водовороте повседневных событий. История Доуи — это история человека, призванного исполнить удивительную миссию мирового масштаба. Это рассказ о реформаторе, который, преодолевая величайшие преграды, встававшие на его пути, в одиночку сумел бросить вызов духовному отступничеству своих современников и добился внимания, если не признания, со стороны Церкви к евангельской истине об исцелении — истине, несущей полное избавление телу, душе и духу человека.

Преодолевая постоянное сопротивление, идя вперед, несмотря на враждебно настроенную прессу, выступая против ожесточенного духовенства, антагонистически настроенных представителей городских властей и нечистых на руку юристов, использовавших любую лазейку в законе и все возможные юридические методы, чтобы остановить его, Доуи боролся за право молиться за больных. И победил. Несмотря на ожесточенные гонения, многочисленные незаконные аресты, которых было по сотне в год, он оказался разумнее своих врагов и добился успеха, обратив внимание людей на истину о том, что Иисус Христос Тот же вчера, сегодня и вовек. Он отстоял право каждого служителя христианской Церкви послушно исполнять слова великого поручения Христа: возлагать руки на больных и молиться за их исцеление.

Завоевание Джоном Александром Доуи международной известности произошло столь стремительно, что напоминает завоевание известности пророком Илией, который много веков тому назад неожиданно явился перед царем Израильским и настоял на том, чтобы испытать огнем ложь

пророков Ваала; или же Иоанном Крестителем, который, будучи «гласом вопиющего в пустыне», пришел и обратился со словами о покаянии к народу, не готовому встретить Господа, уже находящегося среди них.

Когда доктор Доуи впервые ступил на американскую землю, ему исполнился сорок один год. В Соединенных Штатах он был никому не известным проповедником Евангелия. Однако, новость о прибытии человека, который проповедует о божественном исцелении и добивается успехов, вскоре широко распространилась. Д-р Доуи стал получать приглашение за приглашением, чтобы проповедовать по всему западному побережью США Немного позже он начал организовывать миссии исцеления. В итоге он приехал в Чикаго, где уже через несколько лет. вследствие многих драматических событий, внимание всего мира было приковано к его служению.

В 1893 году, когда в Чикаго открылась Всемирная Ярмарка, Джон Александр Доуи решил навсегда обосноваться в этом городе. Он построил маленькое, ничем не примечательное деревянное здание церкви неподалеку от входа на территорию Ярмарки. Эта нехитрая постройка, которую его враги насмешливо называли «жалкой маленькой деревянной хижиной», стала местом первых важных побед Доуи в войне с социальными пороками и беззаконием, царившими в крупном промышленном городе. На то время население Чикаго составляло около двух миллионов человек. Первые богослужения, проходившие в этом церковном здании, не были многообещающими. Устремляясь на Всемирную Ярмарку, множество людей проходило мимо «жалкой маленькой деревянной хижины» и бросало на нее лишь мимолетный взгляд. Они восторгались грандиозной Ярмаркой Тщеславия, где были представлены леденящие кровь аттракционы вроде «Осалы Виксбурга» или «Кровь и Гром» Билла Буффало. Немногие заходили в церковь, но те, кто заходил, возвращались и приводили новых людей. Тем не менее, работы в церкви было мало и это доставляло разочарование.

Наступила суровая зима с бурями и штормами необычайной силы, приходящими с озера Мичиган. Сила и мужество Доуи были сурово испытаны в те мрачные дни. Но с наступлением весны 1894 года произошел прорыв. Теперь в церкви происходили сверхъестественные чудеса исцеления и эти события привлекли внимание людей. Прошло немного времени, и собрания стало посещать так много людей, что им уже не хватало даже стоячих мест в церкви.

С успехами пришли и гонения. Казалось, мир хотел взять реванш. Только за 1895 год было выдано более сотни ордеров на арест д-ра Доуи. Это было одно из самых жестоких гонений в истории США. Неумолимая оппозиция была полна решимости прогнать прочь из города д-ра Доуи вместе со служением божественного исцеления. Но враги не учли стойкости и решительности их «презренного» оппонента. У Доуи был неиссякаемый источник энергии, не свойственный непрофессионалу, не сведущему в законах, — он обладал непреклонной волей и смелостью, не принимающей поражения. Доуи в одиночку отстаивал свои дела в судах, где на слушаниях были только его враги. Результаты таких слушаний были заранее предрешены. Потерпев поражение (к великой радости своих противников), он обращался в высшие инстанции и справедливость восстанавливалась. Его враги, расстроенные и разгневанные, продолжали бороться до тех пор, пока в полном изнеможении, лишившись популярности и чьей бы то ни было поддержки, не проиграли сражение и не отступили в смятении назад, признав свое полное поражение. Интересно отметить, что те, кто принимал участие в гонениях на Доуи, либо умирали вскоре после этого, либо по тем или иным причинам были вынуждены сойти со сцены общественной жизни. Одним из таких людей был редактор газеты «Чикаго Диспетч» г-н Данлоп, возглавлявший гонения на Доуи со стороны прессы. Менее чем через два года он оказался за тюремной решеткой после того, как были раскрыты его нечестивая жизнь и преступления.

Результат гонений для противников Доуи был неожиданным. Вместо того, чтобы обесчестить и выжать

Доуи из города, гонения, организованные против него, создали ему огромную популярность в народе. Он арендовал самый большой зал в Чикаго и стал проводить там службы. Каждое воскресенье люди собирались послушать человека, чья плодотворная деятельность оказывала влияние на жизни бесчисленных тысяч его слушателей. Жители Чикаго никогда еще не видели служителя, проповедовавшего в таком стиле. В этой огромной аудитории тысячи людей принимали Христа как своего Спасителя. Слушая проповеди д-ра Доуи, в которых он обличал социальные пороки, многие отрекались от своих грехов и возмещали ущерб, нанесенный ими другим людям.

Джон Александр Доуи теперь получил возможность полностью реализовать все свои необычные таланты. Его голос звучал, осуждая грех, как среди богатых, так и среди бедных. Пороки курения, алкоголизма и наркомании беспощадно осуждались к великому ужасу тех, кто был заинтересован в продаже и распространении алкоголя и табака. Он изобличал ложь и лицемерие отступников от веры и духовно деградирующей Церкви, бескомпромиссно осуждал любые беззакония — будьте в правительстве или в Церкви. Было предпринято несколько попыток покушения на жизнь д-ра Доуи, но все они провалились.

Он не давал покоя силам тьмы и беспощадно продолжал сокрушать социальные пороки везде, где только сталкивался с ними.

Затем, в 1896 году д-р Доуи основал Христианскую Вселенскую церковь, которая на момент регистрации насчитывала пятьсот человек. Через некоторое время это чисто возросло до нескольких тысяч человек. Доуи разработал план строительства великого города, населенного одними христианами, в котором употребление табака, спиртных напитков и другие пороки такого рала были бы навсегда запрещены. Втайне от всех он начал вести переговоры о покупке 6 600 акров земли на берегу озера Мичиган, что в сорока милях от Чикаго. Когда был внесен первый взнос, землю поделили и стали сдавать в аренду. Тысячи людей устремились туда, чтобы занять свои участки,

которые, по условию арендного контракта, предоставлялись им на 1100 лет. За несколько лет почти десять тысяч человек перебрались в этот новый город, получивший название «Сион». Здесь открывались фабрики и промышленные предприятия, а предприятие по изготовлению кружев было импортировано из Великобритании — станки, управляющий персонал и все прочее.

Тем временем интерес людей к Христианской Вселенской церкви возрастал. Ее филиалы начали появляться в других городах страны. Миссионеры и работники посылались также для основания церквей и миссий во многих странах мира. В эти годы Доуи планировал одно предприятие за другим, работая с ошеломляющей энергией, как человек, стремящийся опередить время. С целью донести Евангелие в каждый дом, он организовал группу, которую назвал «Семьдесят». Позже эта группа была распущена и вместо нее Доуи организовал другую — «Воинство Восстановления». Он объявил «трехмесячную Святую войну» силам сатаны в Чикаго.

Доуи был плодовитым писателем. За время своего служения он выпустил шестнадцать томов еженедельных публикаций «Листья исцеления». Издание было размером одной четверти газетного листа и имело от восьмисот до тысячи страниц.

Также он писал стихи. Доуи совершил кругосветное путешествие. Для осуществления одного из своих самых смелых предприятий. Доуи арендовал несколько поездов, которые перевезли его последователей в Нью-Йорк. В течение дня эти люди ходили от дома к дому, разнося трактаты и другую информацию о его работе, а вечером, на больших собраниях в парке на площади Мэдисон. Доуи проповедовал, обращаясь к огромному количеству людей. Нужно было приложить невероятные усилия для проведения такого мероприятия. Все евангелизационные проекты, до сих пор предпринимаемые Церковью, не шли ни в какое сравнение.

Теперь конгрессмены и губернаторы принимали Доуи у себя. Однажды даже президент Теодор Рузвельт оставил

заседание Кабинета Министров, чтобы встретиться с ним. Доуи продолжал мечтать. Он не успокаивался и стремился «покорить еще больше миров», чтобы нанести дьяволу такой удар, который, если возможно, положит начато Тысячелетнему царству Христа на земле. Согласно этому, он планировал строительство «Сионов» по всей земле, крупнейший из которых располагался бы в Иерусалиме. В это самое время его мечты начали становиться несбыточными и мрачное, зловещее облако опустилось на все его дела...

Мы не должны забывать, что человек, которого Бог избрал совершить эпохальные подвиги веры, переживал мрачные годы разочарований и неудач, когда ему казалось, что все потеряно. Он знал, что значит вкусить горечь нищеты, выдерживать насмешки со стороны родственников, оказаться неспособным обеспечить свою семью. Однажды он даже баллотировался в парламент, но потерпел поражение.

Однако, в эти годы у Доуи было самое замечательное переживание, которое сильно повлияло на его будущее. Когда он служил пастором в Ньютауне, пригороде Сиднея, на то место, где он жил, обрушилась ужасная эпидемия чумы, грозящая унести в могилу все местное население. Во время этой трагедии Бог явил ему славное служение исцеления. Доуи получил возможность молиться молитвой веры, в результате чего эпидемия была остановлена — больше ни один человек из его церкви не умер от этой болезни.

Несмотря на то, что Бог явил ему Свою чудесную исцеляющую силу, Доуи ещё не был готов начать служение исцеления. Как правило, человек подражает тому, что уже делают другие люди. Его пугают неуверенность и отсутствие ощущения безопасности, не дающие ему ходить доселе нехожеными путями. Доуи пользовался уже испытанными методами других реформаторов. Он обличал пороки своего времени с недюжинным красноречием, которого ему было не занимать, решительно борясь с алкоголизмом и помогал организовывать общества воздержания. Доуи был первым, кто требовал запретить распространение алкогольных напитков. По настоящию друзей он выдвинул свою кандидатуру на выборах, полагая, что его участие в работе

австралийского парламента может оказаться Божиим путем и гарантирует успех социальных реформ, в интересах которых он также вел переписку с Уильямом Глэдстоуном, известным английским государственным деятелем.

Однако его планы были обречены на провал. Доуи погряз в долгах. Друзья, находившиеся рядом с ним в лучшие дни его служения, оставили его, а родственники считали, что он выжил из ума. Только через несколько лет горьких испытаний и скорбей он начал понимать великий Божий план для своей жизни. Постепенно, по мере того, как его душа искала у Бога ответы, сначала из чувства отчаяния, а затем со все большей уверенностью, он начал видеть свет. Когда он начал служение бальным и страждущим, неудачи в его жизни прекратились. Сначала медленно, а потом все быстрее успех вернулся в его жизнь. Затем, в результате молниеносного восхождения к славе, будучи лидером среди проповедников божественного исцеления, он оказался в центре внимания людей во всем мире. Но прежде, чем начать рассказ о жизни этого мужа Божьего и о том, что Бог совершил в его жизни, мы процитируем строки, написанные настоятелем Антоном Дармсом, лично знавшим Доуи, об уникальном служении этого пророка девятнадцатого века.

«Джон Александр Доуи занимает уникальное место в формировании апостольских идеалов в Церкви двадцатого века. Его жить, служение и работа – восхитительный урок для тех, кто заинтересован видеть прогрессивные тенденции в христианстве.

Подобно пророку Исаие, он без чьей бы то ни выло помощи обличал духовную деградацию своих современников и открыто выступал против отступничества от истинной веры, как в протестантских, так и в католических кругах Церкви, возвещая новый день Тысячелетнего Царства, когда Иегова будет править Своей искупленной Церковью.

Как гром среди ясного неба, Джон Александр Доуи начал свою всемирную миссию проповеди Божьего слова, применяя на практике идеи и принципы

грядущего мессианского Царства. Тем самым, ему удалось ввести слово « Сион» в повседневный обиход людей во всем мире.

Доуи обладал редчайшими дарами и талантами. Как духовный бунтарь, он обличал зло во всех его проявлениях, срывая маски с неверных пасторов, стоящих за кафедрами, протестуя против лицемерия и лжи изменчивого мира и возвещая конец умирающей эпохи.

Сколько внезапным и неожиданным было появление Доуи на общественной сцене, столь же внезапным и неожиданным было окончание его служения. Тысячи его верных последователей, для которых Божье вдохновенное слово было книгой за семью печатями, признаки, что, благодаря его служению, они заново открыли для себя Библию».

Глава 2

Ранние годы жизни Джона Александр Доуи

Джон Александр Доуи родился в Эдинбурге. Шотландия. 25 мая 1847 года. Присутствующие при его рождении не могли даже предположить, что этот ребенок станет великим Божьим служителем, известным во всем мире. Подобно многим людям, жизнь которых Бог могущественно использовал (первым среди них был Иисус). Доуи родился в нищете. В детские годы он был очевидцем того горя и бед, причиной которых был грех. В его сердце очень рано сформировалось глубокое отвращение к злу, позже оно проявилось в яростном изобличении греха, который, по его убеждению, не приносил роду человеческому ничего, кроме сердечной боли и скорбей.

Детство этого мальчика нельзя было назвать счастливым. Он часто болел, и его состояние здоровья постоянно приводило родителей в отчаяние. Он не мог регулярно посещать школу, причиной чему была отчасти его изношенная одежда, а отчасти — слабое здоровье. Однако Доуи старался использовать любую возможность, чтобы учиться. Некоторые из его друзей были добры к нему и давали пользоваться своими учебниками, которые он с жадностью читал. Будучи Умным и одаренным мальчиком. Доуи прочитал Библию от корки до корки в возрасте шести лет.

Джон Александр услышал Божий призыв на служение, когда ему было всего семь лет. Он всегда старался сопровождать своего отца, странствующего проповедника, а также ходил на уличные евангелизационные собрания, которые проводил смиренный служитель Генри Райт, чьи проповеди побудили молодого Доуи отдать свое сердце Господу. Этот никому не известный проповедник едва ли мог представить себе, что одному из его слушателей было предопределено свыше произносить слова, которые будут обращать ко Христу тысячи людей. Служение Генри Райта в немалой степени

способствовало восстановлению в Церкви служения исцеления.

Еще до своего обращения к Богу юный Доуи ненавидел беззакония, связанные с распространением спиртных напитков. Он знал о последствиях алкогольной зависимости на примере некоторых своих близких, и, будучи еще ребенком, насмотрелся на беды людей, ставших жертвой этого проклятия. В то время в Шотландии набирало силу движение воздержания от спиртного, и в возрасте шести лет Доуи подписал требование о запрете на употребление алкогольных напитков. Такую же антипатию с раннего возраста он испытывал и к табаку. Подростком он решил, что никогда не будет курить, а позже стал всемирно известен как непримиримый борец с этой вредной привычкой.

Годы спустя, выступая перед огромным собранием верующих в своей чикагской Скинии, Доуи рассказывал о своих детских переживаниях, когда Господь привел его к решению отказаться от употребления табака:

«Итак, друзья, я хочу поблагодарить Нога за то, как Он вел меня. Когда я был еще ребенком, Он привел меня к решению оставить табак и употребление спиртного. Однажды я наблюдал как курит мой отец, и подумал. Что буду казаться взрослым, если попробую закурить сам. Потому я взял одну из его трубок и немного табака. Вместе с мальчишками мы вскарабкались на гору Кэт-ник, добравшись до вершины Салиберийских Утесов. Затем, остановившись под престолом Артура, в тот замечательный день я сказал: «Мы будем, как взрослые». После чего сделал-то, что делал мой отец: зажег табак. Кто-то из ребят сказал: «Осторожно, Джонни».

«Не бойтесь, я знаю, как курят», — ответил я, будучи уверен, что действительно знаю, но стоило мне сделать первую затяжку, как мои глаза, нос и все остальное заволокло дымом, и мне показалось, что Аеваддон или Апапион вышел из глубин преисподней и

схватил меня. Но я не сдавался. Спустя какое-то время я сделал еще одну затяжку и уже смог удержать дым внутри себя. Я попытался выдохнуть, но большая часть дыма вышла через нос, а остальная — вернулась назад в легкие. И когда я сделал третью затяжку, почувствовал что-то невероятное!

Я взглянул на Эдинбургский замок, который отделяла от нас долина, и — о, Боже! — что я увидел?! Замок вращался на месте, а собор св. Гиля кружился вместе с дворцом Холируд. Престол Артура качался, как пьяный. Я посмотрел на хохмы Пеннианд и увидел, что они гоняются друг за другом вокруг того места, где находились раньше. Я попытался взглянуть на замок Крейгмиллера, но он переместился на другой берег озера и бежал вслед за церковью Даддистон, которая тоже бежала по кругу за замком Крейгмиллера. Я вновь посмотрел на Холируд, и теперь он уже наскакивал на Эдинбургский замок. Я перевел взгляд вниз, в долину, а она вдруг подскочила и ударила меня в нос! Мне было невыносимо дурно, я выблевал все, что успел до этого съесть. Меня будто выворачиваю наизнанку! Я должен был быть благодарен каждому, кто вытащил бы меня из этого ада.

Возвращаясь в тот вечер дамой, я пытался идти по прямой, но не мог. Не было тротуара, который бы оказался достаточно широк для меня. Я находился в сильнейшем опьянении. Кажется, я сделал не больше трех затяжек.

Моя мать не знала о происшедшем, поэтому сказала: «Бедняжка Джон Александр заболел», — пытаясь меня утешить. Но если бы она знала правду, то сняла бы с меня шкуру, хотя шкуру нужно было снимать с моего отца. Я был еще очень, очень мал — мне исполнилось шесть лет. После того жуткого переживания с Аваддоном я в 1853 году подписал отказ от табака, опиума и алкоголя, и с тех пор, по благодати Божьей, не изменял своему решению.

Все это случилось со мной непосредственно перед тем, как я подписал хартию воздержания. Я уверен, что если бы не оказался в этой отвратительной ситуации, когда я стал подобен отвратительному и грязному животному, то никогда не подписал бы ее».

Когда Джону Александру исполнилось тринадцать лет, его родители решили эмигрировать в Австралию, куда уже перебрался его дядя. Они отправились на старом корабле, и потому путешествие длилось более шести месяцев. Несмотря на скудость своего образования, у Джона было достаточно знаний, чтобы во время поездки стать учителем нескольких детей, плывших на том же корабле, что дало ему возможность оплатить свой путь. Прибыв в Аделаиду, молодой человек начал самостоятельно зарабатывать себе на жизнь, работая на своего дядю, Александра Доуи, который в то время закладывал основание для успешного бизнеса (позже он стал тестем Джона). За свой труд Доуи получал пропитание и восемнадцать шиллингов в неделю.

Через несколько месяцев Доуи оставил работу у своего дяди и перешел на другую. Постепенно он стал продвигаться по службе и начал неплохо зарабатывать. Вскоре его стали называть незаурядным и подающим большие надежды молодым бизнесменом. Со временем Доуи стал ответственным клерком в филиале фирмы, оборот которой составлял два миллиона долларов в год.

В своих трудах Доуи не слишком много пишет о том, как Бог работал с ним в течение этого времени, но известно, что все эти годы Бог продолжал обращаться к сердцу молодого человека. С ранних лет он чувствовал, что призван служить Богу. Когда ему должен был исполниться двадцать один год, Доуи на заработанные деньги нанял частного учителя и начал готовиться к предстоящему служению. После пятнадцати месяцев обучения он оставил Австралию и поступил в Эдинбургский университет на факультет искусств, где учился три года, одновременно занимаясь на факультативных курсах Открытой Церковной школы. Мы не располагаем полной информацией о том, что происходило в

его жизни во время учебы в университете. Известно только, что молодой человек не проявлял большой любви к догматическому богословию того времени. Он оказался блестящим знатоком Библии, однако, по причине его разногласий с профессорами и нежеланием принимать церковные догмы, его не считали образцовым студентом. Но Доуи горел желанием учиться, и эта жажда знаний заставляла его постоянно читать, а цепкая память помогала усваивать знания, благодаря которым в последующие годы он мог компетентно говорить практически на любую тему.

Бог постоянно работал с Джоном, готовя к выполнению уникальной миссии. Еще до вступления на служение Доуи знал, что Бог исцеляет, хотя в то время услышать о божественном исцелении можно было очень немногое. В те годы он страдал от хронических проблем с пищеварением. Он научился доверять Богу свое исцеление, и в ответ "а молитву веры получил полное избавление от своей болезни. Однако должно было пройти еще много лет, прежде чем он получил истинное представление о божественном исцелении, как учит о нем Библия.

В период учебы в Эдинбурге Доуи был «почетным капелланом» в Эдинбургской больнице. Он бывал в клинике знаменитого хирурга Джона Симеона, присутствовал на его лекциях, выслушивал диагнозы врачей, в то время как их пациенты лежали под наркозом. Доуи наблюдал за многими операциями и был свидетелем летальных исходов. Он видел, как хирурги, неспособные вылечить больной орган, просто удаляли его. Из уст профессоров он слышал признания о том, что их диагнозы — это всего лишь догадки и логические построения во тьме неведения, а наблюдения за их экспериментами выработали в нем сильную неприязнь к хирургии и медицине вообще.

Примерно в середине своего обучения в университете он был срочно вызван домой телеграммой от отца. Причина вызова на тот момент была ему неизвестна. Проделав долгий путь домой в Австралию и изучив отчеты партнерской фирмы, главным учредителем которой был его отец, он обнаружил, что фирма обанкротилась и переходит под

управление официального представителя властей. Молодой Доуи постарался как можно успешнее завершить все формальности. Несмотря на финансовые проблемы (ему пришлось одолжить деньги, чтобы вернуться в Австралию), он все же приступил к осуществлению своего призыва и начал собственное служение.

Глава 3

Молодой Доуи начинает трудиться на пасторской ниве

Теперь, когда молодой Доуи был готов проповедовать Евангелие, ему необходимо было решить, где начинать свое служение. Сначала он думал вернуться в Шотландию. Но прежде чем принять окончательное решение. Доуи посетил городок в южной Австралии под названием Альма. Там он получил приглашение от собрания пасторов конгрегациалистской церкви, которые предложили ему работать вместе с ними. Поначалу отказавшись, потом он понял, что в этом заключался Божий промысел для него, и первого апреля 1872 года Доуи принял их приглашение. Его обязанностью было проводить собрания в нескольких общинах, находящихся на расстоянии нескольких миль друг от друга. Центральная церковь находилась в двух милях от Альмы, или в шестидесяти — к северу от Аделаиды.

Заняв место за кафедрой проповедника, молодой служитель стал обличать наиболее распространенные пороки своего времени и особенно — употребление алкогольных напитков. Выпивка была обычным делом среди служителей церкви, не говоря уже о прихожанах, и верующие, находящиеся на его попечении, несомненно, не были исключением. Как и следовало ожидать, дерзновенные проповеди Доуи, обличающие грех, не прибавили ему популярности у прихожан, которые вскоре перешли к открытому негодованию. Молодой пастор, конечно же, не смог этого не заметить. Однако многие члены церкви поддерживали Доуи, и немало мирских обывателей в округе привлекали его проповеди. Тем не менее, служение развивалось медленно, и, несмотря на его огромные усилия, он, казалось, был не способен пробудить верующих от духовного летаргического сна. Результаты, которых ему удалось достичь, были ничтожно малы по сравнению с теми, которых он ожидал. Доуи решил, что будет только напрасно

тратить время, оставаясь в Альме. В декабре он направил руководству церкви письмо с просьбой об отставке.

**«Альма, 5 декабря 1872 года.
Уважаемые братья и сестры.**

После многих молитв и размышлений о Божьем руководстве в моей жизни, я твердо решил оставить свое пасторское служение, и посему передаю это решение в ваши руки. Я предлагаю привести его в исполнение в субботу 29 декабря.

К этому решению я пришел с великим сожалением. И хотя мои надежды не оправдались, все же я рассматривал ваше предложение на пасторство как Божье назначение.

Я всегда был глубоко заинтересован в улучшении духовного состояния, в котором находитесь вы, а также люди, окружающие меня, ради которых я трудился, чтобы приобрести их для Испупителя.

Я горячо молю Господа, чтобы Он Духом Своим направлял вас в ваших будущих действиях.

Когда этот испытательный период жизни на земле канет в блаженную вечность, которую Христос приобрел для нас, я надеюсь встретиться с вами там, где не будет ни боли, ни страдания. Пока же «пусть Бог мира совершает вас в каждом добром деле, которым вы творите Его волю».

**Ваш во Христе,
Джон Александр Доуи».**

Церковь восприняла его отставку «глубоко опечалившись». Еще находясь в Альме, Джон Александр Доуи получил приглашение на пасторское служение в Мэнли Бич, неподалеку от Сиднея. Церковь оказала ему радушный прием, и люди заполнили аудиторию, так что даже не хватало места. Перспектива казалась отличной, однако он был глубоко обеспокоен отсутствием осознания греха большинством местного населения, и в своем письме к церкви Доуи писал о вероятности того, что в жизнь людей

приходит Божье осуждение за их грехи. Вот что говорится в его письме от 3-го декабря 1873 года:

«Саранча каждый год становится источником угрозы урожаю. Участившиеся в последнее время засухи вызывают опасения. Я сожалею, что во многих местах урожай сокращается и по другим причинам. Но уверен, что это — далеко не все, чего заслуживают люди, пожинающие эти беды. Ибо Бог никогда не осуждает нас в полной мере, как мы того заслуживаем, — как лично каждого, так и целый народ. Мы, однако, так привыкли к изобилию Его благодати, что начинаем возмущаться и горько роптать, будто нас обидели, когда Он перестает посыпать изобилие в нашу жизнь. Как же это глупо и лукаво! Однако виновными в этом безрассудстве каждый день становятся тысячи людей, и оно является самой низкой формой непочтения Бога».

Всю свою жизнь Джон Александр Доуи жил с беспокойством в своем духе. Казалось, что с самого рождения он знал о своей особой миссии, которую обязан исполнить. Однако должно

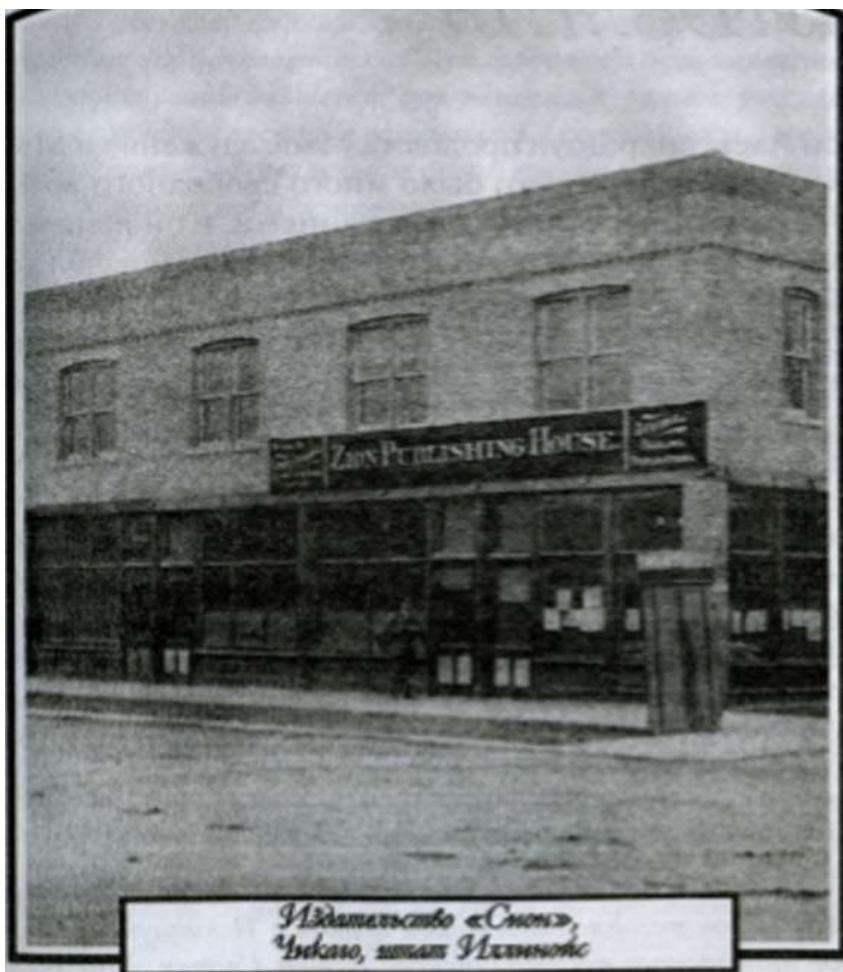
было пройти много лет, прежде чем он полностью понял природу этой миссии. Бог учил Доуи, и одним из первых откровений, которые Господь дал ему были безнадежность и обреченность Души человека, живущего без Христа. Еще тогда, во время своего служения неподалеку от Сиднея, Доуи начал понимать порочность общества и необходимость его духовного возрождения силой Духа Божьего. В октябре 1874 года он писал:

«Страшные сцены, которые я выдел, и звуки, которые слыша по соседству с Австралийским Залом и во всех прочих местах, произвели на меня тягостное впечатление. Я пришел к выводу, что в том городе много зла и бед. Нельзя пересказать и половины того, что мне известно. По моему твердому убеждению, со стороны видно гораздо больше одном десятое части

того зла. Во всех общественных классах наблюдается рассадник зла и безнравственности, и пока люди ведут дискуссии о внешней стороне религиозной жизни, огромное множество человеческих душ ожесточается в своих пороках, оставаясь рабами страстей своей тленной плоти. Девять десятых всех случаев неверности Богу в жизни всех общественных классов, по моему мнению, коренятся в их безнравственности. Ибо душа человека инстинктивно вопиет к живому Богу до тех пор, пока ее не заглушают грехи, сознательно противящиеся любым мыслям о чистоте, и лишь после того сердце, испытывающее чувство страха и вины, начинает оспаривать существование Бога, отрицать Его законы, отвергать Его Сына и бежать от Его присутствия».

Но вместе с откровением об абсолютной беспомощности человека без Христа, Бог преподал Доуи ещё один урок: о том, что сердце человека в значительной мере мертвое и бесчувственно к духовному, а его уши закрыты. Поэтому человеку, желающему донести Евангелие до масс людей, необходимо вначале послужить исцелением и духовным избавлением пленникам, скованным дьявольскими цепями. Только тогда люди, живущие в местах, где прочно обосновалось отступничество и безбожие, смогут в большом количестве собраться и услышать призыв к покаянию.

Молодому Доуи первому надлежало научиться такому служению, когда во время ужасов эпидемии чумы, пронесшейся по территории западной Австралии, он был вынужден воззвать к Богу с просьбой остановить эпидемию, уносящую жизни и молодых, и старых. Когда он в отчаянии взвывал к Богу, определенные места из Писания стали всплывать у него в памяти, проливая свет истины, и он получил ответ в тот трудный час. Стоило ему только начать молиться за больных, как на молитву стали приходить такие замечательные ответы, что эпидемия была остановлена, по крайней мере, в его церкви. В следующей главе д-р Доуи сам расскажет об этих событиях.

Издательство «Сион»,
Чикаго, штат Иллинойс

Глава 4

Как прекратилась смертная Эпидемия

Джон Александр Доуи продолжат свое служение в Мэнли до конца 1874 года. У него было много свободного времени, чтобы заниматься своими исследованиями, и он использовал это время с большой пользой для себя. Но Доуи начал тосковать по большому служению. Вскоре ему представилась возможность получить должность пастора в Ньютауне, пригороде Сиднея. Во время его пребывания в этом городке и произошли трагические события, которые, согласно Божьему промыслу, имели такое важное влияние на будущее Доуи. Ужасная эпидемия чумы обрушилась на ту часть Австралии, где он жил. Умирало так много людей, что это приводило молодого служителя в ужас. В течение нескольких недель ему довелось провести более сорока погребальных служб. Доуи окружали больные и умирающие. Людские трагедии и скорби с великой силой оказывали воздействие на его собственный чувствительный дух. Ниже мы приводим рассказ самого д-ра Доуи об этом, а также, о том, как Бог проговорил к его сердцу и указал на Свое обетование, касающееся исцеления.

«Я сидел в кабинете своего пасторского дома, принадлежащего конгрегационалистской церкви в Ньютане, пригороде прекрасного австралийского города Сиднея. Мне было невыносимо тяжело на сердце после посещения более тридцати домов, где от страшной болезни умирали люди, прихожане моей церкви. В течение нескольких недель я провел в последний путь более сорока человек. Где же, где был Тот, Кто прежде исцелял Своих страждающих детей?! Ни одна молитва об исцелении не достигала Его ушей, однако я тал, что Его рука не сократилась, чтобы спасать. Тем не менее, знание об этом не уберегло от смерти даже тех, кому еще предстояло так много сделать для Бога и для людей. Сильные мужчины,

отцы, добродорядочные граждане и, что печальнее всего, истинные христиане заболевали чумой. Они страдали от нечеловеческих мук, впадали в беспамятство, иногда сопровождавшееся судорогами, и затем умирали. Какая ужасная пустота оставалась в сердцах вдов и сирот; сколько домов, где маленькие дети, юноши и девушки умирали в тяжких муках, оставаясь лежать холодными и бездыханными! Мне казалось, будто я слышу торжествующий смех своих врагов, когда произносил слова христианской надежды и утешения людям, пережившим утрату родных и близких. Болезнь, это гадкое детище своего отца — сатаны и своей матери — греха, оскверняла и разрушала земные храмы Божьих детей, и не было от нее избавления.

Я сидел, опустив голову, в глубокой скорби за свою церковь, пока не потекли горькие слезы, неся утешение моему исстрадавшемуся сердцу. Затем я начал молиться. О, как я томился желанием услышать несколько слов от Того, Кто так сильно горевал о страждающих, — от Мужа скорбен и сострадания. Затем предо мной в чудесном сиянии предстали слова, вдохновленные Духом Святым, из книги Деяния Апостолов 10:38, которые говорили о Христе как Целителе. Я вытер слезы и укрепился в своем сердце. Я увидел путь, ведущий к исцелению, и дверь туда была широко открыта. Я сказал: «Боже, помоги мне теперь проповедовать всем умирающим людям Твое слово и говорить им о там, что сатана оскверняет их, но Иисус по-прежнему может исцелять, ибо «Он вчера, сегодня и вовеки тот же».

Тотчас я услышал громкий звонок и несколько ударов в дверь, затем — быстрые шаги, и вот уже у меня в дверях стояло двое запыхавшихся посыльных со словами: «О, быстрее идемте, Мэри умирает. Идите и помолитесь». С чувством пастыря, услыхавшего, что жестокий волк только что вырвал из стада одну из его овец, я бросился к даме умирающей девушки. Она

лежала на кровати, издавая стоны, сцепив зубы в агонии борьбы с дьяволом. Белая пена, смешанная с кровью, сочилась из ее уст, искаженных мучительной гримасой страдания. Я взглянув на нее, и гнев возгорелся во мне. «О, как бы мне хотелось, — думал я, — иметь острый меч небесного гнева, способный насмерть поразить жестокого врага, который, как невидимый удав, душит эму прекрасную девушку, стискивая на ней свои ужасные кольца, пока не одержит окончательную победу.

Ответ на эту молитву был неожиданным для меня. Я ощущил, что меч, в котором я нуждался, находится в моей руке; что я подниму его и никогда не опущу. Врач — благочестивый христианин — тихо ходил по комнате, рассказывая мне о страданиях и муках, которые переживала мать умирающей девушки. Наконец, он остановился возле меня и спросил: «Сэр, не кажется ли вам загадочными Божьи пути?» Тотчас духовный меч — меч Божьего слова — блеснул в моей руке. «Божьи пути?! — воскликнул я, указывая на большую девушку. — Как смеете вы, д-р К., называть Божьими путями безвременный уход Его детей с земли на небеса! Нет, сэр, это работа дьявола, и настало время нам воззвать к Богу, Который «пришел разрушить дела дьявола», чтобы Он поразил жестокого и гнусного убийцу и спас это дитя от смерти. Доктор, можете ли вы помолиться; можете ли вы помолиться молитвой веры, спасающей больных?» Обидевшись на мои слова, мой друг тотчас изменился в лице и ответил: «Не слишком ли вы возбуждены, сэр? Не лучше ли будет сказать Богу: «Да будет воля Твоя»?» С этими словами он удалился из комнаты.

«Возбужден!» Это слово слабо подходило к нашей ситуации. Ибо я дошел почти до безумия, полный Божьего гнева и ненависти к этому гнусному убийце по имени Болезнь, творящему волю дьявола. «Да не будет так! — воскликнул я. — Не может быть Божьей воли

для такой жестокости, и я никогда не скажу «Да свершится Божья воля» на дела дьявола, которые Божий Сын пришел разрушить, и сейчас я вижу одно и л них». О, как Божье слово горело в этот миг в моем сердце! «Иисус из Назарета ходил, творя добро и исцеляя всех людей, угнетаемых дьяволом, ибо Бог был с Ним». А разве Бог не со мной? И раме Иисус не со мной, и все Его обетования не истина? Повернувшись к матери девушки, я спросил: «Зачем вы послали за мной?» На что она ответит: «Помолитесь, помолитесь же о том, чтобы Бог поставил ее на ноги». И мы намолились. Я не могу безошибочно вспомнить все, что говорил, но сами по себе слова не имеют большого значения. Молитва веры может быть совершенно безмолвной, когда вы просто, от всего сердца, с уверенностью смотрите Иисусу в лицо. В такие моменты люди не многоговоривны, но как много значат их слова! Ибо Бог смотрит на сердце человека. И все же, я до сего дня помню многое из той молитвы и, с Божьей помощью, постараюсь вспомнить ее. Я взыпал к Богу: «Отче наш, помоги! Дух Святой, научи меня, как нужно молиться. Молю Тебя за нас. о, Иисус. Спаситель, Целитель, Друг и наш Ходатай пред Богом-Отцом. Услышь и исцели, о. Бог Предвечный! От всякой боли и смерти избавь это милое дитя. Я уповаю на Твое слово. Мы взыываем сейчас к Твоему обетованию. Истинно слово: «Я — Господь, Целитель твой!» Исцели же ту девушку Истинно слово: «Я Господь, Я не изменен». Боже неизменный, будь сейчас нашим Целителем. Истинно слово: «Сии знамения будут следовать за верующими во имя Мое: возложат руки на больных и они выздоровеют». И я с верою возлагаю свои руки на нее во имя Иисуса и призываю сейчас это обетование. Истинно слово: и Молитва веры исцелит болящего». Уповая на Тебя одного, я воплю: спаси ее ради Иисуса. Аминь!»

И я увидел, что девушка лежала и мирно спала. Ее сон был таким глубоким и безмятежным, что мать

шепотом спросила меня: «Она умерла?» «Нет, — ответил я еще тише. — Мэри будет жить, болезнь ушла. Она совершенно здорова и спит, как младенец». Убрав темные локоны с ее теперь уже спокойного лица и пощупав ее ровный пульс на прохладной и влажной руке, я понял, что Христос услышал мою молитву, и, как было когда-то в доме Петра, «Он прикоснулся, и горячка оставила ее». Повернувшись к сиделке, я сказал: «Принесите чашку какао и несколько кусочков хлеба с маслом». Мы сидели возле спящей девушки тихо, почти не дыша, пока не вернулась сиделка. Затем я склонился над спящей и, щелкнув пальцами, сказал: «Мэри!» Она тотчас открыла глаза, улыбнулась и спросила: «О, сэр, когда вы пришли к нам? Я так долго спала». Затем, протянув руки, чтобы обнять свою мать, она сказала: «Мама, я так прекрасно себя чувствую». «И, наверное, хочешь есть?» — спросил я, наливая в блюдце какао, чтобы остудить. «Да, я голодна», — ответила она с радостью в голосе. Она сделала глоток, а потом еще, пока не выпила все. Через несколько минут девушка снова уснула, дыша спокойно и легко. Молча поблагодарив Бога, мы оставили ее спать, а сами пошли в другую комнату, где лежали ее брат и сестра, так же больные чумой. Мы помолились за них, и они были исцелены. На следующий день все трое были здоровы, а через неделю они прислали мне письмо с маленьким подарком — двумя золотыми запонками с монограммой, которые я ношу уже много лет. Когда я вышел из дома, где Христос показал Себя победоносным Целителем, в моем сердце звучала песня ликования, льющаяся прямо с небес. При этом я сам был немало удивлен делами, которые совершил, а еще больше — своему открытию, что Господь вчера, сегодня и вовеки тот же.

Эта история о том, как я начал проповедовать Евангелие исцеления по вере в Иисуса Христа».

Эпидемия была остановлена — как минимум, для членов церкви Джона Александра Доуи. Ни один человек из его собрания больше не умер от чумы. Используя это ужасное заболевание, несущее смерть всем людям, Господь открыл Доуи природу служения, которое впоследствии принесло ему мировую известность. Богу было угодно, чтобы через молодого служителя однажды возродилось это служение. В те годы никто еще не слышал о служении божественного исцеления, и Доуи предстояло усвоить еще много других уроков, пережить много скорби и неудач, пройти закалку в огненном горниле испытаний, пока, наконец, в его душе не родилось полное осознание предназначеннной ему Богом судьбы.

Это первое явление исцеляющей Божьей силы Джон Александр Доуи запомнил навсегда. Теперь мы должны вернуться к рассказу о последовавших за этим событиях в его жизни. Вскоре после чудесного явления Божьего провидения, позволившего остановить ужасную эпидемию, наш молодой проповедник женился. В следующей главе мы расскажем о некоторых обстоятельствах этого важного события его жизни.

Глава 5

Его брак с Джинни

Ещё находясь в Мэньяи, молодой Доуи начал задумываться о выборе спутницы жизни. История о том, как он решил выбрать себе жену и завоевать ее сердце, представляет собой интересное повествование, относящееся к раннему этапу формирования его жизненного пути. В одном из писем к родителям он достаточно откровенно поделился своими мыслями о браке. Мы приведем вам лишь небольшую цитату из него:

«О, не говорите об этом в Газе, чтобы не радовались филистимляне! Если бы только мои «доброжелатели» в Мэнли, сватавшие меня уже как минимум шесть раз за вдов и девушек, смогли бы теперь посмотреть на меня - вот бы для них потеха. Я похож на эзоповских лягушек, обращающихся к мальчикам, бросающим в них камни, со словами: «То, что для вас потеха, для нас — смерть».

Говоря, однако, серьёзно, я чувствую, что если придется поселиться в Новом Южном Уэльсе или где-нибудь в другом месте, то мне нужно будет жениться, и если я решусь, то так и сделаю. «Но на ком?» - спросите вы. «Что я могу на это ответить?» - «Но разве ты еще не знаешь» «Нет, я не знаю, но в Библии говорится, что «благодетельная жена - от Господа», и поскольку я хочу иметь благодетельную жену, то буду просить Господа дать ее мне».

Но Доуи уже был влюблён в свою двоюродную сестру Джинни. Поначалу он считал, «по взаимоотношения с ней будут препятствием к его браку: Но время шло, и ему казалось, «по всю свою первую любовь он отдал этой девушке. Доуи не думал, что сможет перестать ее любить. Он ничего не говорил ей о своих чувствах, пока однажды не узнал, «что Джинни планирует побывать на футбольном матче.

Мысль о том, что девушка, в которую он влюблен, посетит мирское мероприятие, была для него, как нож в сердце. Он написал ей письмо с предупреждением об опасности, и тем самым «выпустят кота из мешка» (как он позже это называл), поведав ей о своих чувствах и объяснив, «по его волнения рождены «особенной и чуткой заботой о ее благополучии».

Вскоре молодой служитель узнал, что реакция на его благонамеренное письмо была отнюдь не самая доброжелательная. Он был поражен столь резким ответом, а его чувства были очень глубоко ранены, и потому сразу же начал думать о пасторском назначении куда-нибудь подальше от нее. Спустя шесть недель Доуи переехал в Мэнли Бич и приступил к своим обязанностям, надеясь, что время, расстояние и контакты с новыми людьми послужат лекарством для его души. Но проходили недели, а за ними и месяцы, и он втайне признавал, что его чувства к кузине нисколько не изменились.

В своем стремлении забыть прошлые переживания, он с головой углубился в работу, заполняя каждый час своего бодрствования каким-нибудь занятием. В результате Доуи серьезно заболел, и ему потребовать некоторое время для отдыха. Вскоре после выздоровления он решил, что влюбился в другую юную даму, но это чувство длилось недолго. Вот что он говорит по поводу этого короткого романа:

«В конце этого года я тешил себя пустыми иллюзиями о том, что нашел новую любовь, но вскоре они расселась, заставив меня страдать в течение некоторого времени. Зато теперь я вижу, что все было к лучшему, ибо они оказались всего лишь скротечных пустынным миражам».

Усердно трудясь и добросовестно выполняя свою работу, молодой человек все же продолжат страдать от нарастающего чувства одиночества и недостатка домашнего уюта. Вскоре Доуи пришел к выводу, что его служение будет

более успешным, если он женится, и эта мысль стала предметом его молитв и частых размышлений.

Спустя некоторое время он получил известие от родителей, что дядя вместе с Джини собираются его навестить. Молодой человек не знал: горевать ему или радоваться. Будучи их родственником, он понимал, что должен сделать их визит максимально приятным. Однако он решил, что никоим образом не будет оказывать особого внимания или делать какие-нибудь предложения Джини, если не увидит хоть какой-нибудь причины, побуждающей его к этому. Он следовал принятому решению вплоть до последнего дня их пребывания у него в гостях. Вечером того дня дядя, будучи сильно уставшим, рано лег спать. Джини, присутствовавшая на молитвенном собрании, немного задержалась, беседуя с Доуи. Молодые люди не заметили, как начали говорить о своих взаимных чувствах друг к другу. Джини, вспомнив письмо, написанное Доуи два года назад, призналась, что ее кузен тогда был абсолютно прав, предлагая ей свой совет. Более того, она сказала, что хотела бы стать его женой, если бы не то обстоятельство, что они двоюродные брат и сестра.

Однако молодой служитель считал, что существующий запрет на брак между двоюродными братьями и сестрами не более, чем предрассудок, так как не имеет никаких разумных оснований. Сегодня, спустя три четверти века, интересно отметить, что после многих лет наблюдений наука пришла к заключению, что родственные отношения между двоюродными братьями и сестрами не являются помехой для брака, если только в обеих семьях не было схожих физических аномалий.

Джини все же попросила дать ей время подумать над этим вопросом. Затем возникла ещё, что между молодыми людьми что-то происходит, поинтересовался у дочери. И Джини рассказала ему о разговоре с Доуи, состоявшемся накануне вечером. Отец выразил свое категорическое несогласие с предполагаемым браком. Уже перед самой посадкой на пароход Джини отозвала кузена в сторону и передала мнение своего отца.

Но молодой человек уже не представлял своей будущей жизни без Джини. В письме к родителям Доуи так говорил о своей избраннице: «Я верю, что мы любим друг друга с особенной силой. Это не сиюминутное увлечение, не страсть безусого мальчишки и не фанатизм глупца». Визит Джини с такой силой оживил его любовь, что Доуи казалось невозможным найти истинное удовлетворение в ком-то другом, кроме неё. К тому же он считал, «по не существует никакой причины для того, чтобы Бог не благословил такой брак. Он решил прибегнуть к помощи своих родителей и обратился к ним с письмом, в котором подробно описал события, произошедшие во время визита его дяди:

«Когда я начал писать вам, то намеривался оставить содержание этого письма в тайне, дабы оно никогда не попал на глаза чужим людям. Но теперь, поразмыслив о том, как вы могли бы мне помочь в этом важном для меня деле, я реши, что будет лучше, если вы спокойно поговорите с дядей и покажете ему это письмо — искреннее признание в моих неизменных чувствах к Джини. Вы могли бы разъяснить ему мою позицию и попросить его задуматься о том, будет ли наш брак помехой как для ее счастья и душевного покоя, так и дня моего.

Я знаю, что он благоразумный человек, безумно любящий свою дочь, и думаю, что он сможет спокойно обсудить этот вопрос, если его правильно ему представать. Если только я не ошибаюсь, он дружески расположен ко мне и возражает против нашего с Джини брака только лишь потому, что этому, как он считает, мешает наше родство. Позволите теперь мне очень коротко изложить свои мысли по «вопросу физического здоровья», которому он справедливо придает важное значение...

Мое заключение основано на следующих фактах. На протяжении всей истории существования Иудейского закона, наемным мы его маем, такие действия не только не запрещались, но разрешались и одобрялись.

Тому есть много примеров в Библии. И надо отметить, что не существовало другого такого строгого и сурового кодекса о браке, как у евреев, - тем не менее, что он был дан Самим Богом. Например, Иаков был женат на Рахили и Лии - своих двоюродных сестрах, от брака с которыми произошли патриархи еврейского народа. Моисеев закон, известный своими требованиями образцовой моральной чистоты, не содержит никаких запретов по этому поводу...»

В этом письме говорилось ещё о многом (в ранние годы своей жизни Доуи писал порой невероятно длинные письма, даже если ему приходилось посвятить этому целую ночь). В завершении своего послания он писал: «Теперь, отец, я поручаю тебе быть моим послом к дяде. Я знаю, что когда представится такая возможность, мама тоже скажет свое слово с присущей ей мудростью. Я прошу тебя, как можно скорее поговори с дядей на эту тему, преподнеся ему это письмо как залог для его уверенности и как мою мольбу».

По-видимому, это письмо вместе со своевременной родительской помощью и поддержкой со стороны Джини произвело надлежащий эффект, и дядя неохотно, но все же согласился на то, чтобы этот брак состоялся. Позже он, должно быть, начал сомневаться в правильности своего решения, так как вскоре, несогласный с суждениями своего племянника, не раз позволял себе резко высказываться. Доуи было неприятно слушать его нелестные слова, но он не обращал на это внимание. Как бы там ни было, вынужденное разрешение, если не чистосердечное благословение, было получено, и дата бракосочетания была назначена на 26 мая 1876 года — через день после двадцати-девятилетия жениха.

В письме к родителям Доуи высказал желание, чтобы церемония бракосочетания прошла тихо, без лишнего шума. Он придерживался той позиции, что брак — это в первую очередь религиозное событие, а уж потом — гражданское. «Это великая тайна — прообраз самых сокровенных тайн нашего духовного подобия Богу, — и это единственное Божье учреждение, данное человеку до его грехопадения в

Эдемском саду. Брак — прекрасная возможность для Бога излить Свою благодать, и поскольку дом Господень будет местом проведения нашего бракосочетания, мы не без основания ожидаем увидеть много ярких и ободряющих признаков Его присутствия и преображающей духовной силы».

После бракосочетания Доуи со своей молодой женой вернулся к напряженному пасторскому служению в Ньютане. Джини была наделена превосходным характером. Ей пришлось перенести немало испытаний и лишений, особенно в тот период, когда ее муж утверждался в своем новом служении — несмотря на все невзгоды и неожиданные неудачи, которые, казалось, следовали за Доуи по пятам с завидным постоянством, она стремилась найти выход из любой ситуации. Молодой Доуи всегда осознавал личную ответственность. Он никогда не был более печатен, чем когда удача обходила стороной, и ему казалось, что он не сможет обеспечить насущнейшие нужды своей семьи. Но эти мрачные периоды были недолгими.

Однако вскоре этой паре пришлось пройти через болезненное переживание. Отец Джини был недоволен методами работы своего зятя. Через год после свадьбы, по настоянию своих родителей, Джини в ожидании появления первенца переехала на некоторое время к ним. Ей пришлось постоянно выслушивать язвительную критику отца, направленную против ее мужа. В подобных обстоятельствах очень легко возникнуть трещине между мужем и женой. Доуи не было рядом, чтобы выступить в свою защиту. А отец Джини, не имея возможности понять и с сочувствием воспринять позицию зятя, из самых лучших, но, увы, плотских, побуждений представлял планы молодого человека в самом неприглядном свете.

Этой тишине, однако, не удалось возникнуть, поскольку Джинн, будучи благочестивой женой, вскоре поняла, что поступает неправильно, разделяя критическое отношение своего отца. Она признала свою ошибку и попросила прошение у мужа. Молодой Доуи написал два или три

письма, представлявшие собой гениальные произведения, которые были настолько убедительными в своей логике, что даже отец Джини признал ошибочным свое мнение о зяте, так как молодой человек, написавший такие письма, наверняка, обладает незаурядными способностями, и должен быть птицей более высокого полета, чем поначалу ему казалось. Но эту историю мы расскажем вам в следующей главе.

За три месяца до бракосочетания молодой Доуи написал своей невесте письмо, которое, к сожалению, слишком велико, чтобы привести его полностью.

«Ньютаун, Австралия.

Апрель, 1876 г.

Драгоценная Джини.

..Ах, как бы мне хотелось быть Для тебя хорошим мужем и сделать все от меня зависящее, чтобы ты была счастлива. Возможно, у меня еще нет тех силы качеств, которыми обладают многие, но я утешаюсь мыслью о том, что желание добиться успеха в там ми ином деле дает необходимые для этого силы. Мое желание - быть верным и любить тебя. Мы каждый день будем просить Бога хранить наши сердца и нашу жизнь от себялюбия и своеволия. Пока наша воля не придет в согласие с волей Божьей, мы не сможем быть воистину счастливыми; и как же это радостно - жить по воле Божьей. Причиной всех моих скорбей и испытаний было мое своеволие, которое, по сути своей, есть ни что иное, как самолюбование и самопоклонение. Бог научил меня элементарной истине, показав, что практически каждый человек терпит неудачу, если полное отречение от себя не считает первым и важнейшим правилам. Заблуждается тот, кто убежден, что радость и красоту можно найти в удовлетворении собственных желаний, в легкой жизни, пашой удовольствий. До сего дня я был счастлив лишь тогда, когда бодрой и легкой поступью шел туда, к чему Бог меня призвал. Незнание мной

истины возвращает многих людей на пути этого мира, на пажити, кажущиеся тучными и приятными, на пути греха, увлекающие душу в сети опасности или мрачного Сомнения — Великана Отчаяния, как говорил о нем Буньян, — на широкий путь Смерти.

...Посмотрите на изнанку блестящей и сверкающей тиковой ткани — она представляет собой спутанную массу беспорядочно переметенных нитей с той стороны, где работает ткач. Она сильно отличается от великолепия лицевой стороны, на которую вы обычно смотрите. Так же и наша жизнь нередко кажется нам запутанной, беспорядочной и неорганизованной — но это не так. Жизнь каждого человека предопределена свыше, и мы должны испарить Божий план. О, если бы мы только могли подняться на крыльях веры и любви, чтобы взглянуть на свою жизнь с небесной высоты, откуда Бог смотрит на нас!

Если мы будем «строить» свою жизнь в соответствии с Божьей волей — благой и совершенное, — то не будем обижаться и роптать на то, что не все нити кажутся нам прямыми, и мы не всегда можем разглядеть совершенство Еgo дизайна.

Жизни замечательных людей строятся в процессе терпеливого подчинения и любви к Богу на земле. Как сильно мешают нам грех и собственная глупость! Давайте же вместе совершенствоваться, и Бог благословит нас в этом благом деле. Однажды наступит день, когда Он покажет нам все. Чтобы смирить свой пыл и укротить свой характер, нам нужно много молиться, удаляясь от надменности и чванства, и смиренно искать Бога. Я открыл для себя эту истину, когда меня преследовали неудачи, и я боролся со своими слабостями. Прошу тебя, дорогая Джини: почаще оставайся наедине с Богом.

Вот небольшое стихотворение, которое я недавно написал. Его строки смогут передать тебе мое мысли. По не думай, что я всегда таков, каким ты можешь

увидеть меня. Я бываю очень слаб и маловерен, как часто мне кажется, но в слова этого стихотворения я вдохнул свои желания, надежды и стремление быть таким, каким Христос желает меня видеть.

Как хорошо бывает иногда отвлечься от мирской суеты,

*Чтобы увидеть улыбку на лице нашего Спасителя
И шагать Его путем;*

*О, если мы только успокоимся в сердце своем
И будем целиком уповать на Божий замысел,
У нас это получится.*

*Хотя нас со всех сторон окружает ночь,
Хотя враги захватывают нашу святую землю.
Наполняя страхом наши сердца.*

*Наш Спаситель с молитвенной горы
Услышит наш самый тихий зов
И не замедлит явиться.*

*Его ноги могут попирать штурмящее море.
Волны слышат Его голос, пробуждающий мертвых
И повелевающий волнам утихнуть.
И направляемые рукой нашего Кормчего
Наши души, бросаемые бурей, достигнут земли.
Сохранные от всякого и зла».*

Глава 6

Проблемы с родственниками

Осенью 1877 года у д-ра Доуи родился сын. Его назвали Александром Джоном Глэдстоуном — в честь У. Э. Глэдстоуна, премьер-министра британского парламента, которому Доуи доверял как патриоту-христианину. Как мы уже говорили, родные Джини считали, что будет лучше, если последние месяцы беременности она проведете ними. Доуи очень неохотно дал согласие на отъезд жены, будучи уверен, что в связи с этим возникнет множество проблем. И он не ошибся.

Случилось так, что примерно в то же время молодой служитель, по словам некоторых людей, допустил ошибку в финансовых вопросах, вследствие которой он лишился средств к существованию. Доуи написал письмо к своему дяде, в котором рассказал о своих трудностях. Вскоре он понял, что поступил опрометчиво, так как дядя, никогда не относившийся с энтузиазмом к его браку с Джини, стал упрекать Доуи и написал ему письмо, слишком грубое, чтобы это можно было назвать советом. И, что ещё хуже, ему почти удалось убедить свою дочь, что она совершила серьезную ошибку, выйдя замуж за своего двоюродного брата, которого он теперь назвал раздражительным молодым проповедником, неуживчивым и неспособным обосноваться на каком бы то ни было месте, чье финансовое положение будет только ухудшаться. По его убеждению, племянник предложил его дочери весьма ненадежное будущее, которое не может обещать ей ничего хорошего.

Дядино письмо было трудно расценивать иначе, как оскорбление достоинства молодого человека и насмешку над его способностями позаботиться о благополучии своей семьи. Можете себе представить, как глубоко сожалел Доуи о своем письме к дяде. Он написал жене длинное письмо, решительно протестуя против несправедливых обвинений своего тестя.

Внимательно читая письма, текст которых мы можем предоставить вам только в сокращенном виде, становится очевидным тот факт, что основные возражения тестя состояли в том, что Доуи не придавал должного внимания деньгам и планировал свои будущие шаги без надлежащего размышления относительно финансов. Он считал крайне необдуманным решение племянника оставить свое нынешнее пасторское служение, где его доход был весьма существенным. В первом из писем молодой человек так писал своей жене:

«Джимы, любовь моя, это ответ твоему отцу, который вместо того, чтобы проявить понимание и сочувствие, смеется над моей верой. Ему не стоило говорить, что моя жить была мама грехов и ошибочных суждений. И уж точно, что во времена скорбей мне не хочется видеть, как один из моих родственников присоединяется к воплю: «Других спасал, а себя спасти не может», который приходится выслушивать мне и многим другим с тех пор, как Христос услыхал его в Свой смертный час (правда, тогда он исходил от Его врагов). Я исповедовал свои грехи перед милосердным и прощающим Богом; я даже исповедовался перед людьми и, с Божьей помощью, делал, делаю и буду делать все, чтобы из-за моих ошибок или чрезмерной уверенности в людях, которых я считал надежными, не понести невосполнимых потерь.

Если ты чувствуешь, что на тебя и на нашего малыша смотрят как на жертву мужиного безрассудства, ты должна немедленно вернуться ко мне, ибо это заблуждение. Я смогу тебя содержать, и уж скорее сам стану жить в нищете, чем позволю, чтобы на вас где бы то ни было, смотрели как на людей, страдающих по моей вине, ибо вы двое являетесь для меня величайшим утешением на земле. Мне очень тяжела даже кратковременная разлука с

вами, и я жду, что вы вернетесь в первый же день, когда вас начнет тяготить жизнь в Аделаиде.

Пусть не думает твой отец, что я жду от него помощи, ибо не просил у него ни пенни, и рад, что даже не намеревался это делать. Я скорее вернусь в бизнес, если потребуется, чем попрошу о помощи. Потому, пожалуйста, извести своего отца, что я сожалею о том письме, в котором рассказал ему о своих проблемах, и что я не просил и не прошу его помочь мне.

Я требую твоего немедленного возвращения, если еще что-нибудь будет сказано обо мне... Воистину глубоко сожалею о том, что согласия на твою поездку к родителям. Ты помнишь, я отчасти предвещал, что подобное может произойти.

Возможно, я сам — слабейший духам из Божьих детей, но все равно буду строить свой дом (стоящий на Сказе Веков), пусть даже он некоторым покажется убогим. Я буду делать это десять тысяч раз подряд, но никогда не променяю его на все дворцы и сокровища этого мира, построенные на зыбком песке времени, ибо они падут вместе со всеми, кто прилепился к ним, и будут сметены в море Божьего гнева, тогда как души, в основании которых находится Христос, с радостью увидят новое утро с новыми небесами и новой землей, где будут пребывать только праведники.

Дорогая моя, должен тебе признаться, что хотя я решил со временем покинуть Ньютаун и знаю, что могу совершать добрые дела для Христа в Сиднее, я пока не получил от Господа указания: «Иди в этот город!»

Прежде чем Джини получила это письмо, ситуация в доме ее отца еще более усложнилась и отношение к поведению Доуи стало еще более непримиримым. По указанию отца Джини написала мужу письмо, в котором высказала сомнение в продуманности его планов. Очевидно, что ее родители были помешаны на идее «спасти» Доуи от действий,

которые, по их мнению, были в высшей степени неразумными. Это вызвало резко негативную реакцию молодого служителя. Мы предлагаем вашему вниманию отрывки из его писем, которые написаны в наиболее сдержанной форме. Читатель сможет заметить, что эти письма не были обычными, и они не дают ни малейшего представления о характере молодого человека, который начнет собственное служение благовестия в Сиднее, разорвав узы со своей деноминацией. В первом письме говорилось следующее:

«Дорогая жена.

Сегодня я получил твое письмо от 22-го числа.

Несомненно, мне было нужно услышать от тебя заверение в любви, которое я нашел в кратком и запоздавшем постскриптуме — «Не суди меня строго за то, ибо я крепко тебя люблю», — потому что больше я нигде не нашел и следа любви.

Я «сужу строго» — более того, прочитав письмо, написанное в довольно бесстыдной форме, думаю о бессердечном и несправедливом отношении ко мне. Я чувствую полное отсутствие истинного сострадания... Таким тоном я никогда бы не стал и не пожелал говорить с тобой. Тебе это абсолютно не приличествует. Я проигнорирую его и не буду наносить ответный удар, иначе в своем раздражении могу сказать то, что будет неприятно читать.

Проблема в том, что ты полностью «деморализована», то есть, подарена страхом и сомнениями, потому что находишься среди людей, критерий успеха которых определяется лишь фунтами и шиллингами. Это письмо написано без капли веры как в Бога, так и в меня, и если бы его не было у меня в руках, я бы предпочел вообще не знать о нем. Осмелюсь сказать, ты считала, что поступишь мудро, если отругаешь глупенького, слабоумного парня, который слишком любит тебя, чтобы обидеться на это. Но ты совершенно просчитаешься и,

*вследствие своего несвоевременного и неблагодарного
остроумия, только упала в моих глазах.*

Ты уже не та Джини, какой была, когда уезжала из Сиднея: горячо уповающей на Бога и верящей в меня. У меня же все осталось по-прежнему, за исключением того, что я оказался не так богат, как мы ожидали, а мое сердце теперь обременено печалью, потому что твое отношение ко мне изменилось.

Как же ты добра в своем снисхождении к моему трусливому духу, когда «полностью соглашаешься» с эпитетами своего отца, которые встречаются в твоем письме. Будь я даже жалким ворам, они были бы чудовищно оскорбительными для меня, неуместными и несправедливыми. Обо мне было сказано как о человеке, заставившем тебя «проходить через лишения мучительные для всех, но особенно для женщины, которая является твоей женой, чьи чувства столь нежные и хрупкие». Не думаешь ли ты, что мне не покажется странным твое мнение, высказанное в письме, о том, что продажа мебели была столь «суральным лишением» — ведь ты ни разу не выразила сожаления о нашем решении и до самого последнего часа, пока мы были вместе, говорим, что считаешь его правильным?

Затем ты «полностью соглашаешься» со словами «Я допустил ошибку в начале..» и «ты должен мне дать ясные объяснения по этому вопросу и предоставить отчет об имеющихся средствах и выплатах долгов...», «и в будущем доверять своей жене вести расходы». Как, по-твоему: могут ли меня ободрить и утешить такие «добрые» и «ласковые» слова? Даже если бы я был самым беспородным псом из всех живущих, разве бы я ни разу не залаял в знак протеста на пинки со всех сторон?.. Этому человеку я не должен ничего, кроме любви, проявляющейся в терпении, которое он испытывает до конца. Да я лучше пойду завтра дороги

мостить, чем позволю себе обратиться к нему за помощью.

И я должен воистину не доверять Богу, чтобы допустить хотя бы мысль о том, что не могу положиться на его милость. Вспомни, я лишь счел своей обязанностью рассказать ему о своих делах как твоему отцу, но никогда не просил его о помощи и ни разу не давал ему основания так меня оскорблять. И какое право или причину имеешь ты «соглашаться» с токами словами?

Возможно ли, чтобы подобное укрепляло наши любовные узы и способствовало воспитанию нашего ребенка в любви к Богу?

...Ты говоришь, что я оставил тебя без средств к существованию, и повторяешь обвинения своего отца: «Тебе больше некуда пойти, и ты не можешь обеспечить свою жену и ребенка, хотя это твоя первая обязанность как христианина. Никаких чудес не совершается для обеспечения жен и детей служителей».

Как же ты можешь огорчать меня такими жестокими, бездушными и заведомо ложными обвинениями, как эти? Спокойно ли, по-твоему, я буду спать, услыхав их?

Да я вообще не могу заснуть.

Не бойся: тебе не нужно следовать за мной, если ты сама этого не захочешь. Я никогда не принуждал и не стану принуждать тебя принимать какое бы то ни было решение. Я буду благоразумным с тобою и укажу тебе на верное решение, насколько смогу сделать это. Но если ты всем своим сердцем не пожелаешь сделать какой-либо шаг, зная, что он правильный, то никогда не сможешь любить меня, жить со мной, помогать и утешать меня. Впрочем, как и я, ничем не смогу тебе помочь. Я буду продолжать обеспечивать тебя, насколько мне позволят средства, если ты пожелаешь оставаться там, где сейчас находишься... Я говорю это сейчас с не меньшей уверенностью, чем когда

говорил, что люблю тебя, хотя желания моего сердца, в первую очередь, устремлены к Богу. Я всегда говорил тебе об этом и не позволю даже тебе удерживать меня от правильных поступков, срываая «запретный плод» конформизма с миром, к которому неизбежно приведут требования твоего отца, если я последую им.

Если ты не сочтешь нужным сразу же выполнить мою просьбу, не удивляйся, если мои письма станут слишком редкими и краткими: я больше не буду считать себя обязанным много писать тебе, как и не буду ожидать, что ты захочешь много меня слушать. Но если ты тотчас захочешь вернуться ко мне с истинной любовью, верой и сочувствием, то ты вернешься к человеку; чье сердце более, чем чье бы то ни было, готово тебя принять, который до сего момента не выразил тебе ни капли недоверия, не сказал ни слова упрека, и если в его душе была хотя бы тень недоверия или упрека, то она мгновенно исчезнет, как только он узнает, что ты снова искренне и безраздельно предана ему. О, Джини, ты не знаешь, как глубоко ты ранила мое сердце. Если ты не поймешь этого, хмурая туча, которую сможет удалить только смерть, опустится на мою жизнь. Тот день, когда ты вернулась в дом своего отца, стал самым тяжелым днем, ибо он разделил два сердца, которые всегда были верны друг другу, пока горечь недоверия, страха и упреков не излилась в них. Я молю Бога, чтобы Он благословил тебя и нашего мальчика и чтобы в вашей жизни было больше счастья, чем в моей.

*Твой муж,
Джон Александр Доуи».*

(В этом письме от 19 ноября 1877 года говорится о восстановлении его расположения к жене.)

«Моя возлюбленная жена.

Два твоих длинных, с любовью написанных письма от 10 и 12 числа лежат передо мной. Они уверили меня, что в твоей любви ко мне нет страха, в твоем сердце нет места сомнению, и ты целиком и полностью остаешься моей верной и любимой женой. Я благодарен Богу за этот добрый знак. Он направлял мои мысли и мое перо, чтобы я мог разрушить колдовские чары дьявола и уничтожить страх, который уже в значительной степени внес раскол между нами, явившись под самой искусственной маской отчуждения. И если я не буду осторожным, боюсь, что эта победа может привести меня к чрезмерной уверенности в своих возможностях. Ибо я не могу припомнить другого такого случая, чтобы мне пришлось дважды завоевывать своим пером твое сердце, когда оно находилось за морями в далеких землях, и каждый раз одерживать «блестящую победу».

Но я не хочу снова участвовать в подобных сражениях — особенно в таком, как последнее, — или одерживать еще одну, столь же дорогую победу. Мадам Самоуверенность не сможет заставить меня забыть те сильные удары, глубокие раны и сердечные муки, которые я претерпел во время боя, а также опасность ранить тебя, мою возлюбленную, пытаясь вырвать из рук врага. Пастух должен быть метким стрелком, целиясь в льва, который убегает в лес, волоча за собой его «маленьку овечку». Никому не захочется заново пережить такое; и я верю, что мою дорогую «овечку», которая «от хлеба моего ела», и «от чаши моей пила», и «на груди моей спала» (2 Царств 12:3), — мою дорогую жену — больше не уведут от меня ни хитрые лисы, ни рыкающие львы.

Ничто не может быть совершеннее восстановления моих чувств к тебе в то время, когда я читал твои последние письма. И я сожалею лишь о том, что, во-первых, наши чувства друг к другу остывали (хотя мы еще увидим, как все вернется с

новой силой); а, во-вторых, — на пути к тебе находится письмо, которое я отправил прежде, чем получил хотя бы одно из твоих писем. Оно может причинить тебе ненужную боль. Однако я послал телеграмму вперед его, которая, я надеюсь, позволит извлечь жало. Как мне хочется, чтобы это письмо не дошло до тебя и вернулось назад, потому что оно не очень мне нравится, особенно в тех местах, на которые теперь уже нет необходимости обращать внимание. Отнесись к нему как к еще одному выстрелу во льва, о котором говорилось выше, — я не знал, что он уже убит моим первым выстрелом; и если я сильно опечалил тебя, прости меня так же чистосердечно, как и я прощаю тебя.

Как солнце прогоняет мрак ночи, так твои письма прогнали усталость из моего сердца и принесли мне истинное Божье утешение. Видя, что ты снова со мной, и узнав о том, что даже на твоего отца благотворно повлияли мои слова, которые, должен признать, были весьма суровыми, я был изумлен неожиданным изменением положения дел. Ситуация даже кажется слишком хорошей, чтобы походить на реальность, и при виде благодатного Божьего воздаяния за мои молитвы и хвалу Ему мое сердце издает « вопль счастья», как вы, женщины, его называете.

Ты должна откровенно признать (и ты делаешь это), что я совершенно правильно истолковал письмо твоего отца. У меня нет желания проявлять излишнюю суровость по отношению к нему — ибо я люблю его и всю твою семью. Но позволь мне заметить, что он не только не сумел правильно понять мое положение, но, что еще хуже, не смог смириться со своим изменившимся положением власти по отношению к тебе, поскольку теперь ты являешься моей женой. Несмотря на то, что его отношение к тебе как отца не может измениться, право направлять твои шаги перешло в другие руки по его же

собственному согласию и Божьему определению. И теперь, когда он начинает понимать некоторые из своих ошибок (о чем я делаю вывод из твоих писем), то, конечно же, могу не обратить на них внимания. Как бы там ни было, он совершал ошибки потому, что очень любит тебя — своё детище, — и поэтому он, вероятно, согласится со мной, что мы не можем любить еще сильней, чем мы уже любим тебя.

Я сожалею, если оскорбил его каким-либо из своих выражений — некоторые из них я готов полностью изменить. Он удостоил меня воистину милостивой похвалы за «умение и талант» писателя после того, как прочел письмо, где я сурово критиковал содержание его послания ко мне. Я уважительно отношусь к его замечанию, которое, на мой взгляд, льстит мне больше, чем я того заслуживаю, так как я всего лишь честно и обстоятельно исследовал его письмо без претензий на мастерство в изложении своих мыслей, поскольку не каждая мысль, изложенная на бумаге, была литературным шедевром.

Когда мы снова будем вместе, если Господь пощадит нас, мы должны больше вместе молиться Богу и читать Его слово. Любовь моя, когда я вспоминаю о том, как непродуманно сваливал на тебя свои обязанности, когда я понимаю, каким был слабым, глупым и грешным, то могу только удивляться милости Бога, Который дал мне в утешение твою любовь. Мое сердце с нетерпением ждет той минуты, когда мы подтвердим друг другу, что наша любовь никогда не прекращалась и что она становится только сильнее.

Пусть твое сердце будет совершенно спокойно относительно нашего будущего. Поверь, что бы ни происходило, оно находится в надежных руках. Я вижу это будущее гораздо яснее, чем могу решать тайны современности. Я похож на человека, видящего свою цель на склоне горы, но между ним и целью лежит долина, в которой туманы скрывают все от его глаз,

когда он проходит сквозь них, пересекая маленькую речушку, с которой они поднимаются. Я продолжаю двигаться, внимательно смотря вперед, молясь и делая все, что мне по силам. Я уверен, что бы ни происходило, я окажусь в нужном месте; но я не поверну назад оттого лишь, что не могу видеть всего, чего бы мне хотелось, па своем пути...

*Твой любящий муж,
Джон Александр Доуи».*

Глава 7

Доуи оставляет церковную организацию

Настало время, когда Джону Александру Доуи нужно было принять самое важное решение — решение, от которого зависела его будущая жизнь, и оказавшее спустя много лет глубокое влияние на судьбы десятков тысяч человек. (Об этом читатель, возможно, уже давно ожидал услышать.) У Доуи, с его неординарным мышлением, не было сочувственного отношения к холодному, формальному и лишенному творческой жилки церковному служению того времени. Его душа горела страстью благовестника, жаждущего достичь через проповедь Евангелия как можно больше людей для Христа, и он изумлялся и терял терпение при виде служителей церквей, казавшихся такими безразличными к судьбам тысяч людей, умирающих вокруг них.

В действительности его пасторское служение было успешным, но он также прекрасно понимал, что его напористость не одобряли лидеры его деноминации и принимали ее без особого энтузиазма. Он также знал, что к применяемым им прогрессивным методам евангелизации масс относились с недоверием, если не с враждебностью. В одном из писем к Жене говорится, что система конгрегационалистской церкви «одавляет инициативу и энергию личности, делает людей инструментами деноминации, или, что еще хуже, — заставляет мыслить по-мирски, «делая их надменными, равнодушными, сухими и бесполезными; в большинстве своем — хорошиими кораблями, но плохо управляемыми и ужасно перегруженными мирской суетой».

В конце 1877 года Джон Александр Доуи, оставляя пасторское служение в Ньютауне, объявил также о своем намерении оставить коигрсационалистскую церковь. Как ранее говорилось, у него уже давно появилось растущее с годами желание спасать в крупных городах погибающих, отверженных людей, которые никогда не слышали

Евангелие. Он попытался представить себе возможность собрать вместе много людей, входящих в различные общественные группы, чтобы проповедовать им Евангелие, и размышлял о создании церкви, которая бы работала день и ночь, возрождая к духовной жизни гибнущих без Бога людей. В начале 1878 года Доуи навсегда разорвал отношения с конгрегационалистской церковью и приступил к осуществлению намеченных планов своей новой работы. С уверенностью, что Сам Бог привел его к принятию этого решения, он арендовал аудиторию Королевского театра в Сиднее.

Главной трудностью, которая мешала Доуи начать свое новое служение, был недостаток финансов. Он никогда не обладал большими способностями в планировании собственных расходов, а его родственники не горели желанием участвовать в данном начинании, так что не стоило ожидать, что они предложат ему свою помощь. Единственное, что он мог сделать, чтобы не отказаться от осуществления своих планов, — это продать мебель и переехать в менее дорогую квартиру. В конце концов Доуи так и поступил. Его жена, будучи более послушной своему мужу, чем многие другие жены в подобных обстоятельствах, была готова смириться с любым решением своего мужа. Годы спустя, проповедуя с кафедры в Чикаго, д-р Доуи рассказал о тех проблемах, которые ему приходилось решать в то время.

«Я вспоминаю один из самых трудных шагов, которые мне довелось свершить, находясь дома в Австралии. У меня была прекрасная коллекция картин, и мне доставляло большое удовольствие спускаться в свою художественную мастерскую и по очереди любоваться каждой. Я вспоминаю одну из них, которую любил больше всех. Это была картина известного австралийского художника «Дом птицы Лир». Бывало, я подолгу любовался чудесами, которые сотворил Бог — глубиной тенистого леса, небесной синевой; иногда мне казалось, что я слышу пение птиц и наслаждаюсь

прохладой лесной чащи. Большим утешением для меня было просто сидеть и смотреть на эту прекрасную картину.. Но я хотел провести ряд собраний в Сиднее, а у меня не было па это денег.

Я посмотрел вокруг и увидел много вещей, без которых мы с женой смогли бы прожить. Мы решили, что нам не нужен такой большой дом, что сможем обойтись без картин и многих других вещей. Я выставил свои великолепные картины на аукцион и продал их вместе с нашей ценной мебелью. Мы сняли дом поменьше, после чего смогли совершить Божье дело в этом городе. Я остался без своей красивой мебели и картин, но благодаря тому, что я продал свои земные сокровища, увидел мужчин и женщин у ног Иисуса Христа, приобретенных для Него».

Начался период болезненных переживаний для его жены Джини, в течение которого Доуи пришлось пережить много неудач и разочарований. Можно было с уверенностью сказать, что они сломали бы волю человека менее решительного и посвященного своей цели. Бог призвал этого молодого служителя к исполнению особой миссии, но только после того, как ему пришлось пережить годы разочарований и горечей, он начал четко понимать Божий план. Разрыв Доуи с конгрегационистской церковью в конце своего пасторского служения в Ньютауне был важным шагом в определении будущего направления в жизни и служении.

На деньги, вырученные от продажи своего имущества, Доуи смог арендовать помещение Королевского театра в Сиднее, и уже в первой половине 1878 года начал проповедовать перед сравнительно небольшим церковным собранием. Однако, количество людей, посещающих собрания, быстро росло, и через месяц его аудитория достигла почти тысячи человек. Доуи помогали некоторые из тех, кто посещал его служения в Ньютауне. Возможно, он бы приблизился к своей цели, если бы остался в помещении театра. Но, к сожалению, плата за аренду была слишком большой для церкви. Поэтому

он был вынужден перебраться в Дом протестантских собраний - здание, расположенное менее удачно.

Однако молодой служитель не позволял обстоятельствам разочаровывать себя и в середине апреля публично объявил о своем намерении открыть Свободную Христианскую церковь. На свое предложение он получил хороший отклик, вдохновивший его. Вскоре церковные службы были перенесены в Дом Каменщика. Но с этим начинанием были связаны возникшие тяжелые финансовые обязательства — к тому времени Доуи находился практически без средств. У него на тот момент не было никаких личных финансовых сбережений, которыми он мог бы воспользоваться, и, когда пришло время платить за аренду дома, он одолжил сто фунтов. Как часто случается в новой сфере деятельности, было очень много неожиданных неудач и трудностей, ставших серьезным препятствием на пути к успеху. На дворе стоял июнь — начало зимы в Австралии, — период сильных бурь и непогоды, вследствие чего сильно сократилась посещаемость церковных собраний. Обещания финансовой помощи, на которую Доуи надеялся, не исполнились в самый ответственный момент. Временами приходилось бороться за обеспечение минимальных жизненных потребностей, и молодой служитель не осмеливался увеличивать свой долг. Когда разочарования и неудачи достигали своей критической отметки, он чувствовал искушение прекратить борьбу и вернуться на светскую службу. Но Бог чудесным образом открыл для него путь, и с приближением весны и улучшением погодных условий посещаемость его собраний возросла.

Наконец, свет надежды снова засиял. Служение в Сиднее набирало силу, и Бог давал материальную помощь через новых людей, обращавшихся к Богу. Все, кто находился теперь рядом с Доуи, помогали ему не ради денег — они были верны ему и верили в успех его служения. В это время Доуи размышлял над историей Гедеона, чье войско, в котором было тридцать две тысячи человек, постепенно уменьшалось. пока, наконец, не осталось триста человек. Он был поражен, насколько точно эта история соответствовала его собственным обстоятельствам. Он получил ободрение и

не сожалел о предпринятом шаге, но утверждал, что «скорее бы научился шить палатки, как апостол Павел, чем занял место пастора в самой упитанной, самой сонной и самодовольной «Лаодикийской» церкви, которая выглядит преуспевающей в своих собственных глазах, тогда как Бог смотрит на нее как на бедную, убогую, слепую и нагую».

Такая оценка духовного состояния церквей в Сиднее и его окрестностях не была лишена оснований. За пять лет чисто членов сорока трех конгрепшионалистских церквей выросло лишь на пятьсот тридцать пять человек — это менее чем на три человека в каждой церкви ежегодно. Обращение, по меньшей мере, ста из них было результатом служения Доуи. Во время его пасторского служения церковь в Ньютауне выросла на семьдесят процентов, что доказало ему возможность начала духовного пробуждения с пробуждения Церквей. Размышляя над летаргическим характером церковного служения и в то же время наблюдая ужасное духовное состояние тысяч погибающих душ, Доуи пришел к выводу, что должен найти Божий путь приобретения для Христа огромного числа людей, не слышавших Евангелия спасения.

Принимая во внимание то, над чем Доуи размышлял и в чем теперь начинал участвовать, можно было ожидать, что он встретит сильную оппозицию, прежде всего потому, что его методы борьбы с распространенными в то время грехами и характерный для него активный протест против поверхностной религиозности вызывали негодование у людей, которых они затрагивали. Одним из его нововведений было распространение по городу большого количества литературы, которая, конечно же, оказывалась и в семьях членов других церквей, что вызывало бурю негодования у некоторых пасторов. Интересным кажется, на наш взгляд, ответ Доуи одному из церковных служителей:

«Уважаемый сэр.

В ответ на вашу вчерашнюю записку, написанную в грубой форме, я должен отметить следующее.

Я не признаю за вами права требовать от меня какую бы то ни было информацию относительно любого из моих действий или инструкций, которые я даю людям, оказавшим мне любезность, сотрудничая со мной в христианском служении. Я предоставлю им право решать, где и с кем они будут делиться моими еженедельными трактатами. Что же касается распространения литературы в П., то я не давал никаких конкретных указаний и ничего не знал об этом, пока не получил вашу записку

Если бы я, хоть сколько-нибудь уважал ваше мнение о чем либо, то вынужден был бы признать, что мне необходимо объясниться по поводу своего воскресного трактата, который, согласно вашему утверждению, «очень серьезно рассматривается как вносящий смуту среди молодежи и подрывающий моральные устои». Но поскольку я убежден, что ваше суждение некомпетентно, лишено здравого смысла и, следовательно, не имеет какой-либо ценности, то было бы глупо сердиться или раздражаться, тем более — «приходить в негодование», как это сделает вы, когда прочитали мою «омерзительную бумажку».

Хочу довести до вашего сведения, что было роздано не менее четырнадцати тысяч этих «омерзительных бумажек».

Торговцы спиртным и современные фарисеи в целом согласны с вами. Но тысячи других людей придерживаются иного мнения, и они уже высказали свое одобрение, которое, по вашему глубокомысленному суждению, является весьма ошибочным. Также сто тысяч экземпляров трактатов недавно были распространены мною в Сиднее.

Как жаль, что мне не известен человек, распространивший эти «омерзительные трактаты» среди ваших прихожан. Несомненно, я бы похвалил его

за выбор места и, конечно же, не буду препятствовать «дальнейшему повторению этого непотребства», несмотря на вашу угрозу «предпринять решительные меры, чтобы положить ему конец».

Искренне ваш,
Джон Александр Доуи».

Глава 8

Доуи баллотируется на место в Австралийском парламенте

Прошло четыре года с тех пор, когда Джон Александр Доуи успешно молился за больных во время большой эпидемии, пронесшейся по восточным районам Австралии. Бог обращался к нему, показывая путь, который он должен был избрать. Однако Доуи колебался. Служение божественного исцеления стало настолько чуждым Церкви, что начать такое служение было бы шагом крайне радикальным и опасным. Доуи не был полностью готов к такому шагу. Однако пламенная, побуждающая к решительным действиям энергия благовестника и реформатора не давала ему покоя, и он чувствовал себя как человек, который знает, что ему нужно исполнить миссию, но не ведающий, как это осуществить.

Будучи прекрасным оратором, Доуи производил впечатление на людей, и его дар проповедника всегда получал признание у слушателей. Но проповеди не гарантировали тех результатов, которых он ожидал. Письменные труды Доуи также были блестящими шедеврами логического мышления. и неудивительно, что они заставляли многих людей серьезно задумываться над реформами, в защиту которых он выступал. И все же Доуи по-прежнему не видел кардинальных изменений, и нравственный упадок в большом городе Сиднее, казалось, оставался на том же уровне. Хотя Доуи гневно обличал беззакония алкогольного бизнеса и под его влиянием многие люди подписывали клятву трезвенника, можно было честно признаться, что объем торговли спиртными напитками существенно не сократился. Все это вызывало в нем депрессивное состояние.

Влияние служения Доуи, однако, продолжало возрастать, и со временем члены некоторых групп воздержания, признавая его таланты, стали обращаться к нему с предложениями баллотироваться на место в парламенте. Вначале он противился мысли об этом, так как не был уверен, что такова

Божья воля для него. Также он понимал, что неудача на выборах, несомненно, негативно отразится на его способности финансировать Свободную Христианскую церковь в Сиднее, и тем более, его дело на тот момент находилось на самой критической стадии своего развития. Однако мысль о возможности рассказать о своих убеждениях в парламенте была для него сильным искушением. Друзья продолжали уговаривать Доуи принять участие в выборах, и им удалось убедить его в том, «по у него хорошие шансы быть избранным».

Он продолжал выслушивать ободрения к участию в подготовке к выборам и верить, что сможет продолжать заниматься своими делами в церкви, совмещая их с работой в парламенте. Он также рассуждал, что занимаемое им место в высшем законодательном собрании страны сумеет повысить его престиж в глазах людей и влияние на них, что даст возможность осуществить реформы, направленные на искоренение пороков общества. Он горячо желал увидеть осуществление этой своей мечты.

Но вскоре ему пришлось пожалеть о своем решении. Во-первых, он слишком поздно начал свою предвыборную кампанию: многие из тех, кто с радостью поддержал бы его, уже отдали свои голоса другому кандидату. Доуи не был политиком.

который по профессиональной традиции шел на компромисс в решении одного вопроса, чтобы отстоять свою позицию в решении другого. В прямолинейности, с которой действовал Доуи, не было ни малейшего намека на компромисс. Сторонники другого кандидата предлагали ему деньги, чтобы он отказался от участия в предвыборной гонке, и обещали поддержать его на следующих выборах. Но Доуи был неумолим и решительно отвергал все подобные предложения, с негодованием выражая свой отказ, порой не скучаясь на крепкие слова.

Молодой кандидат, незнакомый с тонкостями политики, вскоре ощущил сильную оппозицию, направленную против него. В народе распространялись всевозможные слухи, некоторые из них утверждали, что он снял свою кандидатуру.

Газеты, ложь и лукавство которых он клеймил с церковной кафедры, с удовольствием распространяли эти слухи, и в целом выражали свое недовольство им как кандидатом в парламент. Доуи видел, что не стоит ожидать сочувствия к себе со стороны мира, тогда как он пытается своими реформами избавить его от грехов и пороков. Когда результаты выборов были получены, он оказался далеко позади других кандидатов.

Разочарование результатами выборов было у Доуи глубоким и болезненным. Его поражение, как и предполагалось, стало серьезным ударом по деятельности его церкви. Друзья, находившиеся рядом в благоприятное для Доуи время, теперь оставили его. За свою предвыборную кампанию он истратил так много денег, что теперь оказался глубоко увязшим в долгах. Финансовые поступления в его миссии резко сократились, и в своем великом отчаянии он написал своим родителям о том, что вынужден прекратить свое служение в Сиднее, и через несколько дней произнесет свою последнюю проповедь.

Однако поражение на выборах было для молодого служителя подлинным промыслом Божиим. Очутись он в парламенте, его блестящие способности позволили бы ему достичь высот политической карьеры. Но от этого пострадало бы его служение, и не исключено, что он так никогда и не начал бы служение исцеления, впоследствии оказавшего огромное влияние на его поколение.

Бог направлял Своего служителя, и усвой Доуи полностью уроки этих дней, он смог бы избежать в будущем... Этому мужу Божьему действительно не было места в политике этого мира. В то время как правительство отчаянно нуждается в реформации, за которую нам надлежит молиться и вдохновлять к ней парламентариев, для человека, имеющего истинное Божье призвание, существует высшая цель — исполнять такое служение, благодаря которому могли бы измениться сердца людей. Требуется не реформирование человека, которое не плохо само по себе, но его трансформация по Божьей благодати. Только Божья благодать способна совершить эту работу, и только с теми

людьми, кто позволит этой работе совершиться в своем сердце.

«8-е января, 1880 года.

Журнал «Христианин-Поселенец».

Аделаида, Австралия.

Уважаемый г-н Редактор.

Я прочел сегодня в выпуске вашего издания от 2-го января нелюбезные высказывания одного из корреспондентов под псевдонимом «Наблюдатель». Без капли цинизма, учитывая мнение своих коллег, я всегда относился к подобным выпадам против себя, равно как и к анонимным письмам, получать которые за многие годы мне приходилось в больших количествах, с чувством глубокого презрения; и сегодня редко случается, чтобы я дважды вспоминал о них. За шесть лет своей жизни и деятельности в этом городе, где в течение последних трех лет я встречал постоянное сопротивление со стороны работников прессы — этих филистимян, навлекающих Божье проклятия и защищающих вопиющие беззакония, царящие в общественной и политической жизни, — я лишь однажды выступил в печати в свою защиту... Я живу и работаю в этом городе для того, чтобы отвечать этим трусливым анонимам. Но другое дело, когда они перебираются в ваш город, где моя работа меньше известна, и стараются очернить меня в глазах людей, среди которых я достойно прожил почти четверть своей жизни, оклеветать перед моими ближайшими родственниками, живущими в вашем городе на протяжении двадцати лет.

Поэтому считаю своим долгом, прежде всего перед ними, дать некоторые объяснения, так как очень хочу; чтобы случай с «Наблюдателем» стали показательным примером. И поскольку мне в этой ситуации потребуется много рассказывать о себе и своих делах, позвольте попросить вас и моих читателей оказать мне услугу и уяснить следующее:

во-первых, я буду писать о себе только из-за необходимости, созданной моим клеветником; во-вторых, я не привык хвалиться своими достижениями, и о них никогда не упоминалось прежде в прессе даже в Сиднее, хотя у меня было достаточно возможностей сделать их достоянием общественности.

Первое ложное утверждение этого «Наблюдателя» заключалось в том, что моя работа потерпела крах, тогда как она продолжается, и, по мнению людей, способных компетентно судить об этом, на сегодняшний день имеет под собой более твердое основание, чем когда бы то ни было. Фактически, мы договорились об аренде нового зала на двенадцать месяцев — Интернейшинел, — находящегося в центре города на улице Питт. В прошлое воскресенье я проповедовал перед большой аудиторией и был свидетелем того, что «Наблюдателю», наверняка, не понравилось бы. Я был счастлив видеть людей, которые провожают меня до самого дома и со слезами на глазах спрашивали: «Что я должен сделать, чтобы спастись?» Насколько дано судить людям, многие получили долгожданное благословение. Мне было приятно отметить, что Бог таким образом благословил мой призыв ко спасению во Христе, и это стало для меня новогодним подарком, который я принимаю как знак Его любви и наивысшего одобрения работы, совершению которой я и группа моих верных братьев и сестер во Христе отдавали свои силы на протяжении двух лет. Только в вечности мы увидим подлинные результаты этого беспрерывного и радостного труда. Хотя я не хочу сказать лишнего о наших успехах в таком важном деле как обращение людей к Богу, но думаю, не ошибусь, если скажу, что на протяжении двух лет моего служения около двухсот человек отдали свою жизнь Господу.

И, наконец, утверждение «Наблюдателя» о том, что «это было исключительной финансовой неудачей». Допустим, это так — что тогда? Кто утверждал, что

это было финансовым успехом? Сам я, определенно, этого не делал, так как у меня были огромные финансовые потери. Но апостол Павел мог бы сказать то же самое и о себе. Боюсь, что «Наблюдателю» пришлось бы назвать служение самого Христа «исключительной финансовой неудачей», как это сделал Его казначей, Иуда Искариот, который сумел заработать деньги, только предав своего Господа за серебро. Это был единственный в своем роде «финансовый успех» во всем служении Христа, о котором я могу прочесть в Библии. Да, мне пришлось претерпеть нужду и лишения ради служения, но это не причина, чтобы оставить его, тем более, называть «неудачным» — ведь я не могу назвать апостола Павла, Джона Буньяна или Джона Уэсли «неудачниками» только потому, что они больше заботились о душах Христовых овец, чем об их золотом руне. Для меня было бы позором называть их служение «исключительной финансовой неудачей». За эти два года было собрано и потрачено на проведение реальной работы больше денег, чем в любой из известных мне в Сиднее церквей, не считая жалования их пасторов.

У меня есть подозрение, что «Наблюдателю» ничего не известно об этом, и его единственным источником информации были пустые сплетни, мишенью для которых я был избран. Весьма вероятно и то, что хотя он признает тот факт, что мы приносим «некоторую пользу», сам он не принес нашему служению «никакой пользы» ни в финансовом плане, ни в каком-либо другом. Это прекрасный пример «благосклонного» отношения к моей работе со стороны служителей деноминаций, церкви которых, несомненно, имеют финансовый успех, будучи в то же время великими духовными неудачниками и оскорблением для Бога и людей в своей гордыне, лени и дружбе с миром.

Возможно, «Наблюдатель» - один из тех, кто употребляет спиртное или занимается торговлей алкоголем, который государство узаконило как путь, ведущий к погибели, и который Роберт Холл назвал «жидким огнем и дистиллированным проклятием», что является очень точной характеристикой. Сегодня всем известна моя позиция в этом вопросе - я поклялся Господу до последних дней жизни делать все возможное, чтобы сокрушить этот Молох современности - торговлю спиртным, которая, вероятно, для «Наблюдателя» является самым «финансово успешным» делом.

На этом, друг мой, я на время оставляю «Наблюдателя». С самыми горячими и добрыми пожеланиями и молитвами за вас и «Христианина-Поселенца»

*Ваш во Христе,
Джон Александр Доуи».*

Глава 9

Обманутый мошенником

Пришло время рассказать о неприятном событии в жизни Доуи. Его отличала странная способность время от времени попадать в сети обмана. Бог призвал его на служение исцеления. Доуи знал, что призван служить миру на ниве Божьей, но все еще не понимал, каким образом Бог желает использовать его, и что тот путь, на который Господь уже так явственно указал молодому служителю, — освобождать людей от их грехов, немощей и болезней силою Божьей, — и есть Божий план для его жизни.

Множество людей, которые слышали Божий призыв к служению, думали о том, какие великие дела они бы совершили, если бы только у них были деньги. Однако гораздо чаще, чем можно предположить, деньги становятся западней и искушением для служителя. Неожиданные крупные финансовые поступления способны привести неопытного человека к расточительству, вследствие чего финансы начинают приносить больше вреда, чем пользы. В деньгах есть сила, но с их помощью можно достичь успеха в служении Богу только в том случае, если люди научатся мудро распоряжаться ими. К сожалению, нередко деньги управляют людьми. Получив большую сумму, неопытный человек нередко начинает строить планы, идущие не от Бога, и все попытки реализовать такие проекты обречены на неудачу. Однако, например, когда к такому человеку, как Джордж Мюллер, жизнь которого была полностью посвящена Богу, пришли более семи миллионов долларов, то он начал предприятие, ставшее выдающимся примером всему христианскому миру и являющееся блестящим образцом мудрого руководства.

Легко понять, почему Доуи, многие годы угнетаемый мыслями о нехватке средств и часто опечаленный своей неспособностью выполнять малейшие финансовые обязательства, горел желанием воздвигнуть постоянное здание для собрания своей церкви и доказать тем самым

своим родственникам, что он не бездарь, которому лишь иногда выпадает удача, - ему чаще всего просто не везет. Он желал и надеялся, что крупная сумма денег каким-то образом попадет к нему в руки, и он, наконец, осуществит свои планы, о которых давно мечтал.

Также нетрудно представить себе, что когда на сцене появился человек по имени Джордж Холдинг, который по его собственным словам был богат, и щедро пообещал дать Доуи значительную сумму денег на постройку здания церкви, молодой проповедник тотчас же решил, что этот человек был его долгожданным ответом на молитву. Этот негодяй - ибо таковым он в действительности был, - вор и хитрый мошенник под маской набожности и дружбы вскоре завоевал полное доверие к своей персоне. Уверенный в том, что имеет дело с честным и искренним человеком, Доуи был в восторге относительно открывавшихся перед ним перспектив и не заподозрил, что его новый друг был мошенником высшей квалификации. В письме, датируемом сентябрем 1880 года, Доуи пишет Холдинг? следующее:

«Я рад сообщить вам, что два дня назад получил ваше письмо из Окленда, датируемое 17 августа. Мне было приятно читать слова, свидетельствующие о вашей искренности. Это письмо было для меня как «холодная вода для истомленной жаждой души», ибо в нем содержались добрые новости из далекой страны. Я уже почти оставил всякую надежду получить его, отчего был обрадован еще больше. Я ношу его с собой в нагрудном кармане, чтобы снова и снова перечитывать, сидя где-нибудь на свежем воздухе. Я благодарю вас за это милое письмо. Как вы и просили, никто, кроме меня, не читал его — всего несколько строк я прочел Джини, и когда Г. завтра вернется, я прочту ей часть письма. Пишите без боязни обо всем, что у вас на сердце, насколько это возможно, и я гарантирую вам, что ваши письма только укрепят узы, связавшие нас, — узы, которые ни земля, ни время, ни расстояние, никакая злая сила не смогут ослабить...»

...Дорогой брат, я чувствую, что вы должны навестить нас. Когда вы встанете у могил своих близких, я буду с вами в одном духе... Я хочу видеть, как ваши руки накрывают стол для первого причастия в новом здании нашей церкви, которое я часто вижу глазами веры. Вчера вечером, а точнее, уже сегодня утром, мне приснилось, что я шел по городу мимо незнакомых людей, и вдруг увидел высокое, хорошо освещенное, комфортабельное и, я бы сказал, приветливое здание. Яркие фонари на улице освещали весь фасад... Я открыл дверь, вошел с трепетом в сердце и увидел свет, будораживший мою душу глубокими переживаниями. Здание было полно народа — ярус за ярусом поднимались со всех сторон от сцены до самых удаленных уголков. Глаза всех присутствующих были устремлены на проповедника, и все слушали, как он говорил: «О, возлюбленные, поверьте мне: Бог есть любовь!» А над головой проповедника в нише, расположенной в глубине сцены, можно было прочитать слова, написанные светящимися буквами на прекрасном широком свитке: «Христос — все во всем». Взглянув на проповедника, я обнаружил, что это был я сам... Но оказывается, это был не сон, а мои мысли о нашей «Свободной Христианской Скинии» в момент пробуждения».

Из выше приведенного письма становится очевидным, что Холдинг завоевал безграничное доверие молодого проповедника. Фактически, надежды молодого пастора и его уверенность в Холдинге были таковы, что он оставил свою работу в Сиднее, переехал в Аделаиду и начал готовиться к поездке в Англию, где должен был встретиться с Холдингом, чтобы юридически оформить передачу денег, обещанных на постройку церковного здания.

Разумеется, все заявления Холдинга о своем богатстве и о том, что он, вернувшись в Англию и решив имущественные вопросы, сможет пожертвовать Доун двадцать тысяч фунтов, были вымыслом и мошенничеством и представляли собой

лишь стратегию выманивания денег у родственников Доуи, в том числе и у его отца. Осложнения и недопонимания, возникшие на этой почве, едва не привели к разрыву родственных связей между молодым проповедником и его родителями. Тем временем другие люди, бывшие в курсе этого дела, торжествовали от злобы и жадности и, в надежде заработать на этом деньги, писали письма Холдингу с хулой на Доуи. Опираясь на эти письма, Холдинг лукаво писал, что хотя он не утратил своего доверия к молодому проповеднику, эти письма озадачивают его. Они давали шарлатану еще один повод отказаться от исполнения своих пустых обещаний.

В одном из писем к жене Доуи рассказал о своем эмоциональном состоянии, об ужасном разочаровании и подавленности, которые он испытывал.

«Моя дорогая жена.

...Кажется, все мое естество разрывается на части, и каждый нерв моего тела и души мучительно страдает. Трудно передать словами то, что я переживаю и уже пережил. Конечно же, мои волнения о тебе и о детях, а также мысли об аренде дома, магазине и других причинах весьма ветки; но ты знаешь, что я нахожусь на расстоянии двухсот миль от твоего города, что я болен и не смогу в ближайшее время много двигаться. У меня сильно кружится голова от нарушения кровообращения. Мне следует быть очень осторожным...»

* * *

Но худшее было еще впереди. Наконец, у Доуи начали появляться сомнения относительно порядочности У. Г. Холдинга. В конечном итоге он пришел к выводу, что благодетель и друг, каким он его считал, богач, унаследовавший миллион долларов, оказался ловким обманщиком и коварным лицемером, мошенником без гроша за душой и похитителем вдовьих сбережений. Этот великий авантюрист сумел обольстить своим мифическим богатством не только Доуи, но и ловких бизнесменов из Англии. Вся его

карьера представляла собой цепь чудовищных махинаций, в ходе которых он представлял себя, то одним, то другим человеком.

Последствием вероломного обмана были продолжительные и мучительные переживания Доуи, причем не только за себя, но и за других людей, обманутых Холдингом, которые не могли оправиться после тяжелых утрат. К г-же М. Доуи обращается с такими словами:

«Результаты жестокого обмана со стороны Холдинга вы будете переживать еще продолжительное время. А мои собственные страдания и утраты, которые я понес из-за него, заставляют меня с еще большей симпатией относиться к вам и вашим сыновьям.

Для них это не просто неожиданная потеря средств — за ней кроется духовная опасность, ибо лицемерие этого негодяя оказалось одним из самых сильных помощников в его нечестивых дьявольских кознях. Однако я искренне верю в то, что они сделают правильные выводы и не воспримут случившееся как повод отойти от Бога. Пусть это происшествие докажет, почему следует бежать от греха и дьявола, который, как мы видим на примере этого несчастного, может связать душу человека, его ноги и руки и бросить его в ад еще при жизни на земле».

Пережив жестокий эмоциональный удар, Доуи больше не виделся с этим обманщиком и плутом. Однако спустя несколько лет он встретил того же самого У. Г. Холдинга, но уже одетого в форму Армии Спасения, «торговавшего всевозможными вещами, дарившего людям улыбки и обольщавшего их словами, чтобы привлечь покупателей в торговую палатку Армии Спасения на ежегодной демонстрации на ярмарке Крикет-граунд в Южном Мельбурне. Доуи так описывал их встречу:

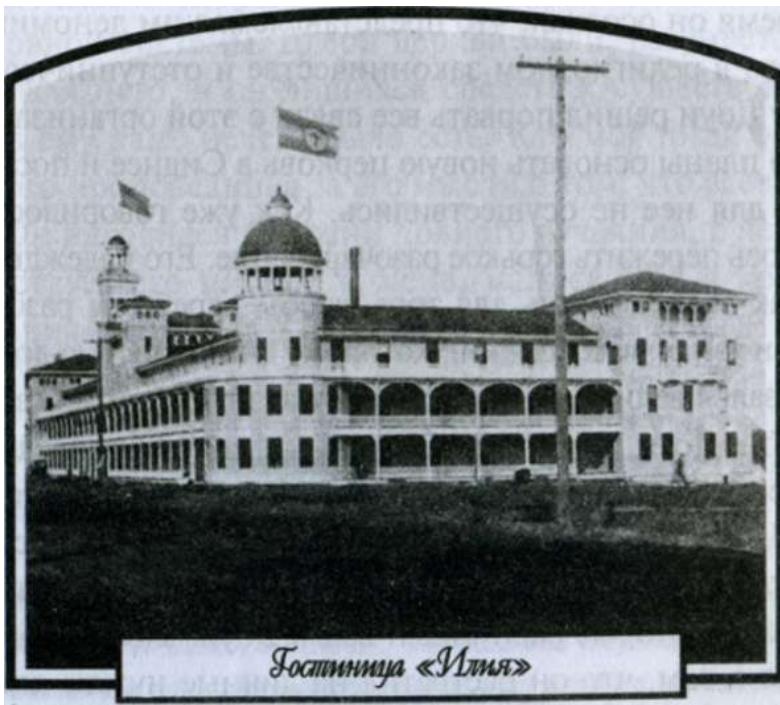
«Какая разительная перемена! Улыбка исчезла, а чувства страха, вины и стыда сменяли друг друга на его пепельного цвета лицо. Достаточно было нескольких минут, чтобы открылась его истинная сущность с такой ясностью, что он был тотчас выдворен из торговой палатки и удален с ярмарки. Я посоветовал ему убраться морем как можно скорее, ибо если он этого не сделает, то будет арестован. Я серьезно поговорил с ним, настаивая на том, чтобы он оставил свой греховный путь обмана и взыскал Божьей милости. Так мы расстались с ним в пятницу — в канун Нового Года».

Надо отдать должное Джону Александру Доуи, он нашел время поговорить о Боге и призвать к покаянию человека, который опозорил его и стал причиной многих скорбей и страданий. Мошенник исчез, но Бог начал совершать Свою работу в его душе. Как ни странно, Холдинг не покинул страну, а вместо этого через несколько дней явился к Доуи домой. Вид у него был жалкий и несчастный. Слова проповедника воистину произвели на него впечатление. Он сказал: «Я никуда не поеду. Я хочу исповедоваться перед вами и сдаться в руки полиции, или сделаю все, что вы мне скажете».

В доме присутствовали несколько свидетелей. После некоторого размышления, задавая много вопросов по ходу следствия, Доуи подробно записал необыкновенную историю деятельности преступной группировки из тринадцати человек, которая началась в 1877 году. Эти мошенники имели офисы в Нью-Йорке, Париже, Лондоне и других городах. При помощи поддельных документов и фальсифицированной переписки они придумывали всевозможные стратегии для жульничества. Так, например, они страховали жизнь людей, и чтобы завладеть их страховкой, устраивали мнимые похороны своих клиентов, причем в фоб вместо тела клали камни. Представляясь вымыщенным именем, Холдингу удавалось войти в доверие

и завести дружбу со многими богатыми людьми, занимавшими высокое положение в обществе.

Спустя пару дней Холдинг снова явился в дом к Доуи и сдался в руки полиции, официально признавшись в своих преступлениях. На тот момент отдельные провинции Австралии не входили в единую федерацию и судебные органы в этой части страны не имели юридических полномочий рассматривать дело Холдинга. Потребовалась сложная юридическая процедура по передаче Холдинга властям той австралийской провинции, где были совершены преступления, это повлекло за собой потерю времени и значительные финансовые расходы для Доуи. Вследствие этих обстоятельств, а также в надежде на искреннее раскаяние Холдинга, Доуи решил поехать в Новый Южный Уэльс и заново провести расследование. Бедный Доуи! Распространилась молва о том, что якобы он получил сто тысяч долларов от Холдинга на постройку церкви, но строить не стал, а лишь снял свои требования о возврате денег!

Глава 10

Время отчаяния

Год 1882 выдался воистину тяжелым для Джона Александра Доуи. К этому моменту он уже находился на служении около десяти лет. В течение этого времени он напряженно трудился, иногда на грани физического истощения. На этом пути было принесено немало жертв. Он всегда старался поступать правильно, как он сам это понимал, нередко в ущерб своим личным интересам. При этом создавалось впечатление, что неудачи неотступно следуют за ним.

Он три раза подряд оставлял пасторское служение, когда ему казалось, что не сможет добиться желаемых результатов. Правда, он достиг некоторого успеха в Ньютауне, но как раз в то время он осознал, что представляемая им деноминация погрязла в религиозном законничестве и отступничестве, и потому Доуи решил порвать все связи с этой организацией.

Его планы основать новую церковь в Сиднее и построить здание для нее не осуществились. Как уже говорилось, ему пришлось пережить горькое разочарование. Его надежды взлетели так высоко лишь для того, чтобы вдребезги разбиться, когда он узнал, что Холдинг, которому он полностью доверился, оказался великим обманщиком и авантюристом без гроша за душой. Доуи пришлось оставить кафедру проповедника в Сиднее. Теперь он стал посмешищем для всех, кто говорил ему: «Я тебя предупреждал». Еще больше мучений доставлял тот факт, что некоторые люди, не знавшие всей правды, верили слухам, которые распускали враги Доуи. злобно обвинявшие его в том, что он растратил на личные нужды двадцать тысяч фунтов, полученные им на постройку здания церкви. Доуи слишком многое поставил на карту ради победы на выборах в парламент и, проиграв на них, лишился большинства друзей, которые бесцеремонно бросили его в одиночестве выплачивать огромные долги. Фиаско с Холдингом, которое он потерпел впоследствии, настолько смущило его, что

возвращение в Сидней казалось ему самым неразумным шагом.

Родственники Доуи уже давно разочаровались в нем. Они еще больше разуверились, когда к ним одно за другим стали поступать сообщения о неудачах, неизменно преследовавших Доуи. как только он начинал какое-то новое дело. Кроме этого, неспособность должным образом обеспечивать свою жену и детей была для него самым болезненным и унизительным переживанием, претерпеть которое порой было выше его сил.

Все эти беды, а также склонность постоянно размышлять над ними, подорвали его здоровье. Когда-то Доуи жил не унывая, но теперь непрекращающаяся череда просчетов и неудач едва не погубила его. что отразилось на состоянии его нервной системы. Двери церкви были, разумеется, закрыты для него, и он лишился средств к существованию. Иногда ему даже нечего было есть. Кто мог тогда осудить молодого проповедника за его мысли о том. что все против него? Он находился на грани полного отчаяния, о чем свидетельствует его письмо к жене, написанное в кофейне «Виктория» 28-го марта 1882 года:

«Возлюбленная жена.

Мне тяжело и горько писать тебе сегодня, но два дня назад я не мог тебе написать.

Снова мне приходится повторять это горькое слово «неудача». Но жив я, как и Бог жив, и та ночь не может длиться бесконечно долго, а человек, изо всех сил стремящиеся совершить Его волю, не может постоянно жить в поражении.

Я попытаюсь пойти в другом направлении. Воистину; я готов к этому и надеюсь пробиться сквозь тьму, хотя ночь оказалась настолько долгой, что я иногда сомневаюсь, возможно ли это. С этой надеждой я готов умереть, но мне кажется, что уже много раз был на пороге смерти. Я с трудомправлялся и продолжало спрашивать с этим временем; и «мои ноги уже готовы были свернуть» на путь сомнения, страха, греха и

смерти: ибо таков путь богоотступника, забывшего Господа. Но Он хранил меня.

...Торговля спиртными напитками растет с каждым днем. Законы принятые для того чтобы ограничить ее, открыто игнорируются. Пороки, преступления, болезни и нищета умножаются в ужасающих пропорциях. О, какие я видел печальные и трагические сцены! Твое сердце сжалось бы от боли при виде их.

Страшно подумать, что подобное постоянно повторяется в жизни десятков тысяч семей.

О, каким томительным оказалось для меня это время с того дня, как я последний раз виделся с тобой. Я один в этом большом холодном городе, где провел самые скорбные часы своей жизни. Волнения о тебе и наших детях, которых я так люблю; страхи за наше будущее в этой неопределенной жизни; сомнения в правильности своих поступков в прошлом; постоянно возникающие вопросы о том, почему Бог допускает эти огненные испытания; борьба со зловещими реалиями настоящего времени, его нищетой и слабостью, с моей бедностью и, нередко, обычным голодом — все эти и другие тяготы на протяжении последних нескольких месяцев стали моими спутниками. Ты помнишь день, когда у меня осталось шесть долларов на неделю? А ведь это больше, чем было у меня две недели назад. Когда я потратил их, то оказался без гроша до вчерашнего дня. Я решил, что лучше умру, чем снова попрошу денег у г-на Д. или у кого бы то ни было другого, и жил лишь тем, что питался в доме доктора Т., когда он приглашал меня в гости, или в доме г-на С., издателя христианской литературы, с которым я хорошо знаком. До вчерашнего дня я ел в среднем реже одного раза в день, и временами мне приходилось проводить по сорок восемь часов вообще без какой-либо пищи... Я очень похудел, немного побледнел, и на голове у меня добавилось седых волос. Причиной этому, несомненно,

стал мой вынужденный пост, в добавок к моим горьким мыслям и разочарованиям».

Несмотря на эти печальные строки, письмо Доуи не заканчивается на ноте отчаяния — в нем громко звучит слово веры. Его дух согбен, но не сломлен, и он вдохновляет жену верить Господу и еще больше приблизиться к Нему.

«Возможно, мы находимся гораздо ближе к наступлению «полуночи», чем нам кажется, и скоро услышим полуночный крик: «Идите, встречайте Его!» Будем же готовы к этому. Будем же поддерживать огонь в наших светильниках, чтобы наши жизни сияли для Господа и наполнялись Божьим Духом... О, как ужасно представлять себе эту долгую ночь, тьму, стоны и скрежет зубов, отвергнутых Богом людей, оставшихся без свадебных одежд, и думать о том, что многие из наших друзей будут связаны по рукам и ногам и выброшены во тьму внешнюю.

Бог знает меня, и Он знает, что (несмотря на мои промахи, ошибки и грехи, которые Он простил) я преданно служу моему Господу и Спасителю и остаюсь верен своей любви к каждой человеческой душе, за которую Он отдал жизнь.

Не унывай, ибо грядет утро нового дня. Мне не страшно жить, ибо жизнь не таит для нас горькой чаши, а если даже и так, то любовь Бога подсластит ее, ибо теперь я могу уповать на Него больше, чем когда бы то ни было, и с уверенностью могу сказать: «Я убежден, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начальства, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, никакая другая тварь не смогут отлучить меня от любви Божьей во Христе Иисусе Господе нашем...»

На этом я заканчиваю. Я сильно засиделся ночью и начинаю уставать. Молись за меня с еще большей верой. Не ужасайся моим скорбям. Бог покажет, что

тем самым Он хочет прославить тебя. Да благословит тебя Господь и сохранит».

В этом письме говорилось еще о многом, и нам особенно хотелось включить в эту книгу отрывки из письма, где он трогательно интересуется тем, как идут дела у его детей, но сделать это нам не позволяет место.

В этот период невозможно увидеть в Джоне Александре Доуи того Доуи, который появится на сцене спустя десять лет. У Бога был Свой план... Однако молодому человеку, находящемуся на грани отчаяния, было тогда очень трудно понять, что Бог преподает уроки, необходимые для того, чтобы подготовиться к величайшему служению, которое ему предстояло совершить. Но он размышлял, молился, надеялся и, возможно, начинал смутно понимать, каким будет служение, к которому его ведет Бог.

Неудивительно, что физические немощи Доуи заставляли его размышлять о божественном исцелении. Среди всех своих испытаний и неудач он не мог забыть то сияющее мгновение, когда он пережил настоящий триумф веры — во время чудовищной эпидемии, уничтожавшей целые семьи в его церкви, когда в течение всего нескольких недель ему пришлось присутствовать при погребении более сорока человек — членов семей, составлявших его приход. Тогда он получил откровение о том, что Христос является Целителем людей, а сатана — их осквернителем, посылающим немощи и болезни. Вдохновленный, исполненный огнем веры, он вступил в войну с дьяволом и победил (как уже говорилось, за оставшееся время эпидемии в его церкви больше не умер ни один человек).

С того момента, когда Джон Александр Доуи убедился в реальности божественного исцеления, Бог начал готовить восстановление в Церкви служения освобождения, которое Он учредил Своим великим поручением и от участия в котором Церковь, к сожалению, отказалась. После эпидемии молодой Доуи продолжал молиться за больных. Тогда он еще не был готов начать служение исцеления, но несмотря на это, относился к нему как к особому служению, которое

Бог дает человеку в экстренной ситуации. В течение шести лет молодой человек продолжал следовать по более привычному для него пути религиозных реформаторов, в основном применяя традиционные методы. Проповедуя на открытом воздухе и со своей кафедры, он вел непримиримую борьбу с грехом, требовал запретить торговлю спиртными напитками, обличал пороки и беззакония, изыскивая пути осуществления реформ, одним из которых было участие в политической жизни страны. Но, несмотря на его самые ревностные усилия, постоянное самопожертвование и самоотверженность, не было похоже, что он близок к успеху. Наоборот —казалось, что со всех сторон его постигают неудачи, и само пророчество не дает ему приблизиться к цели. «Настанет ли конец этим испытаниям и разочарованиям?» — задавался вопросом молодой человек.

А пророчество, как будто с насмешкой отвечая на его вопрос, послало его семье беду, превосходящую все, что он до этого переживал. Как было в случае с Божиим рабом Иовом, смертная тень нависла над его домом. Д-р Доуи всегда отличался большой любовью к детям и больше всех он любил свою младшую дочку Джини, которая родилась спустя год или два после Глэдстоуна. Она была милым ребенком, дарившим всем свои улыбки. Но малышка постоянно болела, и ее хрупкое здоровье было причиной беспокойства родителей. Однако они никогда не думали, что проблема может оказаться настолько серьезной, и надеялись, что со временем девочка поправится и окрепнет. Но ангел смерти находился к ней ближе, чем они думали. Однажды, после одной двух недель болезни, этот страшный посланник вошел в их дом и унес маленькую Джини. Спустя несколько дней убитые горем родители положили свое сокровище в могилу на близлежащем кладбище. В письме, написанном к другу через несколько дней после этого события, Доуи описал подробности трагического происшествия.

«Дорогой друг.

Снова я стою над открытой могилой, отложив в сторону одеяния моего ангелочка, чей дух упорхнул от меня на заре воскресного дня. Я с трудом осознаю происходящее: ибо все случилось столь внезапно и неожиданно; но мы с моей дорогой женой склоняемся в смирении, хотя и продолжаем скорбеть.

Когда мы вернулись из Сиднея, то обнаружили, что Глэдди почти полностью поправился, а две наши младшие дочери выглядели здоровыми. Маленькая Джини — наш ангелок — особенно радовалась нашему приезду. Она обнимала и подолгу целовала нас. На следующий день, в пятницу, она гуляла по дому и выглядела совершенно здоровой. Наши сердца радовались при виде ее милого, сияющего личика и счастливой улыбки. В тот вечер, однако, мы заметили одно или два маленьких пятнышка на ее лице, похожие на краснуху, и на следующий день, в субботу, она много спала — этот день выдался очень жарким.

Вечером она казалась очень бодрой, и когда пришло время пить чай, я увидел ее сидящей на коленях у нашей горничной, которая кормила ее. Я зажег лампу в столовой, поскольку уже смеркалось, и когда свет наполнил комнату, она засмеялась и захлопала в ладоши.

Я сказал: «Мой ангелок, папа рад видеть тебя счастливой и бодрой». Она посмотрела на Этти и улыбнулась. Затем мы уселись, и едва начали пить чай, как г-жа Доуи, сидевшая рядом с ней, сказала: «Иди сюда, Доуи, и посмотри на глаза Джини». Я тотчас подошел и увидел, что она лежит без сознания в судорогах. Я сразу же взял ее на руки и стал молить Господа о том, чтобы судороги прекратились. Мне почудилось, будто чей-то голос ответил мне: «Да, судороги прекратятся, но Господь сейчас заберет ее».

Затем я позвал г-жу Доуи и пересказал этот ответ. Вскоре судороги действительно прекратились, а наша крошка лежала на кровати в полном изнеможении. Во

избежание расследования причин смерти, я послал за жившим по соседству врачом, который пришел к такому же выводу, что и я: произошло кровоизлияние в мозг, и нет надежды на поправку. С того момента она спала, временами открывая глаза и иногда тяжело вздыхая, но совершенно безболезненно. Около четырех часов утра в воскресенье настал конец. Она широко открыла глаза, которые в то мгновение сияли какой-то неземной красотой, посмотрела на лица невидимых ангелов, и без единого вздоха нежный дух оставил ее тело, чтобы вечно пребывать с Господом. Солнечные лучи увидели лишь прекрасное мраморно-белое тело с аккуратно сложенными на груди руками. Ее маленькое лицико, обрамленное темными локонами, опускавшимися к ее широким распрямившимся бровям, было умиротворенным и безмятежным. Когда же воскресные гимны зазвучали на земле, она пела свою песню в присутствии Царя царей — там, где не бывает ночи, но вечно длится день.

С последнего воскресенья на земле стало одним ангелом меньше, но на небесах одним прибавилось. Мы потеряли своего самого чистого и святого ребенка — наши сердца ранены и кровоточат, и в какой-то степени свет померк для нас. Но небо стало к нам ближе, Христос стал ближе, и наша дорогая девочка ушла туда, где мы однажды встретим ее со всеми близкими, ушедшими до нас, и никогда уже не расстанемся. Мы знаем, где ее искать, и хотя душа скорбит, мы можем радоваться, ибо с нашим ребенком все в порядке».

Глава 11

Свет надежды

Год. 1882 оказался самым тяжелым годом и жизни Доуи. Но именно тогда начали появляться проблески надежды. Как раз в это время Джон Александр Доуи, наконец-то, начал понимать сущность своего будущего служения. Но это понимание пришло лишь после того, как Бог закрыл для него все прочие пути. В плане финансов он по-прежнему находился в бедственном состоянии. Только Армия Спасения, маленькая группа, сама испытывающая трудности, пригласила его к себе, но она немногим могла ему помочь, так как сама нуждалась в помощи.

В то время, согласно Божьему замыслу, Доуи получил приглашение на временную службу от церкви в Коллингвуде на период отсутствия преподобного Чербери, взявшего продолжительный отпуск по причине чрезмерной физической усталости. Если у Доуи когда-то и должно было возникнуть искушение стать осторожнее в словах и не подвергать опасности свое и без того неустойчивое финансовое состояние, то сейчас это был именно такой случай. Но, по-видимому, такие факторы никогда не оказывали ни малейшего влияния на порядок действий Джона Александра Доуи. Очень скоро он обнаружил расслабленное духовное состояние у подавляющего большинства членов церкви. На кафедру допускались духовно не возрожденные люди из движения трезвости, и духовная жизнь прихожан была на очень низком уровне. Ознакомившись с ситуацией, Доуи стал применять решительные меры для исправления положения дел, хотя прекрасно понимал, что служители этой церкви, вероятнее всего, отнесутся без понимания к его бескомпромиссной борьбе с грехом. Вскоре он столкнулся с недружелюбным и даже враждебным отношением членов совета церкви, хотя многие прихожане одобряли его действия в борьбе со злом. Во всяком случае, пока он служил этому собранию верующих, то старался поддерживать в нем высокий уровень праведности. Однако с возвращением

преподобного Чербери Доуи сразу же пришлось оставить кафедру.

Д-р Доуи вынашивал планы строительства независимой церкви в городе Мельбурн. Интересно отметить: он решил, что в этой церкви будет узаконено и будет регулярно практиковаться служение божественного исцеления. Дело в том, что Бог уже давно работал над Доуи в этой области, и теперь в его душе была глубокая убежденность в том, что это служение должно стать важной частью работы новой церкви. Мы не станем уделять время и место описанию обстоятельств, сопутствующих строительству церкви. Достаточно будет сказать, что дьявол всеми возможными способами старался помешать служению Доуи. Друзья подводили его, обещания нарушались, планы срывались, но шаг за шагом Бог открывал ему путь, и служение исцеления, которое со временем принесло Доуи мировую известность, началось. В феврале 1883 года д-р Доуи организовал Свободную Христианскую церковь, а в 1884 году строительство здания было завершено. С тех пор каждый год в феврале он проводил общее собрание церкви, на котором вспоминал начало своего служения божественного исцеления.

Служение исцеления дало ему власть, которой у него не было ранее. Несмотря на яростную оппозицию, Джон Александр Доуи рано осознал, что его служение имеет феноменальный рост. Прежде чем сатане удалось расстроить его планы и свести их на нет, Доуи увидел, что даже самые яростные атаки дьявола не в состоянии остановить его работу, стремительный успех которой стал возможен благодаря чудесам исцеления.

Одни из первых чудес

Мы не можем здесь рассказать обо всех чудесных случаях исцеления, имевших место в мельбурнской Скинии, но стоит упомянуть об одном из первых — исцеление г-жи Люси Паркер от слепоты. На протяжении двух лет и девяти месяцев она находилась под наблюдением лучших хирургов Мельбурна. Раковая опухоль на глазу лишила ее зрения, и в течение многих месяцев ее левый глаз был совершенно слеп. У врачей уже не осталось никакой надежды на выздоровление.

Г-жа Паркер должна была вот-вот родить ребенка, и лечащий врач, д-р Рэй, сообщил ее мужу, что она может умереть при родах, если не раньше. Ее душевые муки были ужасными. Будучи еще молодой женщиной и имея большую семью и любящего мужа, она страстно хотела жить. А, кроме того, неся активное служение в церкви, она хотела оставаться полезной в служении Богу. Услышав об одном замечательном исцелении, случившемся в мельбурнской Скинии, она пришла к д-ру Доуи. Он возложил на нее руки и помолился.

Раковая опухоль лопнула, и ее содержимое вылилось в два носовых платка. Отек сошел, и рана затянулась. Открыв глаз, г-жа Паркер сразу же смогла все отлично видеть.

Раковая опухоль в ее теле исчезла, и через несколько месяцев г-жа Паркер стала счастливой матерью здорового ребенка. Этот случай исцеления получил широкую огласку в местных газетах и никогда никем не оспаривался. Благодаря таким чудесам, служение Доуи стало известным во всей Австралии.

В другом случае в больнице Альфреда лежал юноша, состояние здоровья которого было очень тяжелым. Он был болен туберкулезом костей и не мог ходить. Этот парень был сильно истощен физически, поэтому, несмотря на шестнадцатилетний возраст, его приходилось переносить с места на место. Однажды ему в руки попал один из трактатов Доуи. и когда родители юноши его прочли, то уже не могли успокоиться, пока не доставили своего сына в церковь. Они

сказали д-ру Доуи, что их мальчик «ожидает исцеления этим вечером». Поговорив с юношой и приведя его ко Христу, д-р Доуи помолился за него, велел подняться с постели, поставить ноги на пол и встать на них. Сделав это, тот закричал: «О, слава Богу, я исцелен, я исцелен!»

Мать юноши, бедная, измотанная и уставшая женщина, воскликнула от радости: «О, Артур, ты исцелен? Мальчик мой, ты исцелен?» Он ответил: «Да, мама, я исцелен». Сделав несколько шагов, он сказал: «Я думаю, что смогу бегать», — и с этими словами юноша начал бегать по проходам между рядами в церкви.

Этот парень вернулся в больницу и свидетельствовал о том, что Господь сделал для него. Вскоре многие молодые люди из этой больницы, страдающие различными болезнями, стали приходить на служения в церковь и чудесным образом получать исцеления.

Глава 12

Месть производителей и торговцев спиртным

Наконец-то, Доуи занимался служением, которое, по его убеждению, для него приготовил Бог. Он смело провозглашал Евангелие исцеления, как в своей церкви, так и на улицах, где собиралось более двадцати тысяч человек. Доуи беспощадно осуждал употребление спиртных напитков и другие пороки, распространенные в этом городе, призывая людей обратиться ко Христу и отречься от своих грехов. Это, разумеется, вызывало озлобленность у тех, кто наживался за счет производства и торговли спиртным. Они решили, во что бы то ни стало остановить служение этого самоуверенного «выскочки», который вздумал тягаться с ними. С их подачи был принят закон, запрещающий уличные собрания. Д-р Доуи считал, что такой закон не только нарушает заповедь Господа Иисуса проповедовать Евангелие всякой твари, но также противоречит Конституции. Несмотря на запрет, он продолжал проводить собрания на улицах, за что был арестован и доставлен в полицейский участок Фицрой.

Перед началом слушания дела, председатель судейской коллегии г-н Марсден заявил, что считает этот закон неконституционным и идущим вразрез с основными британскими принципами гражданской и религиозной свободы. Прокурор разрешил ему не участвовать в рассмотрении этого дела. Остальные судьи были враждебно настроены к молодому проповеднику. С неохотой они все же разрешили д-ру Доуи самому представлять свое дело в суде. Он начал защищаться и доказал, что действовал в послушании Господней заповеди, о которой говорится в шестнадцатой главе Евангелия от Марка; что он проводил собрания, не нарушая общественного порядка; что за прошедшие два года он проповедовал во многих городах и участвовал в подобной работе во многих частях Великобритании и Австралийских колоний.

Однако Доуи показалось, что судьи очень невнимательно слушали его речь, если вообще слушали. Один из них в

очень злобной форме сказал, что Доуи нарушил закон и должен быть наказан; остальные члены суда вторили ему. Таким образом, не имея возможности до конца отстаивать свое дело в суде, он был оштрафован на пять фунтов (плюс судебные издержки). Доуи заявил, что подаст апелляцию. За отказ уплатить штраф он был заключен в тюрьму на тридцать суток.

Несколько лет спустя Доуи рассказал о подробностях этого инцидента.

Заключен в тюрьму за послушание Богу

Настало время, когда синдикат производителей спиртного одержал победу в районе Фицрой в Мельбурне: был принят муниципальный закон, согласно которому нам не разрешалось выходить на улицы и петь. Также они пытались препятствовать нашим служителям заходить в пивные заведения, а тех, кто все же заходил, выгоняли. Я сказал, что не буду подчиняться этому закону, так как должен быть послужен моему Господу. Который сказал: «Пойди скорее по улицам и переулкам юрода и приведи сюда нищих,увечных, хромых и слепых» (Лк.14:21). Они пытались меня запугать: «Если вы будете продолжать упорствовать, то сядете в тюрьму». Они оштрафовали меня; я не заплатил штраф. Я продал все свое имущество; меня снова оштрафовали и пригрозили отправить в тюрьму. Я сказал: «Ну и ладно». Настал день слушания дела. Я предстал перед судом и изложил причины своих действий. Закон Божий и законы Англии были на моей стороне, однако судьи оказались нечистыми на руку, и этим неверным удалось склонить на свою сторону Верховный Суд.

Многие годы я занимался тем, что приводил к спасению погибающие души людей. Как же теперь я мог сделать шаг назад? Нет, работа по спасению людей, их божественному исцелению и проповедь о евангельском воздержании от спиртного проводилась мною постоянно. Мне говорили: «С вашим положением вы окажетесь в тюрьме». Я отвечал: «Я не буду платить штрафы, не прекращу свои служения на

городских улицах, и я буду вначале слушаться Бога, а затем уже человека». Они без причины ненавидели меня — если, конечно, не было причиной то, что я выводил тысячи людей из тьмы их грехов. Я сказал им: «Обратите внимание на то, какова ваша позиция — это позиция нечестивого человека».

Меня приговорили к тюремному заключению сроком на тридцать суток. Я упаковал свой саквояж, сел в повозку и поехал в мельбурнскую тюрьму. В течение тридцати суток я сидел в каменной камере десять футов в длину, восемь футов в высоту и четыре с половиной фуга в ширину. На дворе стояла зима, ночи были темными и холодными. В этой камере я находился шестнадцать часов в сутки. Я не собирался выходить из тюрьмы, пока с меня не будут сняты обвинения. Люди из моей церкви попали в тюрьму вслед за мной. Семерым сильным мужам веры пришлось оставить свои семьи и сесть в тюрьму за проповедь Евангелия. Свыше пятисот мужчин и женщин находились в здании нашей церкви, готовые последовать за нами ради Христа. Меня освободили, и я продолжил свою работу. Тогда меня снова отправили в тюрьму. Но я не пробыл в ней и двух дней, потому что по всей стране начались волнения, и это оказало сильное влияние на губернатора, сэра Генри Б. Лоча, который сказал: «Мне стыдно; я воспользуюсь королевской прерогативой Ее Величества королевы». Он позвонил начальнику тюрьмы и потребовал моего немедленного освобождения. (Церковь благодарила Господа.) Моих соратников, возлюбленных братьев во Христе, также освободили. Тысячи людей вышли послушать нашу проповедь при выходе из тюрьмы, и многие из них получили спасение.

После освобождения д-ра Доуи его служение в Мельбурне продолжало расти и расширяться. Негодование производителей и торговцев спиртным, вызванное их неудачей, было таким, какое только можно было ожидать от людей, являющихся врагами всего доброго. Более того, они были в ужасе, увидев, что во время пребывания в тюрьме Доуи получит такую известность, что его служение не только

не было остановлено — а наоборот, стало быстро двигаться вперед. Его церковь стало посещать огромное количество людей, и едва хватало мест, чтобы разместить всех желающих. Д-р Доуи, никогда не упускавший возможности в своих проповедях нанести удар по производителям алкогольных напитков, теперь с новой силой продолжал свое наступление на пивные заведения, резко осуждая их как «порочные заведения и дверь в вечное проклятие».

Его враги не ожидали такого поворота событий. Лишенные возможности остановить Доуи законными методами, они решили пойти на отчаянный шаг, который, по их мнению, позволил бы раз и навсегда положить конец деятельности их мучителя. Втайне был разработан план: поздним вечером, когда большинство людей уже разойдутся по домам после служения, а Доуи, по своему обыкновению, останется работать со своим секретарем, взорвать церковь. В тот судьбоносный вечер, пока проходили богослужения, заговорщики с черного хода проникли в офис Доуи и поместили ящик с динамитом рядом со столом, на котором он обычно сидел. Все было организовано с дьявольской хитростью. И время взрыва бомбы было с точностью выверено.

Как и ожидалось, в тот вечер после служения д-р Доуи пошел в кабинет, сел за стол со своим секретарем, приготовившись, как обычно, допоздна работать. Минута за минутой скрытый от глаз зловещий огонек подкрадывался к ней ближе к адской машине, находящейся всего лишь в нескольких футах от места, где сидел Доуи. который не ведал об ужасной смертельной западне, приготовленной для того, чтобы забрать его жизнь. Никакая земная сила не могла, предотвратить, этого жестокого убийства Божьего человека. Но пусть он сам расскажет об этом драматическом произшествии.

Взрыв бомбы в церкви

Утром 1-ГО сентября 1886 года я, как обычно, проснулся очень рано. Когда бы я ни ложился спать, я всегда просыпаюсь на восходе солнца, пусть даже после этого снова уснул, если мне не захочется вставать.

Я спал глубоким сном, вокруг все было тихо. Внезапно я покинул свое тело. Это переживание не было в новинку для меня. Вдруг я увидел свою кровать, а на ней — тело человека, покрытое простыней. Это было мертвое тело. Я приподнял простыню и увидел свое лицо без признаков жизни.

Тотчас я пришел в себя и обнаружил, что лежу на кровати — это было простое видение. Я сказал: «Теперь видишь, какие странные фантазии приходят к человеку, который слишком много работает», — и попросил Бога простить меня за то, что в последнее время совсем забыл об отдыхе. Взглянув на часы, я уснул крепким сном.

И снова я оказался вне тела, увидел кровать, белую простыню и человека под ней. Приподняв простыню, я опять увидел свое лицо. «Это игра моего воображения, и это ерунда», — сказал я и лег спать. Очевидно, я спал очень крепко, потому что когда проснулся второй раз и посмотрел на часы, оказалось, что прошло более часа. Затем, увидев это же видение в третий раз, я понял, что моей жизни угрожает опасность — меня могут убить, или же я внезапно умру.

Я принял ванну, затем пошел в кабинет, записал обо всем, что произошло, и положил бумагу в ящик своего письменного стола. Я написал также короткое завещание. В течение дня я свидетельствовал, рассказывая людям о своем пилении на случай, если со мной что-то произойдет.

Утром один мужчина — благочестивый христианин и проповедник Евангелия — подошел ко мне: «Прошлой ночью у меня было видение о том, что вас убили, доктор. Я советую вам быть осторожным», — и рассказал о споем пилении. Оно отличалось от моего — он видел мое тело ужасно изуродованным. Затем я решил, что Бог послал мне это в

качестве дополнительного подтверждения, и рассказал ему о своем видении, а также рассказал об этом своей жене.

В тот вечер я произнес минную проповедь, и многие люди подписались под Христианской харгией трезвости. После служения мне нужно было встретиться с теми, кто в течение последнего месяца изъявил желание стать членом нашей церкви. (Собрание должно было проходить в четверг, а это был вторник.) Я увидел группу из двадцати-тридцати человек — не могу сказать точно, сколько их было — и, подойдя к своей двери, обратился к ним: «Не могли бы вы точно так же собраться завтра, в среду?» Они ответили, что для них это будет достаточно удобно. Я попрощался с ними и ушел.

Вместе с церковным секретарем мы пошли в мой кабинет, который находился позади здания церкви; его окна выходили в переулок. Я пошел в кабинет, сел. Взял саквояж, достал свои бумаги и начал диктовать секретарю. Тем временем все светильники в большом церковном здании были уже погашены.

Через некоторое время я остановился и взглянул на секретаря. «Ты что-то слышал, Джордж?»

— «Нет».

— «Тогда я слышал». Я услышал голос, говорящий мне: «Встань и уходи!» — и подумал, что эти штучки выкидывает мое воображение. Я пытался забыть видение, бывшее у меня поутру, полагая, что оно может быть и не от Бога. В течение дня со мной ничего не случилось, и я был в добром здравии. Все было спокойно. Я продолжил диктовать, но стоило мне произнести первое слово, как услышал тот же голос, только на этот раз он был резче и настойчивее: «Встань и уходи!»

Слова звучали как приказ. Я сказал секретарю: «Нужно быть послушным Божьему гласу. Джордж, погаси лампу. Мы закончим нашу работу у меня дома».

Я не собирался больше там оставаться и спокойно сложил вещи в саквояж. Секретарь помог мне одеть пальто. Мы вышли через черный ход и направились к моему дому, находящемуся в шести-семи минутах ходьбы от церкви. Была

темная зимняя ночь. На небе не было видно ни звездочки, накрапывал мелкий дождь.

Мой дом был каменным; я находился во внутренней комнате. Все уже легли спать, а я сидел со своим секретарем, диктуя ему, когда услыхал странный глухой удар. Я спросил: «Джордж, ты слышал шум?» — «Что вы имеете в виду?» — «Мне показалось, будто я услышал шум, похожий на взрыв».

«Ну и что, — сказал он, — я не думаю, что такое могло случиться. Я действительно слышал небольшой шум, но это, вероятно, кто-то хлопнул дверью».

Однако взрыв действительно произошел, убийцы знали точно, где я буду сидеть — динамит был установлен на железную плиту под моим рабочим столом. Он был соединен с запалом, идущим со стороны переулка, и изорвался в здании церкви через десять минут после того, как мы покинули его. Запал горел слишком медленно, иначе я бы погиб. Но Божий голос прозвучал ко мне как приказ, и я вовремя ушел. Целый район города пробудился ото сна, и люди побежали смотреть, что произошло. Полиция решила, что церковь подожгли, но никаких признаков пожара не было. Ночь была очень темной, и поэтому невозможно было определить, где произошел взрыв.

Пламени не было. Ничто не загорелось, все осталось на своих местах. Утром я пришел немного раньше и попытался войти через калитку с черного хода. К своему изумлению, я обнаружил, что внешняя стена моего кабинета была выбита изнутри, доски, которыми снаружи были отделаны стены, взрывом были отброшены к забору, а некоторые даже пробили его насеквость. Я не смог открыть калитку, у которой были повреждены петли. Я обошел здание и вошел с парадного входа, прошел через все помещение и не смог открыть ни одну из трех дверей, ведущих в мой кабинет.

Наконец, я сильно толкнул одну из них. Дверь упала вовнутрь — она оказалась снятой с петель. Затем мне предстала картина полного разгрома — все стулья были разбиты, а там, где я сидел, (на месте замышляемого

убийства) зияла большая яма, так как половые доски разлетелись на бесчисленные щепки.

В том, что слова «Встань и уходи!» были словами ангела, у меня не возникало ни малейшего сомнения.

В жизни Джона Александра Доуи было очень много таких странных совпадений и случаев сверхъестественного спасения. Часто между ним и смертью оставался один шаг. Случай с динамитом, заложенным в здании церкви, был лишь одним из них. Однажды, незадолго до этого случая, когда он еще жил в Сиднее, Доуи ночью, находясь в пяти милях от города, в одиночку переходил железнодорожные пути. Он спешил на станцию, чтобы успеть на поезд, стук колес которого был слышен вдалеке. Неожиданно Доуи споткнулся и упал ничком на рельсы, по которым должен был пройти приближавшийся поезд. Несколько секунд он лежал без сознания, а потом, очнувшись, но все еще находясь в полуусознательном состоянии, ему каким-то образом удалось перекатиться через рельсы и встать на ноги. Меньше, чем через минуту, мимо него по направлению к находящейся неподалеку станции промчался поезд. Д-р Доуи с трудом дошел до станции. Из глубокой раны сильно шла кровь, но он кое-как перевязал ее носовым платком. Он был очень слаб. В Сиднее, взяв извозчика, доктор безопасно добрался до своего дома. Он был уверен, что Божье провидение позволило ему избежать смерти, ибо останься он еще на пару минут без сознания, поезд перерезал бы его на части.

Какими бы странными не казались эти случаи, самые удивительные и драматические события в жизни Доуи были еще впереди. И тем временем, как они разворачивались в течение стремительно проходящих лет, события, случившиеся в Австралии, были почти забыты в свете удивительных процессов, свершившихся в жизни этого человека в Америке — в стране, которую он вскоре должен был посетить.

Строительство магазинов в городе Сион

Глава 13

Доуи переезжает из Австралии в Америку

Летом 1886 года в письме к жене д-р Доуи говорит об определенных духовных переживаниях в своей жизни. С того времени, как он начал проповедовать об исцелении и освобождении, он был удивительно благословлен как духовно, так и физически. К нему пришло откровение о силе Святого Духа, пролившее «новый свет на тайну жизни во Христе». Через Дух Святой Доуи получил дар «различения духов», который, по его утверждению, позволил ему «проникать в глубины самых тайных человеческих мыслей». В те дни он спал лишь по четыре часа в сутки, однако не только пребывал в добром здравии, но даже казался крепче, чем когда бы то ни было.

В это время Доуи пришел к пониманию, что подготовительный период в его служении подошел к концу и теперь он стоит на пороге чего-то нового и прекрасного. Его дух набирался сил, а достижение его цели и реализация его видения, заключавшихся в проповеди Христова Евангелия широким массам, — мечта, которую он лелеял многие годы, — были теперь для него реальностью, а не просто далекой перспективой. По его убеждению, великое духовное пробуждение в истории ранней христианской Церкви произошло только благодаря служению исцеления. Он осознавал, что именно это служение наделило его способностью бросить вызов заносчивости и надменности псевдодуховного духовенства. Также ему было приятно обнаружить, что это служение пробудило в народных массах интерес к его проповедям.

Бог открыл для Джона Александра Доуи широкую перспективу для служения в Мельбурне, однако в нем уже зарождалось чувство, что горизонты его служения будут еще шире. Он уже давно планировал совершить поездку в Америку, а оттуда поехать в Лондон, но понимал, что его работа в Австралии еще не закончена. В это же время он основал Международную Ассоциацию Божественного

Исцеления, у которой вскоре появилось много филиалов в разных частях Австралии и Новой Зеландии.

Находясь в Мельбурне, Доуи получил приглашение посетить Международную Конференцию Божественного Исцеления и Истинной Святости, проводимую в Лондоне. Д-р Доуи горячо молился по поводу ответа на это приглашение и страстно желал поехать, но, находясь в самом разгаре своей работы, он не мог отложить ее даже на короткое время. Поэтому Доуи решил, что с визитом в Англию необходимо повременить. В письме, адресованном д-ру Бордману, президенту Британской Ассоциации, Доуи говорил, что в течение трех лет он намеревался совершить поездку в Америку, а затем, если Бог даст, то и в Лондон. В ночь, когда он писал это письмо, его дух находился в большом смятении, и, гуляя под звездным небом, он спрашивал Бога о том, не совершил ли он ошибку, дав такое обещание. Д-р Доуи живо описывает свои переживания в ту австралийскую ночь, когда он под открытым небом общался с Богом:

«Глядя вверх, мое сердце замирало в благоговении, и мой дух приходил в трепет от величия и красоты ночного неба. Созвездие Южного Креста висело низко в небесах. Основание Креста было на самом темном месте небосвода, без единой звездочки поблизости. Взглянув на эту картину, мне показалось, что беды, страдания, ужас греха, болезней и ада были погребены в этом месте, у подножия Креста. Но я испытал чувство глубокого страха, когда начал всматриваться в эту неподвижную и бездонную тьму.

Затем, неожиданно, вся земля начала звучать. Я мог услышать вопли боли и крики умирающих, доносящиеся со всех континентов, восходящие ото всех городов и поселков, деревень и хуторов, из миллионов домов, где умирали дети и грудные младенцы, что заставляло любящие их сердца разрываться на части. О, как можно было это описать?

Я слышал крики страдания миллионов больных,

томящихся в своем страдании и вопиющих: «О, Господь, доколе, доколе, доколе?..» Мое сердце сокрушилось. Я горько заплакал и упал на колени. Неужели нет помощи для них?

Спустя некоторое время я снова взглянул на небеса. Теперь я увидел, что Крест указывал на Млечный Путь — эту славную лестницу света, распростирающуюся на небосводе южного полушария земли, где галактика за галактикой звездная слава ведет нас вверх, к «сладким Плеядам», «Семи Сестрам», где, по словам некоторых людей, находится центр всего сущего, вокруг которого расположены все звезды и созвездия. Так это или нет, но стоило мне взглянуть на небо, как «сладкое веяние» Плеяд, воспетых Иовом, окутало меня. Я подумал о том, что там мог находиться Божий престол, путь к которому проходил через Крест.

И когда я взглянул туда, то понял, что тоже должен понести Крест Иисуса Христа из одной земли в другую и заставить мир, пораженный грехом и болезнями, воочию увидеть, что Христос, умерший на Голгофе, принес ИСКУПЛЕНИЕ ОТ БОЛЕЗНИ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК И ОТ ГРЕХА, И ЧТО РАНAMI ЕГО МЫ ИСЦЕЛИЛИСЬ. Я понял, что никогда не найду себе покоя, если не возьму этот Крест и не последую за Ним по жизни, которая потребует от меня еще большего самоотречения.

Утешение от наполнившего меня ощущения внутреннего мира коснулось моего сердца в ту ночь; и хотя я всегда помню о стонах и плаче умирающих, без конца сокрушающих мое сердце, я понял, что только человек с сокрушенным сердцем способен нести такое служение. Только сокрушенное сердце способно ощутить бремя людских скорбей, греха и болезни. Я могу улыбаться. Я весело смеюсь. Однако если бы мне понадобилось словами выразить свои чувства, то предпочел бы молчать. Но Бог посыпает мне радость, и Его радость — подкрепление мое.

Ночь прошла, и я вернулся домой с первыми лучами нового славного дня. Звезды померкли па небе, а

открывшееся мне знание осталось со мной. И теперь я знал, что могу оставить мою прекрасную Австралию и отправиться в странствие, неся листья исцеления от Древа Жизни каждому народу, который встретится мне на пути».

Во второй половине 1887 года д-р Доуи решил, что весной осуществит такую поездку, намереваясь на несколько недель остановиться в Новой Зеландии и затем отправиться в Сан-Франциско, штат Калифорния. Д-р Доуи оставил воспоминания о своих последних днях в Австралии и расставании с церковью в Мельбурне:

«Я считаю, что летопись нашего служения в настоящем и будущем должна в качестве звена, связывающего пас с минувшими трудами на Божьей ниве, включать некоторое описание нашего почти шестнадцатилетнего служения в Австралии. Поэтому я расскажу о прощальных собраниях Свободной Христианской церкви в квартале Фицрой в Мельбурне. Очень горько было расставаться с дорогими мне людьми, чья любовь и верность выдержала самые суровые испытания, которые только мог придумать сатана. Их любовь к Богу позволила преодолеть трудности, возникшие после моей отставки в ноябре 1887 года, хотя прихожане требовали, чтобы я остался с ними еще на три месяца. Я покорился их желанию, и моя отставка была отсрочена до 19-го февраля 1888 года. Я объявил всем, что в этот день произнесу свою последнюю проповедь.

Последние несколько дней были насыщены делами, неразрывно связанными с решением частных бытовых вопросов, с распродажей нашего немногочисленного земного имущества, что мы старались делать максимально честно в глазах людей, и в подготовке нашей маленькой группы из пяти человек к долгим путешествиям и странствиям. Хочу добавить, что в наших путешествиях нас сопровождали двое малышей:

мой сын одиннадцати лет и моя семилетняя дочь. Мы не могли не взять их с собой, веря прекрасным словам Иосифа (Бытие 50:21) и находя утешение в Иисусе и Его словах, обращенных к нам: «Итак, не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их».

В полдень, в субботу, третьего марта, мы поднялись на борт судна «Мараноа», стоящего в Королевской верфи, что на реке Ярра, в самом центре города, где мы пережили столько испытаний и получили так много благословений. Несколько сотен друзей сопровождали нас до корабля, где мы провели прекрасное время в молитве и хвале Богу; и под звуки церковных песнопений, прощальных рыданий и благословений, мы двинулись вниз по реке, через залив в открытый океан, слушая слова песни в исполнении наших звонкоголосых певцов, оставшихся на берегу:

«За водами большими

Мы встретимся, чтоб больше не расстаться».

Через два дня мы благополучно прибыли к одному из моих любимейших мест, которые мне доводилось видеть на земле, — прекрасной бухте города Сиднея. На всем пути нас сопровождало ненастье, и только под утро, когда мы прибыли туда, погода изменилась. Выглянуло солнце, осветив гигантские скалы Головы Георга. Легкий бриз поднимал рябь на спокойной поверхности глубокого синего моря, а очаровательные пейзажи привлекали наше внимание, когда мы приближались к берегам живописной земли Иллаварра. Двигаясь дальше, мы проплывали мимо городов и деревень, встречающихся нам то тут, то там на постоянно меняющейся панораме. Оставляя за спиной южные пригороды Сиднея, мы проследовали мимо высоких скалистых гор, возвышавшихся „ад океаном и заслонявших собой великий город. Затем, еще дальше, приближаясь к утесам, мы увидели восхитительный канал - узкий проход, открытый, по Божьей милости, в гавань немыслимой красоты, раскинувшуюся па все

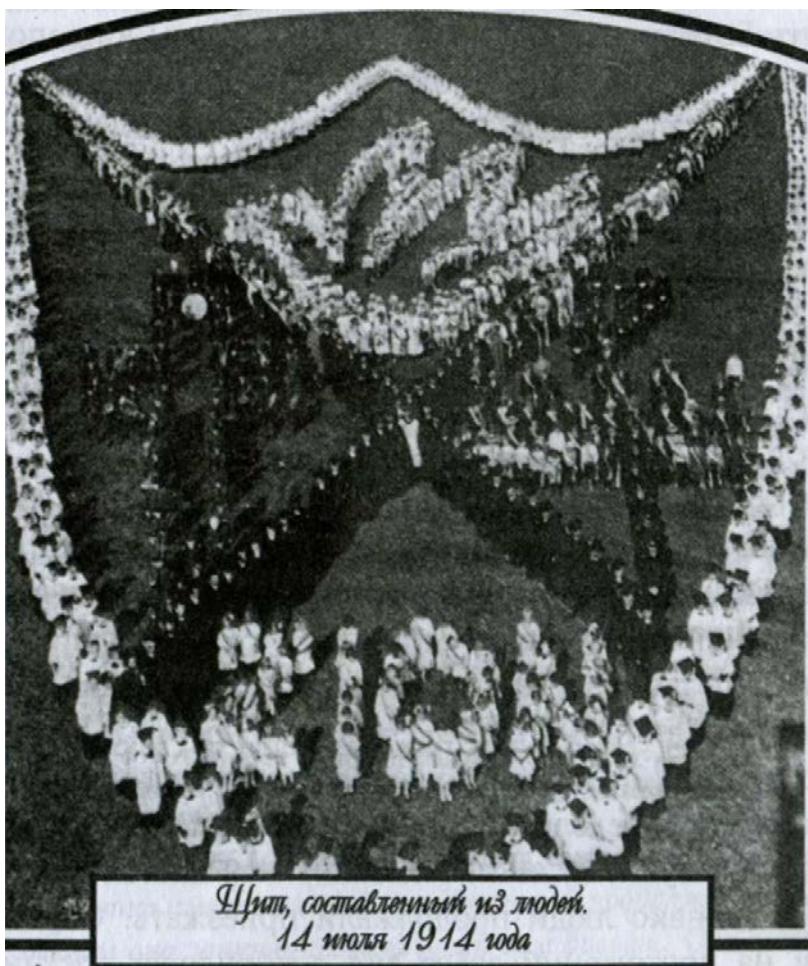
стороны света. О, каким прекрасным было сочетание солнца и моря, создававшее очаровательные пейзажи, которыми мы любовались по ходу движения вперед. И вот нашему взору предстал город с его домами и центрами деловой жизни, в которых тысячи мужчин и женщин были заняты каждый своим делом. На том самом месте, где всего сто лет назад царила первобытная тишина, время от времени нарушаемая криками диких племенaborигенов, был большой торговый город пример удивительного преображения мира».

Покинув Австралию, семья Доуи перебралась в Новую Зеландию, где д-р Доуи работал в течение нескольких недель, распространяя служение божественного исцеления. Затем, как и планировалось, они отправились в Америку, куда прибыли 7-го июня 1888 года, еще не осознавая, что служение божественного исцеления окажет на эту страну беспрецедентное влияние, прежде чем успеют пройти несколько месяцев.

О своем служении в Австралии, которому он посвятил много лет жизни, д-р Доуи написал следующие строки, которыми мы завершаем эту главу:

«я не жалею о тех испытаниях и трудах, которые выпали на мою долю, ибо они позволили мне получить реальные и глубокие переживания, в течение прошлых лет наполнявшие мою жизнь уверенностью, надеждой и любовью и дававшие мне необходимую благодать для преодоления испытаний и одержание побед, еще ожидающих меня впереди. Ощущение того, что все это было для меня своего рода подготовительной школой, неуклонно усиливалось в моем сердце с каждым годом моей жизни. Испытания прибавили мне седых волос и новых морщин на лице, но мое сердце обновлялось в юности своей, моя вера стала крепче и проще, моя надежда стала определеннее, и важнее всего то, что моя любовь стала чище. Все реже в моей

жизни бывают случаи замешательства — решение человеческих проблем находится во Христе и лишь в Нем одном. У меня нет других мыслей, кроме желания знать, что Он сказал, сделал или пожелал у и это — мой путь, и только его я выбираю для себя. Я никогда не верил в то у что Теннисон называет «честным сомнением» у ибо всегда считал, что сомневаться в нашем Господе Иисусе Христе хотя бы на миг — подло и бесчестно, и ныне у меня нет места для подобных мыслей».

Глава 14

Сквозь золотые ворота

Седьмого июня 1888 года Джон Александр Доуи прошел сквозь Золотые ворота в Сан-Франциско, штат Калифорния. Он зарегистрировался в гостинице «Палас» и начал просить Бога, чтобы Он направлял его планы в проповеди Евангелия в Америке. К этому времени в кошельке у него оставалось только семьдесят пять долларов. Журналисты в поисках новостей узнали о его приезде и поместили в местных газетах рассказы о его служении. Вскоре экипажи богатых людей из Окленда и Беркли, переправившись на паромах через залив, покатили по Маркет стрит к гостинице «Палас». И уже очень скоро со всей Калифорнии приезжали люди, чтобы побеседовать с Доуи и получить исцеление через этого человека из Австралии.

Для Доуи настало трудное время. Огромное число изысканных дам (некоторые из них являлись членами «Четырехсот») приезжало, чтобы увидеться с Доуи. В беседе с ними проповедник не шел на компромиссы. Он спрашивал их, оставили ли они свои грехи и капризы. Он говорил, что им необходимо принять спасение, и только потом можно вести речь об исцелении. После общения с ним они говорили, что д-р Доуи «до определенного момента был самым привлекательным из мужчин, но затем становился настоящим кошмаром». Однако люди продолжали приезжать. С раннего утра и на протяжении всего дня в коридорах гостиницы

«Палас» было множество людей, ожидающих беседы с д-ром Доуи. Но он ни за кого не молился до тех пор, пока к нему не приехала одна пожилая женщина из города Сакраменто. Д-р Доуи рассказал о том, что тогда случилось:

«Однажды утром я работал, беседуя с безбожными последователями учения Христианской Науки, прихожанами церквей и этими «птишками» с изысканным оперением и грязными сердцами. Я утомился. Уже был третий час дня, а я еще не освободился. Наконец, я скажу секретарю: «Попросите всех удалиться из коридора. Я никого не приму, пока г-жа Доуи не поест». Она буквально валилась с ног от усталости.

Проходя по коридору, я увидел пожилую женщину с длинным белым сосновым костылем простой работы. Я посмотрел в ее изрезанное морщинами лицо — оно светилось живым интересом. Видная девушка, присматривавшая за ней, находилась рядом. Они попросили разрешения остаться и подождать, и мой секретарь разрешил им. Однако когда я проходил мимо, что-то в глазах этой женщины запало мне в сердце.

Это был ее дух, выглядывающий из дома страдания. Я почувствовал, что не смогу пойти на обед. Я вернулся, остановился напротив нее и спросил: «Мадам, вы хотите увидеться со мной?» Она ответила: «Ты доктор. Я знаю, что ты доктор».

— «Откуда, мадам, вам это известно?»

— Она ответила: «Я знаю это по добрым глазам, что смотрят на меня». Я сказал: «Заходите, мадам». Она была бедна, очень бедна. Ей понадобилось занять денег, чтобы доехать от Сакраменто до Сан-Франциско, хотя плата за проезд составляла приблизительно один доллар.

После короткой молитвы я обнаружил, что эта женщина была очень интересной особой. Она была высокого роста, худощавой комплекции и странного вида, с резкими манерами и отсутствием воображения. Она осознавала свое невежество во многих вопросах и выражала сомнение в том, что имеет спасение во Христе. В продолжение нашей беседы она заинтересовала меня еще больше. Она сказала:

«Состояние моего здоровья тяжелое, а у моего мужа еще тяжелее; мы очень бедны, и я очень необразованная. Вчера мы прочитали о вас в Сакраменто, столице штата, находящегося в ста милях от этого города. Мой муж сказал: «Это древняя вера, а иначе все это — ложь. Поезжай и посмотри, действительно ли этот доктор таков, как о нем говорят, и если это правда, то ты вернешься домой здоровой».

«Я уставилась на него в изумлении, ибо он не был христианином и не был склонен верить в подобные вещи. Но он был очень настойчив и сказал: «Поезжай!» Поэтому я приехала».

«Но вы ведь христианка?» — спросил я. — «Не знаю, — ответила она, — но хочу узнать. Не стану говорить, что я христианка, пока не буду убеждена в этом». Затем, через несколько минут, она выпалила: «О, доктор, я хочу быть уверена в своем спасении. Вы не представляете, как я невежественна. Я не умею ни читать, ни писать, не знаю ни единой буквы. Я несчастный «белый мусор». Вы знаете, что значат эти слова?»

Я ответил: «Да, вы родились на Юге, верно?» «Да, — ответила она, — так называли рабов, черных рабов, но я всю свою жизнь была белокожей рабыней. Я и поныне рабыня, если иметь в виду мою работу. Когда мне было всего четыре года, меня выставляли из дома, заставляя собирать хворост в лесу. Меня били, морили голодом, и мой отчим жестоко обращался со мной, когда был пьян. Я выросла необразованной. Я даже не знаю, как правильно разговаривать с таким джентльменом, как вы. О, скажите мне, как я могу обрести уверенность в своем спасении».

Я был глубоко тронут ее словами, произнесенными с таким естественным, или, будет лучше сказать, сверхъестественным красноречием, перед которым нельзя было устоять. Я с радостью откликнулся на ее плач, и уже вскоре увидел, как она пришла к простому

упованию на Христа как своего Спасителя. Дух Святой уже работы над обличением ее грехов, рождая в ее сердце горячую любовь ко Христу и Его праведности, и она была готова отдать свое сердце Ему. Я понял, что сатана поражен, а она обрела свободу. Когда я спросил: «Сможете ли вы теперь положиться на Иисуса, как своего Целителя?» — она посмотрела на меня со слезами на своем опечаленном лице и ответила мне: «Покажите, как». Я сказал: «Если бы Иисус вошел в эту комнату, и представься вам, вы бы попросили его исцелить вас с верою, что Он сделает это?»

«О да, доктор, — сказала она, — и я верю, что Он бы исцелил меня». «Тогда, — сказал я в ответ, — Он уже здесь». Она оглянулась вокруг. Я добавил: «Он невидимо присутствует, ибо Он сказал: «Се, Я с вами до скончания века». Если это так, то Он сейчас здесь в духе и силе».

«Доктор, — сказала она, — я верю, что Он здесь». Без лишних слов я встал перед ней на колени и попросил разрешения взять в руки ее больную ногу. Я молился, прося Бога использовать меня как инструмент в работе Духа Святого во имя Иисуса и ради славы Его в этом исцелении. Закончив молиться, я посмотрел вверх и увидел, что она тихо плакала. Я подумал, что это мое отношение к ее большой ноге так тронуло ее, но она, забыв обо всем, смотрела вверх в молитве благодарения. Я поднялся и сказал: «Во имя Иисуса, встань и ходи!» Она искала глазами костыль, который я намеренно поставил подальше, чтобы она не могла до него дотянуться. Я повторил: «Во имя Иисуса, встань и ходи!» Она встала и несколько раз прошлась по комнате.

Я сказал: «Вы исцелены». От переполнявших ее эмоций она не могла говорить. Ей с трудом удавалось сдерживать их, но под конец она дала им волю, бросившись на шею г-жи Доуни и горячо её расцеловав, а также заключив в объятия свою дочь, которую, по ее

словам, она не целовала уже много лет. Это была очень трогательная сцена. Ее дочь уже давно жила без Бога, но перед тем, как она вышла из моей комнаты, ее взаимоотношения с Ним восстановились. Когда они уходили от меня, я сказал старой женщине: «Вы забыли кое-что у меня». «Что?» — спросила она. «Ваш костыль», — ответил я. «О, — сказала она, — он больше мне не нужен; я исцелилась». Я поинтересовался: «И что же вы собираетесь теперь с ним делать?» Она ответила: «О, доктор, если вы не против этого, я бы оставила его у вас». «Очень хорошо, — сказал я, — поставьте его в угол». Она поставила его в угол и прошла пешком более восьми кварталов до дома своей дочери.

Через два дня, в понедельник, 19 июня, она вернулась ко мне, радостно рассказывая о том, как хорошо она может ходить. Она рассказала, что в течение двух с половиной лет не могла опереться на эту ногу без костыля, а в течение десяти месяцев не могла спокойно заснуть ни на час. Я спросил ее, как она спит сейчас, и она ответила: «Как младенец. И затем она сказала, что возвращается домой. Испросил: «Что вы будете делать, когда вернетесь?» «Я расскажу всем, — ответила она, — что Иисус спас и исцелил даже меня».

С этого времени Джон Александр Доуи начал интенсивно проводить кампании исцеления, в результате чего он объездил все Тихоокеанское побережье. Он основал миссию в пресвитерианской церкви в Окленде, штат Калифорния. На протяжении этого времени среди многих исцелений особенно запоминающимся было чудесное исцеление г-жи Делайллы Кинг, которая страдала от хронической раковой опухоли, изъевшей ее горло. Врачи объявили о своем бессилии и отпустили женщину умирать. Когда Джон Александр Доуи помолился за больную, раковая опухоль исчезла. Г-же Кинг на тот момент исполнилось шестьдесят девять лет, и она прожила еще тридцать четыре года как живой свидетель Божьей исцеляющей и хранящей силе. Когда же она ушла к

Господу, спустя много лет после смерти самого Джона Александра Доуи, ей было почти сто четыре года. Подлинность ее свидетельства никогда не оспаривалась, хотя информация об этом случае печаталась и распространялась по всему миру.

Д-р Доуи ездил в Сан-Хоус, Лос-Анджелес и Сан-Диего, проводя там служения избавления для тела и души. Его проповеди зажигали в сердцах людей великий энтузиазм, и огромные массы приходили на его собрания. Это вызывало зависть у руководителей местных церквей, и на Доуи начались гонения. Гонения никогда не страшили Доуи, и его работа продолжала двигаться вперед в нарастающем темпе. Но не все церковные власти сразу же воспротивились ему. Ассамблея конгрегационистских церквей пригласила его обратиться к своим служителям, что он и сделал. Его выслушали с большим интересом.

В следующем году д-р Доуи провел серию кампаний на северо-западе страны, включая такие города, как Виктория, Сиэтл и Портланд. Затем он двинулся на восток, путешествуя по многим штатам и городам, пока, наконец, в 1890 году не обосновался в городе Ивенстон, пригороде Чикаго, штат Иллинойс. На Доуи яростно нападали чикагские газеты, называя его самозванцем и утверждая, что его никто не хочет видеть в этом городе. Д-ра Доуи, который к тому времени уже был ветераном в искусстве отражения нападок оппозиции, не очень беспокоили эти сообщения в прессе.

Глава 15

Доуи встречается со лжепророком

1888 году, вскоре после своего отъезда из Австралии, д-р Доуи узнал, что некий человек по имени Джекоб Швайнфурт осмелился назвать себя Христом и что его появление на сцене было ничем иным, как «вторым пришествием Спасителя». Он также узнал, что Швайнфурт основал нечто, называемое им «небесами на земле», в шести милях на юг от Рокфорда, штат Иллинойс. Д-р Доуи решил, что как только у него появится возможность, он исследует правомерность притязаний этого лжехриста. 29 июля 1889 года, находясь в Чикаго, он с несколькими своими спутниками отправился в Рокфорд. Около полудня они добрались до места, называемого «Небесами Швайнфурта».

Прибыв на эту ферму, Доуи поинтересовался, не будет ли против Швайнфурт побеседовать с ним. Его пригласили в дом и представили г-ну Швайнфурту. Доуи описывал его, как человека невысокого роста, худощавого телосложения, с почти огненно-рыжими волосами, коротко остриженной бородкой, усами и бакенбардами. Лицо его было маленьким, а глаза тусклыми и маловыразительными даже в «самые оживленные моменты». Беседа, последовавшая вслед за знакомством, продолжалась без перерыва в течение двух с половиной часов.

Разговор начался с того, что Швайнфурт поинтересовался у Доуи его мнением относительно состояния Церкви в мире. Ответив на его вопросы, д-р Доуи стал задавать свои, с этого момента заняв в разговоре роль лидера. Лжехристос, наверняка, догадался, что первые слова Доуи были только разминкой, и он ожидал, что Доуи перейдет к разговору о его странных притязаниях. Швайнфурт не проявлял никакой заинтересованности и желания говорить на эту тему, пока она не была специально навязана ему.

Затем д-р Доуи перешел к серьезной и конкретной беседе со Швайнфуртом, которая, по его наблюдению, скоро лишила этого человека хладнокровия. По тому, как последний

вытирая пот с бровей, было очевидно, что эта беседа заметно поколебала его привычное спокойствие, «а его раскрасневшееся лицо показывало, что он был сильно задет». Их диалог, который был подробно записан, мы предлагаем вашему вниманию.

ДОУИ: Вы простите меня, г-н Швайнфурт, если я, наконец, попрошу вас перейти к вопросу о ваших притязаниях, публичное заявление о которых заставило меня сегодня приехать к вам.

ШВАЙНФУРТ: Конечно, доктор, я согласен ответить на любые ваши вопросы.

ДОУИ: Правда ли, что вы считаете себя воплощением нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа, Предвечного Слова, ставшего плотью и пребывавшего на земле девятнадцать веков назад, чья жизнь описана в четырех Евангелиях, и Кто умер на кресте, воскрес из мертвых и вознесся на небеса? Утверждаете ли, что вы — Христос, и что человек, с которым я говорю, — это Он? (Пока Доуи произносил эти слова торжественным голосом, не сводя глаз со Швайнфурта, казалось, что тот весь сжался от страха. Быстро собравшись с духом, но все же с большим усилием, он выдержал паузу в течение нескольких секунд и потом ответил.)

ШВАЙНФУРТ: Я — это Он.

Целые полминуты Доуи смотрел на него, после чего сказал:

ДОУИ: Стало быть, если вы Христос, как утверждаете, и вторая ипостась триединого Бога, то в вас телесно пребывает вся полнота Божеского естества и вы являетесь воплощением Вечного Отца и Вечного Духа?

ШВАЙНФУРТ: Да.

ДОУИ: Стало быть, как Христос, вы должны знать обо мне больше, чем я сам знаю о себе.

ШВАЙНФУРТ: Вероятно, да.

ДОУИ: Очень хорошо. Тогда назовите мне место моего рождения, расскажите, как проходила моя жизнь, где я трудился, назовите мой возраст и имя моей жены. Короче говоря, продемонстрируйте мне ваше знание моей внешней

жизни, и я поинтересуюсь у вас о своей внутренней и духовной жизни.

(В этот миг г-жа Таттл — первый человек, провозгласивший Швайнфурта лжехристом, — обмахиваясь веером, сидела как на иголках. Увидев пот, стекающий по броням лжемессии, она вмешалась в разговор.)

Г-жа ТАТТЛ: О, доктор Доуи, вы совершенно неправильно поняли. Христ ос никогда не свидетельствовал о Себе. Он никогда не называл Себя тем, кем Он был. Это я провозгласила его Христом. (Эти слова она произнесла, гордо выпрямившись и покровительственно указывая на него.) Он этого не знал, но я провозгласила его Христом, потому что Бог открыл это мне.

(Это вмешательство дало г-ну Швайнфурту время отдохнуть от серии вопросов, быстро и серьезно задаваемых Доуи, ни па один из которых он не решился ответить, и когда к нему вернулось спокойствие и напускное благородство, с дьявольским хладнокровием сказал:)

ШВАЙНФУРТ: Мое свидетельство не о себе самом, и никто не приходит ко мне, если только не привлечет его Отец.

ДОУИ: Да, вы цитируете слова Христа, но вы должны помнить, что Он являл Свою божественность как словами, так и делами, и в оправдание Своих притязаний на нее апеллировал к обоим из них. Итак, какие же слова или дела вы выдвинете в защиту своих притязаний на божественность?

ШВАЙНФУРТ (с почти смехотворной абсурдной торжественностью): Я — это Он.

ДОУИ: Ну, ладно, г-н Швайнфурт, если вы — это Он, и вы — Предвечный Бог, пришедший во плоти, вам не составит труда удовлетворить, мой интерес, если - только предоставите мне соответствующие доказательства. Вам решать, какой они будут природы — только пусть они будут свидетельствовать о божественном происхождении.

ШВАЙНФУРТ: Я не свидетельствую о себе.

ДОУИ: Что за ерунда. Христос являл Себя до и после Своего воскресения при помощи многих неоспоримых доказательств. Он превратил воду в вино; Он чудесным

образом умножил хлеба и рыбу и накормил множество людей; Он успокоил штормящееся море и одержал победу над ветром и волнами; Он исцелял всевозможных больных, и даже заставил своих врагов сказать: «Ни один человек не говорил так».

ШВАЙНФУРТ (презрительно): Ха-ха, да вы находитесь на детском уровне в своем восприятии Христа. Исцеления и чудеса, о которых вы упомянули, для меня не имеют большого значения. Это все детские методы. Есть более серьезные.

ДОУИ: Допустим, это так,— тогда «окажите их». Я задавал вам вопросы относительно вечной жизни, и вы продемонстрировали ограниченность своего познания, так как оказались неспособными ответить на них. Итак, признаете ли вы себя человеком, познание которого ограничено?

ШВАЙНФУРТ: Я признаю, что существуют пределы в моем познании.

ДОУ И: Этот факт неопровергимо доказывает, что вы не Христос, «в Котором сокрыты все сокровища познания и мудрости», и Которому «дана вся власть на небе и на земле», и «ни одно сокровище не скрыто от Его глаз».

ШВАЙНФУРТ: Вы не понимаете.

Г-жа ТАТТЛ: Он не знал этого; я провозгласила его Христом.

ДОУИ: Но если бы вы были Христом, вы бы знали меня с самого детства. Если бы вы были Христом, мне следовало бы сказать вам в лицо: «Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты знаешь, что каждый день, несмотря на все лишения, мои мысли были всегда о Тебе, о, Христос. Ты знаешь, что я посвятил Тебе свою жизнь и возвещал Твое Евангелие множеству людей, и во имя Твое возложил руки на шестнадцать тысяч человек». Но вы не знаете меня, и я открыто говорю это вам. Я должен либо уверовать в вас, как в своего Господа и Нога, либо объявить вас самозванцем, лжецом и посланником дьявола — не Христом, а жестоким бесом, своей ложью уводящим многих людей в бездну позора и бед в этой жизни и на вечную погибель после нее.

Убедительная речь Доуи заставила лжепророка почувствовать себя очень неспокойно.

Проповедник пододвинул свой стул поближе и говорил, пристально глядя в глаза этого человека. Г-жа Таттл, видя, что Швайнфурт потерял эмоциональное равновесие, бросилась ему на помощь, сказав д-ру Доуи, что он все неверно понимает. Тогда Доуи попросил ее объяснить все, что он не понял, сказав: «Если вы имеете знание, позволившее вам объявить его Христом, и он обладает таким же знанием, то его не должны расстраивать мои вопросы и замечания». Затем Доуи спросил се, не является ли она женой одного из служителей конгрегационистской церкви, на что она ответила, что состояла в браке с таковым.

Дело в том, что г-жа Таттл оставила своего мужа и сошлась со Швайнфуртом. Все присутствующие при этом видели, что в доме находятся двое детей, заметно напоминающих собою лжехриста. Здесь же были и другие дети, недавно родившиеся, которых их матери (в доме находилось несколько других женщин) богохульно называли «семенем Святого Духа».

Д-р Доуи продолжал свою огненную череду вопросов, сильно беспокоивших сидящего перед ним человека. Вскоре обнаружилось, что человек, называвший себя Христом, не знает ни греческого языка, ни еврейского, ни других языков, с которых были переведены Священные Писания. Цитируя Библию, он часто ошибался. К этому времени все присутствующие убедились, что им не удалось произвести на Доуи никакого эффекта своей мудростью и знанием.

Г-жа Таттл разразилась длинной тирадой о том, что г-н Швайнфурт подлинно является Христом, и что бы Доуи ни сказал, это ни в коей мере не поколеблет их веры в него. Здесь нам хочется предложить вам часть их диалога.

ДОУИ: Кто эти люди?

Г-жа ТАТТЛ: Они воинствующая церковь.

ШВАЙНФУРТ: О!

Г-жа ТАТТЛ: Ах, простите, мне следовало сказать «торжествующая церковь».

ДОУИ (с усмешкой): О, кажется, между вами нет полного согласия. Сколько людей, по вашим оценкам, составляют торжествующую церковь?

ШВАЙНФУРТ: Не могу сказать.

ДОУИ: Но «Господь знает Своих овец». Вы должны знать, если вы Христос. Воистину, мне странно слышать это от человека, называющего себя вечным Богом и обязанного знать всех людей, истинно служащих Ему, что Ему неизвестно их число, притом, что он в один миг может счесть «все волосы на их голове», и «нет пределов Его познанию».

К этому времени лжехристос был уже деморализован и Доуи спешил задавать вопросы, поскольку чувствовал, что их беседа может внезапно прекратиться и у него не будет возможности закончить ее так, как, по его мнению, было бы лучше всего. Некоторые из людей, сопровождавших Доуи, свидетельствовали о своем чудесном исцелении, и он спросил Швайнфурта, почему тот назван божественное исцеление «детским уровнем».

Г-жа ТАТТЛ: Вы не понимаете. У г-на Швайнфурта есть сила и власть для этого, просто он ею не пользуется. Вам надо было бы послушать его учение.

ДОУИ: Кажется, нам пора подводить итоги нашего общения, и моей обязанностью, как служителя Евангелия, будет предупредить вас и сказать о том, что я думаю относительно ваших притязаний.

ШВАЙНФУРТ: Не имеет значения, что вы скажете.

Это ни на что не повлияет.

ДОУИ: Да, но это позволит мне уйти отсюда с чистом совестью и без чувства вины за вас; также это мой долг. И теперь, во имя Господа Иисуса Христа, я призываю вас покаяться в великом зле, которое вы совершаете, заявляя о своих богохульных притязаниях, и в том, что вы обманываете, деморализуете и обольщаете многих людей, которые в итоге пожнут позор и горькое разочарование. Я

заявляю, что вы не Христос, но богохульник и обманщик, и что в результате своей греховности вы оказались под контролем сатаны, были обмануты им и поверили лжи - если, конечно, вы сами верите тому, чему учите.

Г-жа ТАТТЛ: Д-р Доуи, следите за тем, что вы говорите. Он Христос, он Христос.

ШВАЙНФУРТ (у которого было время перевеет дух): Прошлой ночью, д-р Доуи, я видел вас во сне, как вы сидели здесь и говорили слова, которые только что мне сказали, и я ответил вам: «Вы лжете».

ДОУИ: Разве Христу' нужно видеть сны? И если вы видели во сне, что я был здесь и говорил эти слова, почему-же вы так удивились, услышав мое имя, и не узнали меня?

ШВАЙНФУРТ (в явном смущении): О, это видение меня только что посетило.

ДОУИ: Вы напоминаете мне Мухаммеда и других лжепророков, которые получали моментальные откровения. Их посещали видения именно в тот момент, когда это было им выгодно.

ШВАЙНФУРТ: Вы ответите за свои обвинения перед Божьим судом.

ДОУИ: Я с радостью сделаю это, и слава Богу за то, что котла я предстану перед Божьим престолом, Он позволит мне осудить вас как обманщика и самозванца.

ШВАЙНФУРТ: Вы раскаетесь во всем, что сказали.

ДОУИ: Я никогда не раскаюсь в том, что исполнил свой долг, и мне нужно сказать еще несколько слов в завершение нашей беседы. Я рад, что приехал к вам, и рад, что смог беседовать с вами в течение двух с половиной часов. Раньше я думал, что вы очень опасный человек, но теперь убедился, что вы не сможете оказать большое влияние на людей. И я осмелюсь пророчествовать во имя Господне, что скоро все забудут о вас.

(С этими словами Доуи встал, и все в комнате последовали его примеру.)

Г-жа ТАТТЛ: Вам нужно покаяться, д-р Доуи, в своих ужасных словах.

ДОУИ: Я сказал свои последние слова, и мне осталось только поблагодарить вас за беседу и представившуюся возможность исполнить свой долг. У меня нет иного чувства, кроме огромного желания, чтобы вы покаялись в своих грехах, и я буду рад снова встретиться с вами позже, если вам доведется оказаться в Чикаго или его окрестностях, и побеседовать с вами в любое время у себя дома в Ивенстоне.

(С этими словами д-р Доуи пожал руку лжепророку, поклонился дамам и удалился.)

Глава 16

Доктор Доуи отправляется в Чикаго

Джон Александр Доуи планировал поехать в Англию после того как завершит ряд поездок по Америке с проповедями об исцелении. Однако непредвиденные обстоятельства изменили его планы. 7 августа 1890 года он проповедовал на заключительном собрании божественного исцеления в Чикаго штат Иллинойс. Одна из присутствующих на этом собрании женщин обратилась к Доуи с просьбой помолиться за Дженнин Пэддок, у которой была фибройдная раковая опухоль. Врачи отказались продолжать лечение, так как началось омертвение тканей.

Джон Александр Доуи воспринял этот случай как проверку: стоит ему начинать работу в Чикаго, или нет. Он помолился за умирающую женщину, и она получила моментальное исцеление, после чего прожила еще много лет. Раковая опухоль, согласно описанию врача, была почти с плод какао. Она быстро распространялась, приближаясь к основным кровеносным сосудам и позвоночнику, и уже захватила часть желудка, вследствие чего женщина не могла принимать пищу. Этот случай исцеления был настолько примечательным, что сообщения о нем появились сразу в нескольких чикагских газетах.

Д-р Доуи продолжал ездить, проповедуя Евангелие исцеления во многих частях страны. Но с этого времени он уже планировал, что Чикаго, второй по значению город в США, станет базой для его служения. В этом городе должна была состояться Всемирная Ярмарка, на которую съезжались люди со всего мира. Доуи решил, что открытие Ярмарки будет благоприятным временем, чтобы начать в Чикаго постоянное служение. Он построил маленькое церковное здание неподалеку от входа на Ярмарку, напротив аттракционов Билла Буффало. Первое служение в новом здании состоялось седьмого мая 1893 года, однако результаты служения, на которые Доуи возлагал большие надежды, не внушали большого оптимизма. Люди пробегали

мимо, лишь изредка поглядывая на церковь, которую они саркастически называли «маленькой деревянной хижиной». Выступая с церковной кафедры несколько лет спустя, д-р Доуи вспоминал историю начала своего служения в Чикаго.

«В 1893 году мы построили нашу презренную «маленькую деревянную хижину» у входа на Всемирную Ярмарку. Если кто-то из прохожих и замечал ее, то с чувством глубокого презрения шел дальше, к воротам Ярмарки Тщеславия.

Мир шел мимо, и Церковь проходила мимо, ибо была лишена миром истинных ценностей. У нее не было времени остановиться и помолиться. Я слышал много презрительных слов, которые говорили при виде флага со словами «Христос — все во всем», развевающегося над нашей, скромного вида «маленькой деревянной хижиной».

Но некоторые обращали на него внимание и заходили в эту «хижину». Таковых, однако, было очень немного.

Через год Ярмарка крови и насилия закрылась. Начался ужасный экономический кризис, доведший миллионы людей до нищеты.

И вот посреди этой великой национальной катастрофы открылась церковь «Скиния Сиона». Мы держались в течение всей мрачной зимы. Территория Всемирной Ярмарки и ее окрестности оказались в запустении, будто это место было проклято. Люди хотели уехать подальше от него.

Зимой 1893-1894 годов здание нашей маленькой церквиказалось слишком большим для тех аудиторий, которые собирались в нем. В течение первой половины зимы нам приходилось проводить службы в маленьком подсобном помещении. Мы проповедовали двум-трем человекам. Я, проповедовал четырем. Я проповедовал десяти, но не прекращал служения. Бывало, спрашивал себя: «Правильно ли ты сейчас поступаешь? Вспаши, некогда в Австралии ты проповедовал аудиториям численностью до двадцати

тысяч человек. Всякий раз, уезжая из Чикаго, ты собираешь большие собрания в любом городе в Канаде и на востоке США». Но я отвечал: «Нет, Бог поставил, меня сюда». И с этого дня каждое новое здание нашей церкви было больше предыдущего.

Этой ужатой, мрачной зимой все, кто проезжал на поезде мимо и читал слова «Скиния Сиона» на - здании церкви, должно быть, думали, что она была закрыта, заброшена, как и все остальное в округе. Но не было ни одного дня, чтобы у нас не проходило богослужение, и даже ночью церковь никогда не закрывалась.

Но как только зима прошла, начался прорыв. Могучая Божья сила сошла на нас. Один за другим к нам стали приходить люди и чудесным образом получать исцеление. Мы снова перебрались в основной зал нашей церкви. Задолго до начала собраний проходы в зале были заполнены людьми. На протяжении нескольких месяцев люди стояли на улице на снегу или сидели на импровизированных стульях там, где они могли хотя бы слышать голос проповедника, если не могли его видеть».

* * *

Как прежде в Австралии, так теперь и в Америке, служение исцелений и чудес дало д-ру Доуи ключи, которые открыли для него двери города Чикаго и разбили лед безразличия и равнодушия к Евангельской Вести. Как только разлетелись новости о том, что происходят чудеса, к Доуи начали приходить люди.

Первые выпуски старых бюллетеней «Листья исцеления» — документальное подтверждение большого количества замечательных чудес исцеления, известия о которых передавались из уст в уста по всему городу. Кроме того, «Листья исцеления» начали распространяться по всему миру, и люди стали приезжать отовсюду, чтобы побывать на служениях Доуи и получить исцеление.

Однако городские газеты сильно сомневались в правдивости этих сообщений о происходящих чудесах. В них начали появляться статьи с оскорблением в адрес Доуи. В

последовавших за этим гонениях, к газетам присоединились грозные союзники — служители церквей, специалисты-медики, а также производители и торговцы табачными и алкогольными изделиями. Последних Доуи продолжал сурово критиковать. В конце 1894 года на страницах газеты «Чикаго Трибун» появились сообщения о том, что Государственный Совет по здравоохранению готовится расследовать деятельность д-ра Доуи, который, как они утверждали, «практикует медицинское лечение людей без надлежащей лицензии».

Быстро растущий у людей интерес к служению Доуи вызывал тревогу у служителей городских церквей и медицинского братства. С нескольких сторон на власть оказывалось давление с целью придушить служение этого популярного проповедника, которого они считали «смутьяном». Однако власти не торопились предпринимать какие-либо действия, так как знали, что, согласно Конституции США, каждый желающий имеет право проповедовать Евангелие и проводить религиозные собрания без вмешательства со стороны закона. Но враги Доуи, желая уличить его в противозаконных действиях, решили, что нашли его слабое место, когда он начал открывать Дома Исцеления.

У сотен людей, которые приезжали в город, чтобы получить исцеление, не было места, где остановиться. Поэтому д-р Доуи арендовал и обустроил несколько больших многоквартирных Домов, чтобы использовать их как Дома Исцеления, где люди смогли бы иметь пищу и жилище по себестоимости, получать Духовное ободрение и удобно располагаться на вечерних богослужениях. Конечно же, им не оказывали медицинскую Помощь. Именно эти дома и стали основной мишенью для газетчиков, каждый из которых стремился превзойти своих коллег в постоянных унизительных нападках. Никто не желал принимать во внимание истинное предназначение этих домов; и репортеры, описывавшие «ужасные» подробности жизни в Домах Исцеления, давали волю своему воображению и фантазии. Ниже мы предлагаем вам типичный образец

подобных сочинений. Эта статья появилась в газете «Чикаго Диспетч».

Приют для умалишенных д-ра Доуи

По собственному признанию Доуи, существует приют, где содержатся душевнобольные, за что он получает немалый доход. В настоящее время многие его пациенты проводят долгие утомительные часы за решетками этой комнаты ужасов. Когда у их друзей кончаются деньги, несчастных выбрасывают на улицу, и они бродят, где захотят, подвергая опасности собственную жизнь и угрожая жизни других людей.

Негодование и недовольство граждан растет по мере того, как раскрываются новые злодеяния. Полиции и репортерам активно помогают живущие по соседству люди. В частности, благодаря им, стала известной одна из самых отвратительных подробностей. Группа людей явилась в Городской Совет по здравоохранению и сделала потрясающее заявление: дома Доуи — притон для дешевых уличных проституток, которых он использует по своему усмотрению, а потом, давая им некоторую часть от добычи, посыпает как своих адептов в городские предместья, чтобы приводить новых жертв. Теперь мы точно знаем и можем поклясться, что многие женщины, потерявшие достойную репутацию, нашли пристанище в доме у Доуи, но не как его соработники, а как сожительницы... Одна женщина, которая, когда Доуи впервые встретил ее, была чистой девушкой из деревни, стала одной из самых бесстыдных развратниц в доме небезызвестной Мадам с улицы Диаборн. Именно эти женщины, прогуливающиеся по Эдгертон авеню, будоражат умы чистых жен и дочерей местных жителей и оскверняют их помышления своей невоздержанностью. Это самая отвратительная из многих гадких выходок Доуи.

Та же газета 13-го декабря 1895 года опубликовала следующее сообщение:

«Список умерших в больницах Джона Александра Доуи увеличился еще на одного человека.

К длинному перечню лиц, лишившихся либо жизни, либо рассудка в пользующихся дурной славой лечебницах Вудлон, добавилось имя еще одной жертвы. Кошмар, сопровождавший трагедии, происходящие в больницах этого шарлатана, в данном случае был очевиден. В понедельник вечером, когда на улице моросил дождь и шел мокрый снег, Доуи, зная, что женщина умрет, отправил ее в дешевую гостиницу, где полным ходом шла гулянка с танцами. Там, под звуки песни «Моя мечта — девушка из Бауэри», она лишилась жизни. Женщина стала новой жертвой фанатизма и лицемерия. Ее звали Сарра А. Блэк. Не хорошо знали в пригороде Хермоза как верную добродорядочную христианку.

Находясь на начальной стадии тяжелого заболевания, она, естественно, очень хотела найти средство для своего лечения. Услышав о Доуи, она вместе со своей дочерью посетила одно из его воскресных собраний. Свидетельство adeptов Доуи они приняли как евангельскую истину. Эти две невинные женщины не могли и предположить, что бывший преступник и нарушитель закона может использовать религию в корыстных целях и прибегнет к помощи купленных свидетельств, чтобы оправдать свои действия.

Обе они стали узницами домов смерти. Лишенная нормального питания и продуваемая до костей холодными ветрами, дующими со старого озера Мичиган и со свистом доносящимися из притонов на Эдгертон авеню, мать стала быстро терять силы. В понедельник от дочери уже невозможно было скрыть, что ее мать умирает.

Лжехристос заявил, что у нее недостаточно веры. Полиция же утверждает, что за ней не было нормального ухода.

Доуи умен. Доуи хитер и коварен. Смертельные случаи не пугают его, если он получил деньги от умирающего. Но Доуи понимает, что люди не должны умирать в его домах. Поэтому таких пациентов выбрасывают на улицу, подальше от места преступления, ибо не все так безрассудно доверчивы, и многие достаточно умны, чтобы разглядеть преступника, скрывающегося под маской Божьего служителя.

В понедельник, 10-го декабря 1895 года, г-жу Сарру Блэк выпроводили в гостиницу Ленора. Ей пришлось идти по грязным и слякотным улицам, укрываясь от мокрого снега, слепившего ей глаза. Гулянка была в полном разгаре; слыша громкие звуки песен, видя грубые жесты танцовщиц, женщина умерла.

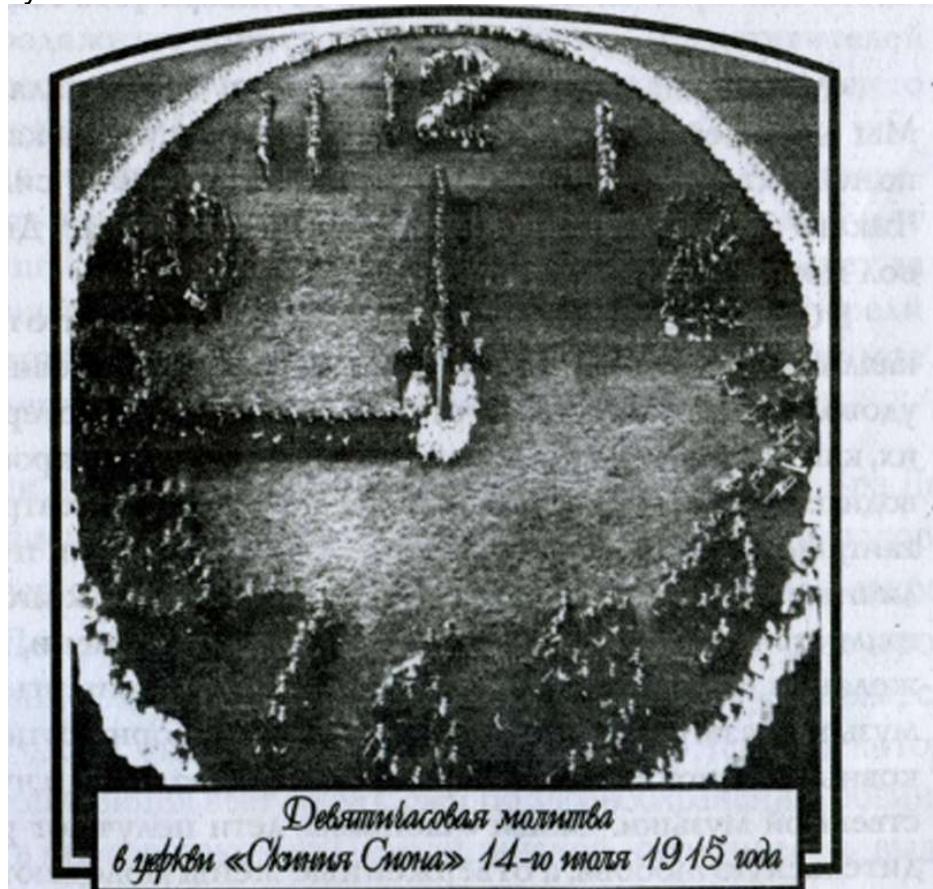
Тело г-жи Блэк доставили домой к дочери, проживающей на улице Северный Линкольн в доме 893. По странному стечению обстоятельств погребальный кортеж следовал по Эдгертон авеню. Из окон дома №1 видели лысину и развевающуюся бороду главного лицемера, который уверщевал своих жертв заплатить ему деньги, чтобы последовать по стопам несчастной, лежащей в проезжающем мимо катафалке».

На следующем воскресном служении Доуи прочел эту статью перед собранием своей церкви и затем вызвал на сцену мужа покойной. Последний засвидетельствовал, что г-жа Блэк никогда не была ни в одном из домов Доуи, и назвал все, написанное в этой статье, гнусной ложью.

Все сообщения такого рода были вымыслом без капли истины, плодом фантазии репортеров, считавших Доуи глупым и беспомощным человеком, неспособным защититься и противостоять мощной оппозиции. Они полагали, что, благодаря подобным абсурдным историям, их газеты станут более популярными.

Но, столкнувшись с резким отпором и гневным осуждением со стороны Доуи, лидеры оппозиции осознали, что одними словами не добьются его устраниния из города, как и не смогут сократить количество его слушателей. Они усилили давление на Государственный Совет по здравоохранению, чтобы выдвинуть против Доуи обвинение в том, что он «практикует медицинское лечение людей без надлежащей лицензии». Это обвинение было явной ложью, поскольку д-р Доуи меньше, чем кто бы то ни было, стремился применять медицинские методы в своих Домах. Грозные преследования, которым в США не было равных со временем гонений на «Салемских ведьм», готовы были вот-вот

начаться. Но если д-р Доуи и предпринял какие-либо усилия во избежание преследований, сделав проповеди менее жесткими и изменив характер своих действий, эти шаги остались незаметными для его друзей и врагов. Несомненно, враги с радостью прекратили бы кампанию преследований, если бы знали о непоколебимой решительности своего оппонента, в которой они смогли убедиться только год спустя.

Глава 17

В Чикаго поднимается буря

Джон Александр Доуи был хорошо осведомлен о силе и серьезности намерений своей оппозиции. Более дипломатичный человек стал бы искать пути, как смягчить предстоящий удар. Но вместо того, чтобы запугать, гонения активизировали его многочисленные таланты и внутренние ресурсы. Реакция Доуи на происходящие события представлена в передовице бюллетеня «Листья исцеления» за 18 января 1895 года:

«Мы ожидали наступления бури, и она началась. Мы не имеем никакого права роптать. Мы искали конфликта с силами ада, и нашли его. Адские силы Чикаго стали в строй и пошли в бой против нас. Дьявол почтил нас тем, что взвыл от боли.

В Скинии Сиона были обличены в грехе, открыто покаялись, исповедовались и оставили грязные греховные удовольствия многие тысячи грешников. Дьявол потерял их, как потеряли их владельцы пивных заведений, производители алкоголя, торговцы табаком, а также театры, танцплощадки, тайные общества, азартные игры и публичные дома. Они больше никогда не подойдут к игорным столам в барах, у них больше нет ни времени, ни желания, ни денег, чтобы слушать оперы, концерты и музыку, разогревающую людские похоти. Сборники церковных гимнов заняли теперь место танцевальной и чувственной музыки. Семьи счастливы, дети получают родительскую любовь, а отверженные жены молодеют и хорошеют перед мужьями, чьи глаза некогда были затуманены алкоголем и табаком. Плачь, дьявольское отродье, горькими слезами: твое горе — наше счастье, а твое отчаяние — наша надежда на то, что пленники, остающиеся сегодня в темницах смерти, выйдут на свободу.

Горюет аптекарь, потому что его запатентованным лекарствам и таблеткам, пластырям и ядам грозит опасность

оказаться невостребованными на рынке, вместо того, чтобы отправлять своих жертв. Безутешно горюет врач: его пациенты получили исцеление и уже никогда не обратятся к нему за помощью. Так же терапевт, гомеопат, физиотерапевт или любой другой врач, чье лечение не приносит людям ничего, кроме нищеты, бед и отчаяния, больше не увидят эти страждущие души, ибо они нашли для себя путь божественного исцеления.

Бедняги-врачи, кто утешит их? Бедняги-хирурги, кто утешит их? Ибо их жертвы избавляются от ланцетов и щипцов, от таблеток и прочей отравы. Они бегут к своим товарищам из Государственного Совета по здравоохранению, собирают своих соратников — продажных юристов, полицейских, представителей прессы и духовенства, чтобы спастись от грядущего гнева людей, освободившихся от иллюзий. Но их усилия напрасны. Вскоре лишь «мертвые будут погребать своих мертвцев», а предлагать лекарства будут лишь те, кто принимает их. Те же, кто последует за живым Спасителем, более «не взыщут жизни среди мертвых» и не будут искать исцеление, принимая смертельные яды или ложась под нож убийства».

Как уже говорилось в предыдущей главе, враги д-ра Доуи надеялись, что, обесчестив его в глазах людей, они подорвут их доверие к его служению, и Доуи будет вынужден закрыть свои Дома Исцеления. Но, к своему большому разочарованию, они вскоре обнаружили, что, благодаря их усилиям, служение Доуи стало еще более популярным. Через некоторое время оппозиция вынудила Совет по здравоохранению обвинить Доуи в противозаконной «медицинской практике» и выдать разрешение на арест. В начале января 1895 года д-р Доуи был арестован. Представ перед судьей, он оставил залог, после чего ему было велено явиться в суд пятнадцатого числа того же месяца. Судейскую коллегию возглавил судья К. Прайнвилль.

Д-р Доуи воспользовался услугами адвоката Энтони Стабблфилда. Фактически г-н Стабблфилд, блестящий юрист, только помогал Доуи, информируя его относительно

требований предъявляемых процедур. В большинстве случаев Доуи сам выступал в свою защиту, а из-за его ума и прозорливости обвинителям доктора самим приходилось защищаться на допросах. Мы предлагаем вашему вниманию часть беседы между государственным обвинителем Вильямсом и д-ром Доуи, который выступил со свидетельством в свою защиту. В первом томе «Листьев исцеления» есть полный список всех судебных процессов. Предлагаемый краткий отчет о его первом судебном заседании типичен для многих других последующих на протяжении 1895 года.

Краткий отчет о судебном заседании по делу Джона Александра Доуи, проходившего под председательством судьи Прайнвилля в Чикаго.

Г-н ВИЛЬЯМС: Мы утверждаем, что обвинения, выдвинутые против г-на Доуи, заключаются в том, что он «лечит людей, проводит операции и назначает курс лечения больным без надлежащей лицензии от Государственного Совета по здравоохранению».

Г-н ДОУИ: Мы хотим знать, в чем нас обвиняют. Недостаточно сказать, что мы виновны в проведении операций и назначении курса лечения больным. Мы хотим знать имена этих людей, чтобы можно было проанализировать каждый конкретный случай.

ВОПРОС: Чем вы занимались в Австралии?

ОТВЕТ: Я был служителем Евангелия Иисуса Христа.

ВОПРОС: К каким классам принадлежат люди, которых вы принимаете в Дома Исцеления?

ОТВЕТ: Таких классов много. Иногда среди моих гостей оказываются врачи. Да, врачи! А также служители Евангелия, юристы. (Я пока не имел удовольствия принимать вас, и не знаю, смогу ли принять. Вы не отвечаете поставленным требованиям.) Врачи, служители, юристы, торговцы. Кажется, было несколько судей. Однажды у меня был генерал со своими дамами.

ВОПРОС: Вы можете назвать его ил1я, или только констатируете факт?

ОТВЕТ: Только констатирую факт. Люди самых различных классов общества. Помните, что я желаю предоставить вам самую полную информацию.

ВОПРОС: Принимали ли вы людей с инфекционными заболеваниями?

ОТВЕТ: Нет, сэр, ни при каких обстоятельствах.

ВОПРОС: Г-н Доуи, разве не правда, что некоторые пациенты...

ОТВЕТ: Мы возражаем против слова «пациенты». Мы называем их гостями.

ВОПРОС: Ах, гостями. Теперь я знаю, что вы имеете в виду. Итак, Доуи, правда ли, что большинство заболеваний этих людей считаются медициной неизлечимыми?

ОТВЕТ: Очень большое количество. Эти люди растратили все свои средства на лечение у врачей, но их здоровье не улучшилось. Стало только хуже.

ВОПРОС: Какие условия ставите вы своим гостям, когда они приходят в Дом божественного исцеления?

ОТВЕТ: Каждый гость, приходя1ций в Дом божественного исцеления №1, понимает, что он не получит никакой медицинской помощи.

ВОПРОС: Ваша медицинская практика ограничивается только Домом N'51?

ОТВЕТ: Я никого не лечу.

ВОПРОС: Как же вы это называете?

ОТВЕТ: Я молюсь за больных. Я молюсь Богу за больных во имя Господа Иисуса Христа. Я возражаю против слова «лечение».

ВОПРОС: Не знаю, каким еще можно заменить словом: я не настолько опытен в английском языке, как вы.

ОТВЕТ: я лично никого не хочу оскорбить. Просто я категорически возражаю против употребления такого термина.

ВОПРОС: Вы молитесь с каждым человеком наедине?

ОТВЕТ: Я никогда не молюсь за даму, если в комнате не присутствует г-жа Доуи.

ВОПРОС: В процессе лечения вы возлагаете руки на больных?

ОТВЕТ: Да, сэр.

ВОПРОС: Покажите суду, как вы это делаете.

ОТВЕТ: Я уже объяснил вам, что я — служитель Евангелия...

ВОПРОС: Я хочу, чтобы вы ответили на вопрос. Мы понимаем, что вы служитель Евангелия.

ОТВЕТ: Я понял ваш вопрос. Отвечу на него иначе. Ваша честь, могу я по-своему ответить на этот вопрос?

СУД: Можете.

ОТВЕТ: Как служитель Евангелия Иисуса Христа, я послужен Его заповедям. Он сказал; «Сии знамения будут сопровождать уверовавших: во имя Мое возложат руки на больных и те будут здоровы». Я молюсь за исцеление людей.

ВОПРОС: Вы делаете это с целью исцеления человека от его болезни?

ОТВЕТ: Нет, сэр. Я никого не исцеляю. Я делаю это из послушания Богу, использующему меня в исцелении людей.

ВОПРОС: Вы делаете это для осуществления исцеления?

ОТВЕТ: Для того, чтобы Бог осуществил исцеление. Я никогда никого не исцелял и не утверждаю, что могу делать это.

ВОПРОС: Доуи, что...

ОТВЕТ: Это, по-вашему, правильное обращение ко .мне — «Доуи!»?

Г-н ВИЛЬЯМС: Прошу прощения.

Г-н ДОУИ: Вы извинились на этот раз. Но так вы обращались ко .мне несколько раз. Вы очень грубы.

ВОПРОС: Вы молились за исцеление людей, не исповедовавших учения о божественном исцелении?

ОТВЕТ: Конечно же, нет.

ВОПРОС: Если бы к вам когда-нибудь пришел человек и предложил большую сумму денег, вы бы приняли их?

ОТВЕТ: Если бы ко мне пришел любой человек и предложил мне деньги, чтобы я помолился за него, я бы немедленно отверг это предложение и не имел бы с ним

никакого дела. Предложение заплатить за исцеление я бы счел личным оскорблением в свой адрес.

ВОПРОС: Возлагаете ли вы на людей руки, ожидая, что благодаря этому действию будет достигнут желаемый результат?

ОТВЕТ: Нет, сэр, я проповедую Евангелие Иисуса Христа, а не Доуи. Говорю вам: Доуи — ничто, Иисус Христос — все.

ВОПРОС: Вы принимаете подарки от людей?

ОТВЕТ: Добровольные подарки принимаются как в нашей организации, так и вне её.

ВОПРОС: Вы рады им?

ОТВЕТ: Вполне. Я с удовольствием принял бы от вас миллион долларов.

ВОПРОС: Вы на неверном пути.

ОТВЕТ: Думаю, что да. Вы никогда не окажетесь на верном пути, если не покаетесь — иного способа не существует.

ВОПРОС: Вы публиковали ваши свидетельства в газетах?

ОТВЕТ: Нет, сэр, я бы не стал публиковать их в лукавых газетах этого города. Я публикую их только в своей собственной газете.

ВОПРОС: Что представляет собой ваша проповедническая деятельность?

ОТВЕТ: Я проповедую Евангелие спасения по вере в Иисуса Христа и Евангелие божественного исцеления. Я также проповедую истинную святость по вере в Иисуса Христа.

ВОПРОС: Теперь я спрошу вас: правда ли, что на служениях вы проповедуете не только о божественном исцелении?

ОТВЕТ: Да, ибо учение о божественном исцелении не единственное и не главное в моем служении. Да, многие получают спасение через исцеление, и во многих проповедях подробно говорится о нем, но наша главная цель - убедить людей в том, что они, прежде всего, должны оставить свои грехи. Если бы вы присутствовали на проповеди, я бы призвал вас отказаться от табака».

После того, как его обвинители вынесли решение, д-р Доуи выступил в свою защиту:

«Настоящее дело на его нынешнем этапе рассмотрения должно быть аннулировано. Суд не имеет ни единого доказательства того, что я применял какие бы то ни было методы лечения, но располагает фактами, опровергающими это утверждение. Как странно, что ни один из тысяч тех, кто побывал в наших Домах Исцеления, не пришел и не выступил со свидетельством прошв нас. Государство пытается укрепить свою позицию в этом деле самым экстраординарным образом - устами самого обвиняемого. Судьи поставили меня свидетельствовать как своего главного свидетеля. Они поставили рядом двух моих секретарей, и, ничего не доказав с их помощью, они привели в качестве свидетеля одного-единственного человека, который не может ничего сказать против нас.

Каждый гражданин Соединенных Штатов и каждый человек, проживающий в этой стране, даже будучи гражданином другого государства, находится под защитой законов Соединенных Штатов и имеет право учить, проповедовать и практиковать все, что позволяет ему Библия. Христианство защищено законами Великобритании и США.

...Для меня, как служителя Евангелия, проповедь полного Евангелия для духа, души и тела человека является не только привилегией, но и долгом Провозглашая Евангелие, я учу, что Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки тог же. Далее я говорю, что Он остается тем же Искупителем, Хранителем и тем же всемогущим Другом и Благодетелем человечества. Я утверждаю, что «молитва веры исцеляет болящего». Я также утверждаю, что в Писании сказано о том, что «сии знамения будут сопровождать уверовавших: во имя Мое они возложат руки на больных и те выздоровеют». Я заявляю, что пока человек не оставит свои грехи, не покается в них и не возместит ущерб, нанесенный своему ближнему, пока не примирится с Богом, — он не сможет получить исцеление. Далее я заявляю, что покаяние перед Богом должно сопровождаться верой в нашего Господа Иисуса Христа и что

спасение человека предшествует его исцелению. Я настойчиво и последовательно отказываюсь от встреч с неспасенными людьми, независимо от того, сколько денег они мне предлагают. Я всегда говорю людям, вроде членов присутствующего здесь ученого совета, жующих табак и сплевывающих его на пол: «Вы грешите, оскверняя свои тела». Я называю их «сосудами мерзости». Я говорю им, что они могут называть себя христианами, но не являются таковыми. Они не имеют права просить меня молиться Богу о своем исцелении, тогда как сами создают себе болезни своими привычками.

Нам велено помазывать больных елеем во имя Господа (Иакова 5:14,15). Многие получали исцеление от моего прикосновения. Я не позволяю использовать слово «лечебение». Если бы я хотел лечить людей, то сказал бы, что лечил их. Но я возражаю против этого слова не только сейчас. Я возражал против него во всякое время и при любых обстоятельствах на протяжении двадцати лет. Я только молился за больных как служитель Евангелия Иисуса Христа. Если бы Господь Иисус Христос явился сегодня в Чикаго, возлагая руки на больных, как Он делал это девятнадцать веков назад, Он был бы осужден, предстал перед судом и был бы обвинен в нарушении акта Государственного Совета по здравоохранению. Это первый случай за все мое служение, когда меня обвиняют в нарушении какого бы то ни было законодательного акта, касающегося медицинской практики».

Судья Прайнвилль был явно враждебно настроен по отношению к д-ру Доуи, и с самого начала можно было предвидеть исход дела. На пятый день после заседания судья обнародовал решение: штраф в размере ста долларов в пользу стороны, обратившейся с жалобой. Д-р Доуи отказался платить, и присяжный Вильяме выдал ордер на арест. Была подана апелляция в высшую судебную инстанцию, и внесен залог на сумму двести долларов. Тогда Государственный Совет по здравоохранению открыл дело против г-жи Джини Доуи. Д-р Доуи потребовал перенесения

рассмотрения этого дела в другой судебный округ и добился своего. Вот что он писал по поводу попыток устроить гонения на свою жену в одном из выпусков «Листьев исцеления»:

«Воистину, торговцы отравой и таблетками, а также орды мясников-хирургов демонстрируют свою трусость, желая оштрафовать или заключить в тюрьму женщину-христианку, молящуюся за больных во имя Иисуса. Где же живут эти змеи в человеческом обличье, которые окажутся даже ниже этих существ, если нам не удастся найти их в шкуре этих мерзких тварей? Где же ваши матери, жены и дочери, которые должны пристыдить вас за ваше преследование этой честной и верной жены и матери, посвятившей свою жизнь служению Христу и помогающей бедным и больным, грешным и страждущим? Ради всего святого, остановите эту свору продажных слуг закона, которую вы наняли, загоняющих се через суд в тюрьму!»

В результате дело, возбужденное против г-жи Доуи, было прекращено, а прокурор просто не явился на слушание, когда было объявлено его рассмотрение. Очевидно, противники д-ра Доуи полагали, что когда он поймет, что после каждого очередного вызова в суд от него будут требовать заплатить штраф, то он разочаруется и закроет свои Дома Исцеления. Меньше всего они ожидали, что он не побоится подать апелляцию в высшую судебную инстанцию, что фактически потребует от него расходов в тысячи долларов. Это был объяснимый просчет с их стороны, но не единственный, который они допустили на протяжении 1895 года.

Представители оппозиции понимали, что их обвинения в «незаконной медицинской практике», предъявленные Доуи, были явно надуманными. Они предвидели, что местная судебская коллегия, находящаяся у них под каблуком, признает его виновным, но также прекрасно понимали, что обратясь он в высшую судебную инстанцию, которая не будет марионеткой в их руках, как решение суда будет немедленно пересмотрено. Поэтому они были вынуждены снять свои обвинения против д-ра Доуи.

Пережив сильнейшее разочарование вследствие непредвиденного поворота событий, противники Доуи, однако, не собирались складывать оружие. Теперь они искали любой предусмотренный законом предлог, чтобы «прогнать Доуи из Чикаго». Но им не удавалось найти такой закон

или устав, который бы он нарушил. Следуя примеру гонителей пророка Даниила, они решили во что бы то ни стало добиться, чтобы власти приняли такой закон, который позволил бы им взяться за Доуи на законном основании. Спустя несколько дней заговорщики убедили Городской Совет принять так называемый «Закон о больницах». Узнав о нем, д-р Доуи сказал, что такой закон не соответствует Конституции, и потому не считает себя обязанным ему подчиняться. Ради приличия приведение в силу этого закона было на время отложено. Но представители оппозиции изучали другие возможности осуществления своей цели. Они добились временной отмены его привилегий второго класса на почтовые услуги, что легко на него дополнительным финансовым бременем, но не помешало продолжению публикации «Листьев исцеления». В последующей главе содержится история об этом произшествии.

Глава 18

Арестован сто раз

Едва успело пройти чуть больше месяца, д-р Доуи среди своей почты нашел короткое письмо от Комиссара по здравоохранению. К письму прилагался бланк, который необходимо было заполнить. В письме ясно говорилось, что так называемый Закон о больницах отныне начинал действовать! В случае, если д-р Доуи откажется заполнить бланк и отправить его Комиссару, то будет арестован по обвинению в нарушении закона. В письме говорилось следующее:

«Чикаго, 1 мая, 1895 года.

Руководителю Международного Дома Исцеления больных.

Заполните бланк, прилагаемый к настоящему письму, чтобы получить разрешение на свою деятельность согласно закона от 28 января 1895 года, регулирующего деятельность и работу «любого учреждения, принимающего пациентов и осуществляющего временное или постоянное лечение больных, раненых или физически нетрудоспособных людей, в том числе беременных женщин, готовящихся к родам, а также душевнобольных людей и инвалидов». См. текст закона, отпечатанный на оборотной стороне этого письма.

**Артур Р. Рейнолдс, лечащий врач,
Комиссар по здравоохранению».**

Д-р Доуи, в свою очередь, направил ему такой ответ:

«9 мая, 1895 года.

**Артуру Рейнолдсу, лечащему врачу,
Комиссару по здравоохранению.
Уважаемый сэр,**

...Дома божественного исцеления ни в каком смысле этого слова не являются больницами. Там не используется никаких «лекарств», не предлагается никакое «лечебение». Там нет медицинских сестер, и не делают ничего, что обычно делают в больнице. Дом исцеления, в котором я сам проживаю, является моим собственным домом, и ко всем людям, проживающим в нем, я отношусь как к своим гостям. Служения прославления, молитвы и учения слова Божьего проводятся как минимум дважды в день, когда я собираю гостей из трех Домов исцеления и молюсь за них в соответствии с руководством нашего Господа Иисуса Христа, изложенном в Евангелии от Марка: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения:.. возложат руки на больных, и они будут здоровы». В Домах исцеления не делается ничего сверх того, что может делать каждый служитель христианской церкви в домах своей паствы, или простые верующие у себя дома при отсутствии священнослужителю.

Божественное исцеление никак не связано с врачами и лекарствами, или с хирургами и их скальпелями. Тысячи и десятки тысяч человек за последние несколько лет прошли через Дома исцеления и комнаты исцеления церкви «Скиния Сиона». Огромное количество людей — в том числе и страдающие от неизлечимых болезней, от которых отказались все врачи, — получили чудесное исцеление.

Длинная череда гонений на это служение вылилась ни во что другое, как только в позор на головы гонителей, что все равно не повредило Божьему делу. Если это письмо следует воспринимать как первый шаг новых гонений, то мне остается лишь сказать, что мы всеми законными способами противостоянем жестоким устремлениям людей, защищающих свои собственные интересы, направленные на уничтожение Божьего дела и уводящие больных и страждущих от своего Целителя и Утешителя. Печально видеть, что Государственный Совет по здравоохранению и

Городской отдел здравоохранения выступают против доброго дела, как в случае с ложью в прессе и группой неизвестных заинтересованных врачей, которые видят опасность для своего ремесла, потому что десятки тысяч людей отказываются обращаться к медицине и ищут и находят исцеление через веру в Иисуса Христа...

*С глубоким уважением,
Ваш Джон Александр Доуи».*

Д-ру Доуи не пришлось долго ждать, когда над ним разразится вторая яростная буря. 14 июня 1895 года, когда он собирался на полуденное собрание в своей церкви, четверо человек постучали к нему в дверь, чтобы вручить ордер на арест по обвинению в нарушении шестого раздела нового Закона о больницах. Д-р Доуи вместе с двумя своими служителями отправился в полицейский участок в Гайд Парке. Судьи не оказалось на месте, и охранник уже готов был проводить проповедника в камеру. Тогда д-р Доуи потребовал немедленной встречи со старшим дежурным офицером участка, после чего охранник неохотно разрешил ему остаться у стойки. Вскоре явился судья, и когда было внесено две тысячи долларов залога, г-на Доуи отпустили.

Человек, дававший под присягой показания, на основе которых был выдан ордер на арест Доуи, был шпионом по имени Зак Дж. Кихо, нанятым оппозицией. В качестве гостя он приходил в Дом исцеления. Ему каким-то образом удавалось избегать личных встреч с д-ром Доуи. Кто-то сообщил Доуи об этом факте, как только шпион вышел из полицейского участка. Оппозиции, очевидно, стало известно, что д-р Доуи знает, что человек, дававший под присягой показания против него, является шпионом. Во всяком случае, когда на следующее утро Доуи пришел в суд, обвинитель по его делу не явился на заседание.

С этого момента началось осуществление плана организованных гонений на Доуи. Не принимая в расчет его способности защищаться и не имея уверенности в том, что сумеют добиться желаемых результатов, противники Доуи

наняли группу продажных исполнителей, которые обвиняли Доуи и клялись под присягой — лишь бы заполучить ордера на новые аресты, которые следовали один за другим. Они должны были вымотать Доуи, чтобы рано или поздно он, полностью обессиленный, был вынужден прекратить борьбу.

На следующий день д-ра Доуи снова вызвали в участок и вручили новый ордер. На этот раз это было сделано в самой унизительной форме. В нескольких следующих абзацах вы можете прочитать о событиях, сопровождавших его арест.

Арестован второй раз через два дня

Около восьми часов вечера, когда мы молились за больных в Комнате Исцеления №2 при церкви «Скиния Сиона», подъехал полицейский фургон из участка в Гайд Парке и несколько офицеров полиции вошли в здание. Увидев, что наш редактор занят работой с больными, они вошли в наше служебное помещение, дверь которого находилась рядом с дверью в Комнату Исцеления, и когда мы вошли туда, офицер полиции зачитал ордер на наш арест. Он был выдан на основании ложного обвинения одного из наших соседей, г-н Ажио у. Риггза, проживавшего на 61-й улице в доме 225 (в нескольких ярдах от нашей церкви). Нас обвиняли в том, что мы незаконно «содержали больницу, не имея на это разрешения». По такому же обвинению нас арестовали накануне, и по этому же обвинению нам пришлось снова явиться в суд, чтобы дать показания в это утро.

Наглый и грубый тон разговора и поведение полицейских давали понять, что все негодование, какое только возможно, будет излито на нас.

Нам грубо сообщили, что «нас ожидает полицейский фургон», и когда мы попросили разрешения поехать в полицейский участок в отдельном экипаже, стоявшем у дверей, нам так же грубо отказали. Мы настояли, чтобы полицейский позвонил в участок и попросил своего начальника разрешить нам поехать туда так, как мы этого требовали, но получили отказ и от инспектора Ханта. Полицейский сообща нам, что инспектор специально прислал

за нами фургон. Моя верная жена, пожелавшая поехать в фургоне вместо нас, получила резкий отказ. Ее грубо оттолкнули, сказав, что этот «фургон предназначен только для полицейских и заключенных», хотя в тот момент репортер из газеты «Трибун», удивительно напоминавший одного из Воронов По, уселся в фургон. Мы обратили внимание полицейского на этот факт, но извозчик фургона закричал на нас и отпихнул в сторону.

На улице уже смеркалось, когда фургон со звоном колокольчиков двигался по маленькому жилому кварталу, где Дома божественного исцеления стояли рядом с домами наших местных врагов с Эдгортон авеню. Сделано это было, очевидно, для того, чтобы люди увидели меня в качестве заключенного.

Такое движение было совершенно не похоже на характерный для таких фургонов порядок следования, и было очевидным, что оно было частью инструкций, данных инспектором, как и в случае с тем лукавым человеком, который под присягой выступил с обвинением против нас. За нами следовал экипаж, в котором находилась моя верная жена и сын, а также несколько моих друзей, которые были готовы пойти за мной в тюрьму.

С Эдгортон авеню фургон поехал на запад по 60-й улице, откуда направился к северу на Стоуни Айленд авеню, и затем, пересекши площадь Мидвэй, он быстро помчался на восток, а потом направо и налево по разным улицам с целью оторваться от экипажа, в котором следовали мои друзья.

Одному Б017 известно, куда уехал бы этот фургон и что случилось бы с его одиноким «узником», если бы за ним не следовал на большой скорости и на коротком расстоянии экипаж моих друзей. Я слышал, как полицейские что-то злобно бормотали, когда поняли, что им так и не удалось оторваться.

Наконец, фургон влетел в ворота полицейского участка, и мне грубо приказали пройти. После этого меня отвели в камеру, внесли в списки заключенных и осмотрели на наличие скрытого оружия. Обшарив мои карманы, охранник буквально втолкнул меня в тюремную камеру. По соседству

со мной в камере находились закоренелые преступники, и мне было велено «оставаться там до тех пор, пока судья не сочтет необходимым освободить меня».

Разумеется, когда мои друзья вошли в парадную дверь полицейского участка, я уже находился за тюремной решеткой. Разумеется, судьи Квина, который, как нас уверяли, должен был находиться в своем кабинете, не оказалось на месте. Г-жа Доуи вместе с моими друзьями пыталась разыскать его по месту жительства, но там его тоже не оказалось. Но когда полицейские в тюрьме узнали, что мы телеграммой вызовем нашего адвоката, судья Квин неожиданно появился и был вынужден принять одного из многих поручителей, готового предложить свои услуги. К тому времени в участке уже собирались несколько десятков моих друзей, и с каждой минутой прибывали все новые и новые.

Поэтому пришло время судье Квину появиться перед нами, поскольку возможность того, что я останусь в тюремной камере на всю ночь, начинала казаться маловероятной: рано или поздно обязательно бы нашелся другой «судья», который бы принял залог. С безразличной улыбкой г-н Квин вышел к нам и принял залог. Мы поинтересовались, существуют ли другие ордера на мой арест на этот вечер, и он ответил, что о таковых ему неизвестно.

Комментарии излишни. Нас интересует, когда прекратится это безобразие? Определенно мы знаем одно, что по благодати Божьей мы будем продолжать свое дело там, где мы находимся, пока не придет время переехать в наш Сион за пределы этого города, где мы сможем продолжать свою работу'. Во всем Чикаго, не говоря уже про Эдгертон авеню с ее окрестностями, не окажется достаточно бесов, чтобы прогнать нас прочь, пока мы сал1и не решим отсюда уйти. Божье присутствие с нами, и мы победим с верой в Иисуса Христа, нашего Господа».

На следующие выходные, в субботу, 22 июня, было выдано семь ордеров на арест д-ра Доуи. От судьи, которому он вносил денежный залог за свое освобождение, он узнал, что в общей сложности было выдано тридцать семь ордеров на

арест. На следующий день их пришлось рассматривать пачками по десять штук! Цель этого шага была очевидной: не дать Доуи проповедовать на трех богослужениях в воскресенье. К счастью, судья позволил ему оставить залог и планы врагов Доуи на воскресный день рухнули.

Гонения такого рода продолжались до тех пор, пока общее количество ордеров на арест Доуи не достигло почти сотни! В одном из случаев его бросили в полицейский фургон, где находились больные оспой, надеясь, что и он заразится этой болезнью. Не один раз Джон Александр Доуи бесцеремонно был арестован прямо во время проповеди в церкви и доставлен в полицейский участок. Однако оппозиция все больше негодовала, так как, несмотря на то, что ей и удавалось добиваться выдачи ордеров на арест, она все же не могла достичь своей главной цели. Как только суд выносил решение, д-р Доуи обращался в вышестоящую судебную инстанцию, где каждый раз решение городского суда признавалось недействительным. И самое главное — гонители начали понимать, что общественное мнение поворачивается против них.

В определенном смысле гонения стали причиной суровых лишений для д-ра Доуи — он должен был работать допоздна, чтобы выполнить все свои обязанности. Однако сторонники оппозиции, добиваясь своей цели, меньше всего могли предположить, что, благодаря их усилиям, д-р Доуи получит возможность представить в суде факты замечательных исцелений, происходящих в его служении. Но все именно так и случилось! К ужасу гонителей, судья решил, что свидетельства об исцелении необходимо принимать как часть общего свидетельства. Ненавидя д-ра Доуи всеми фибрами своей души, люди из оппозиции были достаточно умны, чтобы понять, что удивительные документы об этих чудесах произведут эффект, в результате которого гонители Доуи предстанут перед общественностью в самом неприглядном свете. Кроме того, они со все большей тревогой отмечали, что все больше солидных иуважаемых граждан города — а в их числе были юристы, разного рода специалисты, полицейские, судьи, представители городского

правления — начинали с доверием относиться к работе д-ра Доуи.

Все новые и новые свидетельства о чудесных исцелениях зачитывались в Высшем государственном суде Кука. В переполненном зале суда люди с огромным интересом слушали показания, даваемые под присягой. Вот что сказал д-р Доуи относительно этого:

«Это, вероятно, происходит впервые, когда о божественном исцелении люди узнают подобным образом, и мы должны поблагодарить наших врагов. Ни одно из этих свидетельств не оспаривалось ни нашими оппонентами, ни их союзниками в чикагской прессе. Доколе будут существовать судебные архивы, эти показания будут находиться там в папках. Очевидно, что чтение их оказалось впечатление на судью, а страх и ненависть враждебно настроенного судебного совета не могут скрыть их презрительные усмешки. Но на лицах других людей не было презрения, за исключением некоторых присутствующих здесь врагов Бога и Его дела. В то время, как час за часом продолжалось чтение показаний, становилось очевидным, что неверие и удивление уступали место искренней заинтересованности, и в Высшем Суде торжественно утверждался факт, что Иисус Христос является точно таким же Целителем в лукавом городе Чикаго в наше время, каким Он был в лукавом городе Иерусалиме и Капернауме девятнадцать веков назад.

Эти показания — беспристрастные утверждения, которые дали под присягой люди, представляющие различные общественные классы: бизнесмены, юристы, врачи, рабочие, — честные христиане и христианки. Кто осмелится сказать, что они лгут? Даже наши враги не отваживаются сказать что-либо против, так как знают, что если им не удастся доказать свою правоту, то будут наказаны за ложное свидетельство».

Оппозиция быстро теряла свои силы и, раздосадованная таким развитием дел, тщетно искала пути к отступлению. Наиболее разочаровывал тот факт, что симпатии тех, кто некогда был сторонником оппозиции, теперь оказались на

стороне гонимого юно проповедника, и даже переменчивые в своих привязанностях газеты советовали противникам Доуи прекратить гонения. В вышестоящий суд поступило еще несколько начатых судебных дел, которые были либо пересмотрены, либо вообще закрыты. Наконец, так называемый Закон о больницах был объявлен неконституционным. Это решение положило конец действиям оппозиции. Вскоре полицейские, прежде обращавшиеся с Доуи весьма пренебрежительно, стали его друзьями и даже поехали в другой город, чтобы спасти его от рук наемных убийц, устроивших на него засаду в Хаммонде, штат Индиана.

Но прежде, чем закончить историю о периоде великих гонений, мы должны кое-что рассказать о попытках врагов Доуи лишить его почтовых привилегий второго класса, оказывая давление на почтовую службу города Чикаго, чтобы Доуи был вынужден прекратить издание бюллетеня «Листья исцеления».

Глава 19

Запрет на «белого голубка»

В 1894 году д-р Доуи начал выпускать еженедельник «Листья исцеления», который он с любовью называл «Белым голубком». Это печатное издание время от времени выпускалось и раньше, но в 1894 году оно стало регулярным изданием, благодаря которому проповеди и учения д-ра Доуи теперь были доступны читателям по всему миру. Излишне говорить, что редактор, не задумываясь о последствиях, обличал грех и зло, как в высших слоях общества, так и в простонародье, с такой силой и энергией, что, несомненно, должен был навлечь на себя гнев многих. Он также заботился о том, чтобы тираж «Листьев исцеления» постоянно увеличивался.

Гонители Джона Александра Доуи, постоянно занятые поисками путей и средств помешать ему и затруднить его работу, узнали об этом новом печатном издании при неприятных обстоятельствах. Внимательно перечитывая страницы, они заметили, что д-р Доуи — мастер бескомпромиссных высказываний — изобличал их беззаконные гонения словами, очень далекими от комплиментов. Это, разумеется, возмутило их. Они решили, что им доставит большое удовольствие возможность помешать почтовой рассылке этого периодического издания, и справедливо рассудили, что добьются этого, если Доуи будет лишен почтовых привилегий второго класса, вследствие чего стоимость почтовых услуг возрастет приблизительно в четырнадцать раз. Это могло оказаться серьезным, если не сокрушительным ударом для любого печатного издания. Вскоре заговорщики обнаружили, что у них есть союзник в лице начальника почтового отделения города Чикаго. Будучи католиком, ему было достаточно прочесть только одну из откровенных статей Доуи о «непогрешимости» римского папы, чтобы послать ему письмо следующего содержания:

Лишение почтовых привилегий

«Сэр!

Когда ваша газета впервые поступила в наше почтовое отделение, она отвечала закону, и потому была принята в нашем отделении. С того времени она изменилась, и ныне рассматривается нами как рекламный листок. Мы требуем от вас депозита на почтовые услуги третьего класса при всех последующих почтовых отправлениях согласно решению нашего почтового отделения.

Начальник почтового отделения,

Чикаго, штат Иллинойс».

Д-р Доуи отправил почтовому отделению следующий ответ:

«Начальнику почтового отделения

г. Чикаго, штат Иллинойс.

Уважаемый сэр,

Ваше уведомление от вчерашнего числа было получено нами. Прошу выслушать мой ответ.

Во-первых, характер вашей газеты ничуть не изменился. От начальника федеральной почтовой службы мы постоянно получали разрешение на пересылку первого и последующих выпусков бюллетеня вторым классом.

Во-вторых, газета ни в коем случае не является рекламным листком. Любой, даже при беглом просмотре, увидит, что мы не публикуем никакой рекламной информации. Только в одной колонке из тридцати двух размещены объявления о собраниях в нашей миссии.

В-третьих, что касается «требования» от нас «депозита на почтовые услуги третьего класса при всех последующих почтовых отправлениях согласно решению нашего почтового отделения», то я, конечно, могу оспаривать такое требование с таким же успехом, как требование у меня денег под дулом револьвера.

Я считаю, ваши действия крайне порочащими вас и убежден, что они часть позорных гонений, которые устраивают на меня в настоящее время в городе Чикаго. Я убедительно заявляю и буду доказывать начальнику федеральной почтовой службы, что ваше заявление относительно характера нашей газеты безосновательно, а ваши нынешние действия продиктованы желанием угодить городской прессе, где изо дня в день о нас распространяется явная ложь.

*С уважением,
Джон Александр Доуи».*

Почтовая служба города Чикаго, разумеется, осталась глуха к мольбам д-ра Доуи о восстановлении привилегий второго класса, без которых ему пришлось бы платить в четырнадцать раз больше, чем раньше. Доуи не смирился с этой ситуацией и немедленно обратился с просьбой ко всем своим подписчикам послать свои прошения начальнику федеральной почтовой службы в Вашингтон, округ Колумбия. Направляя свой протест в парламент, он упомянул о симпатии к нему нескольких конгрессменов. Наконец, получив приглашение от начальника федеральной почтовой службы, он поехал в Вашингтон, где был на аудиенции с ним в течение полутора часов.

Интересно отметить, что, как обычно, д-р Доуи не только представил свое дело, но также намекнул на работу дьявола, стоящую за этим делом. В данном случае он обратил внимание начальника федеральной почтовой службы на то, что издатели развратной, похотливой литературы в Чикаго пользуются почтовыми привилегиями второго класса. Вот Что писал д-р Доуи о поездке в Вашингтон:

«Мы воспользовались случаем и показали начальнику федеральной почтовой службы образцы печатных изданий безнравственного и омерзительного содержания, которые начальник чикагского почтового отделения позволяет рассыпать по тарифам второго класса. С лицом, пылающим от негодования, он сказал: «Вопрос не в том, можно ли

разрешать рассыпать такие газеты по тарифам второго класса, а в том, не стоит ли лишить их привилегии почтовой рассылки вообще». Возможно, что враги Бога и всякой формы святости, устраивающие гонения на «Листья исцеления» заметили, что это издание приносит результаты, которых они меньше всего ожидали. Мы не станем засорять эти страницы именами и цитатами из низкопробной прессы, на которые мы ссылаемся, но имеемся, что среди руководителей Почтовой Службы Соединенных Штатов найдется тот, кто не позволит использовать почтовое сообщение для распространения гнусных объявлений о домах разврата и т.д.

Мы хотим поблагодарить многих наших друзей в Конгрессе и в каждом уголке нашей страны, которые искренне желают увидеть торжество справедливости. Последняя и окончательная победа принадлежит Господу. Но опыт показывает нам, что в нашей стране действуют силы зла, которые нелегко одолеть: когда творится несправедливость, бывает трудно убедить людей, находящихся у власти и поддерживаемых политическими партиями, изменить свое решение».

Редактор «Чикаго Диспетч», Джозеф Данлоп, - ключевая фигура в организации гонений на Доуи — не имел ни малейшего представления о том, что когда д-р Доуи отправился в Вашингтон, на него поступила жалоба. Доуи не ожидал, что начальник федеральной почтовой службы так серьезно воспримет информацию о скандальном поведении Данлопа на страницах своей газеты. Данлоп шантажировал и совершал другие бесчестные действия, но, пользуясь поддержкой местных политиков, ему долгое время удавалось избегать ответственности перед законом. Однако отделение почтовой службы было не в восторге от него, а городские политики были не против, чтобы правительство разобралось по делу человека, чье вероломство вызывало чувство презрения у всего города. Со временем Джозефа Данлопа судили, признали виновным и отправили отбывать заключение в тюрьму Джульет. Его влиянию и карьере в

Чикаго настал конец. Должно быть, этот человек испытал тяжелый удар, когда понял, что организованные им гонения не достигли поставленной цели. С Доуи были сняты все обвинения, а Данлопа обвинили в совершении многих преступлений. 20-го сентября 1896 года в номере газеты «Чикаго Тайме-Гералд» было помещено сообщение о его осуждении.

Джозеф Данлоп вызван в суд

20-е сентября, Вашингтон. В ежегодном отчете четвертого помощника начальника федеральной почтовой службы содержится жесткая критика редактора и издателя газеты «Чикаго Диспетч». Он заявляет: «Не существует более презренного человека в обществе, чем профессиональный шантажист. Деятельность Джозефа Р. Данлопа, редактора и издателя газеты «Чикаго Диспетч», вызывает чувство презрения и ненависти, хотя ему удалось достичь неплохих успехов. Его газета публиковалась исключительно ради денег, и он потакал самым развращенным чувствам людей для достижения своих целей. В своих публикациях он постоянно нарушал законы приличия. Однако он совершил роковую ошибку, когда попытался использовать почтовую службу Соединенных Штатов в своих порочных целях, распространяя свои мерзкие и вызывающие негодование публикации. В суде Соединенных Штатов против него было проведено расследование, в результате которого он был осужден и приговорен к тюремному заключению на два года с уплатой штрафа в размере двух тысяч долларов плюс судебные издержки. Это стало причиной большой радости среди лучших представителей общества в местности, где действовал работавший на заказ злосчастный шантажист.

Итак, начальник федеральной почтовой службы признал право за д-ром Доуи продолжать пользоваться почтовыми привилегиями второго класса при пересылке «Листьев исцеления». Но предвыборная кампания и другие политические события затормозили процесс правосудия.

Существовавшая на тот момент госадминистрация была заменена администрацией президента Маккинли, и во время этих изменений в правительстве прошение д-ра Доуи оставалось храниться на полке в лабиринте washingtonских архивов. После того, как новая администрация приступила к исполнению своих обязанностей, д-р Доуи снова подал прошение в Вашингтон об отмене несправедливых решений, принятых против его «Белого голубка». Прошение было благосклонно рассмотрено, и д-ра Доуи приняли не только официальные лица Почтовой Службы в Вашингтоне - ему также была предоставлена возможность побеседовать с президентом Маккинли. Внимательный взгляд д-ра Доуи точно подметил, что у президента Маккинли недостаточно хорошая охрана. Это странное пророческое откровение предсказывало событие, которое случилось позже — смерть Маккинли в результате заказного убийства.

Поездка д-ра Доуи в Вашингтон была успешной. Мы позволим ему самому рассказать интересную историю о происходивших событиях - о том, как «Листья исцеления» были освобождены от бремени несправедливого почтового тарифа и изданию были восстановлены почтовые привилегии второго класса.

Д-р Доуи рассказывает о своей поездке в Вашингтон, округ Колумбия

«Я очень признателен Богу за то, что Он совершил в течение моего двенадцатидневного отсутствия, и за то, что в ходе своего визита с Божьей помощью мне удалось многоного добиться. Не вдаваясь в многочисленные детали, хочу сказать, что я в большом долгу перед начальником федеральной почтовой службы Гари, с которым я дважды виделся, за его доброжелательность. Генеральный прокурор был озадачен, узнав, что против нас действовало почтовое отделение, не имея на то причин.

Я рассказал ему о своей предыдущей поездке в Вашингтон, о войне Данлопа против нас и о том, что Господь поместил его туда, где мы сможем его найти на протяжении следующих

двух лет. Необычным совпадением было то, что мой предыдущий визит в Вашингтон должен был привлечь внимание начальника федеральной почтовой службы Вилсона к существующей на тот момент несправедливости, и я взял с собой экземпляр газеты «Диспатч». Это был первый экземпляр, когда-либо попавшийся на глаза г-ну Вилсону. Я сказал: «Г-н Вилсон, я добиваюсь освобождения своей газеты, но что бы вы ни сделали по этому поводу, я хочу, чтобы эту газету запретили пересыпать по почте; в этой нечестивой газете публикуются адреса и реклама домов разврата в Чикаго, а также притонов с азартными играми».

Г-н Вилсон посмотрел на меня и сказал: «Не хотите ли вы сказать, что сие распространяется в Чикаго по почте?» Я ответил: «Именно так. Но если вы, г-н Вилсон, поступите правильно, этого не будет». Он сказал: «Да поможет мне Бог, и эта газета больше не будет распространяться по почте. Я прослежу за тем, чтобы это не повторилось, и чтобы издатель был наказан».

Это единственная добрая вещь, которую я знаю за ним, но он это сделал. Он передал рассмотрение дела соответствующим властям, и с того момента они занялись газетой «Диспетч», после чего, как вы помните, Данлоп был осужден Федеральным судом. Если мне не изменяет память, против него было выдвинуто четыре с половиной тысячи обвинений в публикации омерзительных объявлений, и его, конечно же, признали виновным. Теперь он находится в тюрьме штата Джорджия, где отбывает двухгодичный срок.

Я рассказал Генеральному прокурору историю о мэре Чикаго Свифте и о том, как он боролся со мной. Никто не знает, где сегодня он находится со своей администрацией. Мне говорили, что он выращивает ананасы где-то во Флориде.

Я сказал: «Мне ни разу не назвали ни одной разумной причины отказа в предоставлении почтовых услуг при рассылке «Листьев исцеления» по тарифам второго класса. Нигде в документах не значится, почему газете было отказано в рассылке. Я могу сказать Вам лишь следующее: посмотрите в древнюю Книгу, содержащую Вечный Закон и

Вечное Евангелие, и Вы увидите, что сказано о Том, Кому я смиренно служу, — «Возненавидели его без причины», и этот «Белый голубок» ненавидим без причины, за исключением той, по которой ненавидели самого Господа».

«Да, — ответил он, серьезно глядя на меня. — Я понимаю, как это могло произойти, поскольку возможно только одно из двух: либо человек поверит в истинность Библии, либо будет воспринимать ее, как отвратительную ложь и обман».

Мы поговорили, и Генеральный прокурор вынес решение, согласно закону, в мою пользу и направил меня к Томасу, третьему помощнику начальника почтовой службы. Меня представили ему - это был очень приятный человек. Ему понадобилось немного времени для размышления о моем деле, после чего он принял идеальное решение.

Когда я закончил все свои дела, то получил очень приятное письмо из Исполнительной Палаты и Белого Дома, в котором сообщалось, что меня ожидает встреча с президентом. Дж. Эддисон Портер, его секретарь, был очень добр ко мне и договорился, чтобы я встретился с президентом с глазу на глаз.

Разумеется, что с президентом хотят встретиться тысячи людей, и подавляющему их большинству приходится встречаться с ним на людях, — как, например, когда они проходят мимо него, пожимая ему руку. Такое неизменно происходит в жизни любого человека, которому нужно увидеться со многими людьми. Но в пятницу во второй половине дня, даже несмотря на то, что у него была назначена встреча с Генеральным прокурором Маккенна, политическим руководителем Департамента Юстиции, и, вероятно, по важному делу, президент, узнав о том, что я ожидаю с ним встречи, попросил пригласить меня к себе, и я смог пообщаться с г-ном Маккинли. Встреча была не долгой, но очень приятной. Генеральный прокурор отошел в другую половину комнаты, и я коротко поговорил с президентом. Он был добр и отнесся ко мне очень сердечно. Он оказался очень благородным человеком с очень располагающей манерой общения. Когда он держит вашу руку, как он держал

мою, в своей очень мягкой руке, он слегка пожимает ее, когда хочет подчеркнуть то, что ему особенно нравится.

Я сказал президенту: «Мы считаем, лучшее, что мы можем сделать для вас, — это молиться Богу, чтобы Он восполнял ваши силы на этой высокой должности и помогал исполнять ваши обязанности для общего блага». Он сжал мою руку немного крепче и сказал: «Спасибо, доктор. Я знаю, что эти молитвы помогут мне».

Я повидал Вашингтон, но не могу полностью рассказать о нем сейчас. Скажу лишь одно: огромная армия людей, желающих встречи с президентом, приходит в отчаяние. Президент делает свою работу очень тихо и степенно. Он не допускает даже мысли о встрече с большим количеством людей.

Но я понял, почему Гюто убил президента Гарфилда, когда увидел глаза некоторых из этих разочаровавшихся ходоков к президенту, слонявшихся вокруг Белого Дома, в которых отражалась ненависть за то, что они не получили желаемое. Один человек, похожий на бывшего военнослужащего, однорукий инвалид, вероятно, полагал, что тот факт, что он служил в армии, и, возможно, имел офицерское звание, дает ему абсолютное право требовать того или другого. Когда ему сказали, что президент отказал ему во встрече, он заговорил с такой озлобленностью в голосе, которую я не могу забыть. Он процедил сквозь зубы: «Ему придется увидеться со мной, или я сам узнаю, почему он не может». С этими словами он засунул руку в карман брюк. Я понял, что еще немного, и он вытащит револьвер и выстрелит. Я могу понять, почему г-н Кливленд стремился защитить себя, и мне лишь хочется сказать, что президенту Маккинли следует позаботиться о своей безопасности.

Я чувствую, что мы должны молиться за президента Маккинли, просить Бога сохранить его жизнь, а также давать ему мудрость. Очень нелегко находиться в Белом Доме. Не стоит завидовать находящемуся там. Эта должность связана с огромной ответственностью, и человеку, находящемуся на ней, люди со всех сторон проявляют огромную неблагодарность».

Глава 20

Знамения и чудеса

Гонения не были чем-то новым в жизни Джона Александра Доуи. С самого начала своего служения он постоянно сталкивался с ними. Раньше результатом гонений были поражения и разочарования. Теперь же сражение закончилось для Доуи славной победой. Что стало причиной таких перемен? На это можно смело ответить: в этот раз д-р Доуи не только открыл для себя, но и использовал те способы, которые Бог дал ему для защиты от врагов, выступающих против него, — знамения и чудеса! Они совершились в таком большом количестве, что адские полчища и обманутые ими люди приходили в смятение. В великом поручении, которое дал Христос в шестнадцатой главе Евангелия от Марка, говорится, что следующие за верующими знамения должны стать их визитной карточкой. И когда «сии знамения» происходят, люди быстро и с готовностью признают власть Божьего служителя. Несмотря на постоянные и непрекращающиеся гонения на Доуи, людей, буквально стекавшихся к доктору, становилось все больше и больше.

В Верховном Суде было представлено сто свидетельств об исцелении выдающихся граждан — таких как Аманда Хикс, первая кузина Абрахама Линкольна, или мисс Джин Харрисон, племянница президента Харрисона, — не говоря Уже о других знаменитых людях. Это событие стало большим откровением для жителей Чикаго и разрушило планы оппозиции. Все свидетельства были так тщательно задокументированы, что не было повода даже думать о мошенничестве.

У нас нет возможности рассказать о том огромном количестве исцелений, которые происходили каждый день, так как д-ру Доуи нередко приходилось молиться за тысячу человек в неделю. Но наша история будет неполной, если мы не расскажем о нескольких выдающихся случаях исцеления. Некоторые из этих людей были хорошо известны в то время,

и их исцеление стало чудом для многих тысяч. Одним из таких случаев было исцеление Сэди Коди, племянницы Билла Буффало. Историю об этом мы нашли в одном из первых выпусков «Листьев исцеления». Частично ее рассказывает сам д-р Доуи, а частично мы находим ее в ярком свидетельстве самой Сэди Коди.

История об исцелении Сэди Коди, племянницы Билла Буффало

«Полковник у. Ф. Коди, «Билл Буффало», был широко известен в Европе и Америке как отважный и бесстрашный воин, индеец-следопыт, владелец и директор «Шоу Дикого Запада». Короли и принцы по всему миру видели и слышали незабываемые представления с участием американских индейцев и «лихих наездников» этого шоу. На протяжении всего времени, пока проходила Всемирная Ярмарка (а здание нашей церкви «Скиния Сиона» находилось прямо напротив нее, на противоположной стороне 62-й улицы), в воскресенье и в будние дни для нас было настоящим бедствием слышать вопли индейцев и крики тысяч зрителей в огромном амфитеатре, специально построенном для этого шоу. О, какие мы терпели мучения в течение этих долгих месяцев. Несмотря на закон, воскресенье было самым бурным и шумным днем недели, поскольку мэр полиция города покрывали Коди в его непослушании закону Бога и людей. Никому из тех, кто находился рядом и слышал жуткие крики и завывания индейцев, не удавалось найти покой, когда они «убивали Кастера и его кавалерию» или устраивали «нападение на почтовый фургон». Во время чтения Писаний или молитвы на здание церкви буквально обрушивался поток шума и грохота, а громкие звуки духового оркестра Дикого Запада, игравшего Марсельезу и «Янки Дудль», заглушали звучание наших церковных гимнов.

Но на протяжении долгих шести месяцев посреди этой дьявольской сумятицы над зданием «Скинии Сиона» развевался флаг «Христос — все во всем», и в церкви почти

ежедневно проходили собрания. Напротив пас находились аттракционы Коди «Дикий Запад», позади нас — площадь Мидвэй с ее разгулом людских страстей, слева от нас — Ярмарка Тщеславия, где правили мир, плоть и дьявол, а вокруг нас — воры, азартные игроки и кричащие на все лады коробейники. Но «Скиния Сиона» твердо отстаивала свои позиции, несмотря на то, что толпы людей проносились мимо — туда, где их медали наслаждение и боль. Теперь же город Мечты исчез в крови, огне и дыму, как и все недолговечные полчища людских кровососов вместе со своей суетой и шумом. А «Скиния Сиона» и дома остались стоять в приятном и спокойном окружении.

Но кто эта спокойная, серьезная женщина лет двадцати пяти, которая стоит и терпеливо ожидает, чтобы рассказать свою историю? О, да она представитель семейства Коди, родственница «Билла Буффало» Коди. Мы расплатились с ним и его «Шоу Дикого Запада». Он брал в плен индейцев и вешал их скальпы себе на пояс — мы же взяли в плен одну из представительниц семейства Коди, вырвав ее из лап у бесов болезни и смерти. И вот она, как Божий свидетель, стоит и свидетельствует на том салюм месте, где индейцы Коди каждый день «убивали Кастера».

21 сентября четверо человек вышли из дома в городе Ренесслаер, штат Индиана. Они несли носилки, на которых в предсмертных муках лежала эта свидетельница, Сэди Коди. За скорбным кортежем следовали некоторые ее родственники, в том числе ее отец, сестры и друзья. Некоторые из тех, кто выступает в защиту применения лекарств, сказали: «Обратно Сэди Коди принесут мертвый». В спальном вагоне Пулмана ее привезли в Чикаго, где уже ждал экипаж полицейской скорой помощи. В сопровождении сестры она была доставлена в Дом божественного исцеления.

Эта чудесная история приводится в качестве контраста скорбному кортежу, следовавшему по улицам примерно четыре месяца назад, везущему ее распростертное дрожащее тело с больным позвоночником, нарывами, опухолями, болезнями внутренних органов, с правой ногой, на три дюйма

короче левой. Сегодня она свидетельствует о славе Божьей, говоря в пользу Еgo и Его служителя о том, что каждое из этих ужасных заболеваний было исцелено силою Божьей в ответ на молитву веры и возложение рук во имя Иисуса».

Свидетельство Сэди Коди, записанное стенографистом

«Я прикоснулась к краю Его одежд и стою перед вами свободная от болезни. Год назад, в сентябре, я заболела на Всемирной Ярмарке. Через девять месяцев я оказалась совершенно беспомощной. Меня обследовали врачи и мой дядя, д-р Дэвид (братья Билла Буффало), известный в этом городе врач. Они решили, что нельзя ничего сделать, как только поместить меня в гипс. Пять моих позвонков воспалились, и нарыв размером с кулак образовался на моей спине в основании позвоночника; из крупной припухлости образовалась опухоль. Одна моя нога была на три дюйма короче другой. В таком состоянии я была доставлена в Чикаго. В тот день, когда на меня должны были наложить гипс, один из моих врачей получил телеграмму и должен был отлучиться. Это было Божье вмешательство. В тот вечер экземпляр газеты «Листья исцеления» оказался у меня на кровати... Меня привезли в Чикаго, и д-р Доуи помогился за меня. После того, как он возложил на меня руки во имя Господа, во мне началась большая борьба, как будто что-то, находящееся внутри меня и сдерживающее мое дыхание, вырывалось прочь. Мне почудилось, что я уснула, но почти сразу же проснулась — и каким благословением было для меня это пробуждение! Я ощущала в себе новую жизнь. Боль ушла, а я воистину пробудилась к здоровой жизни.

С этого момента я начала быстро поправляться. И теперь, когда я стою перед вами, мои ноги одинаковой длины, а мой позвоночник, к которому нельзя было прикоснуться пальцем без того, чтобы я не потеряла сознание, теперь можно растирать как позвоночник любого здорового человека. Нарыв и опухоль исчезли. Я не могу найти слов, чтобы прославить Господа за то, что Он сделал для меня. Я посвящаю свою жизнь служению Ему, но это ничто по

сравнению с тем, что Он совершил. Я считаю д-ра Доуи величайшим благословением, которое Бог когда-либо посыпал городу Чикаго, и я надеюсь, что Чикаго высоко это оценит».

Д-р ДОУ И: Выходит, я рассчитался с Биллом Буффало мирным путем — через исцеление одной из его родственниц, Сэди Коди, которое Бог даровал ей через нас.

Исцеление мисс Аманды М Хикс - кузины Абраама Линкольна

Лежа на кровати, она проехала четыре тысячи миль, испытывая страшные мучения, и получила исцеление в один миг. Такова история исцеления Аманды Хикс, кузины президента Абрахама Линкольна. Ее привезли из дома в городе Клинтон, штат Кентукки, где в течение нескольких лет она была президентом колледжа города Клинтона. Один из ее учеников сделал носилки, предварительно измерив ширину двери в спальном вагоне Пулмана, чтобы мисс Хикс можно было заносить и перекладывать на кровать, поскольку ей нельзя было подниматься.

Со слезами и страхом, что больше никогда не увидят ее, Учителя и друзья прощались с ней. 30-го января мисс Хикс прибыла в Чикаго и экипаж скорой помощи доставил ее в гостиничный номер на Эллис авеню. Женщина, сопровождавшая её, тотчас отправилась на поиски д-ра Доуи. Найдя его, она рассказала, как сильно на протяжении долгих месяцев днем и ночью страдает мисс Хикс, боль которой удавалось облегчить только большими дозами морфия. Врачи не смогли поставить диагноз, сказав лишь, что причины заболевания «окутаны тайной». Далее эта женщина объяснила, что у них возникло большое желание приехать к д-ру Доуи после того, как один молодой студент-скептик, не веривший в библейские чудеса, приехал в Чикаго, чтобы разобраться в том, что представляет собой божественное исцеление. Увиденное оказалось на него такое глубокое впечатление, что он вернулся в Клинтон, штат Кентукки, и долго стоял у кровати больной, уговаривая ее

поехать. Перечитав Библию, мисс Хикс убедилась в существовании Божьего пути для исцеления, и приехала в Чикаго.

В первую очередь д-р Доуи сразу же потребовал, чтобы она перестала употреблять морфий и другие лекарства. Это было тяжелое испытание; д-р Доуи вместе с женой с полуночи до полуночи времени от времени навешан мисс Хикс, помогая ей противостоять страшной силе морфия. Д-р Доуи так описывает это:

«Мы поняли, что должны перевезти ее в наш Дом Исцеления, если хотим оказать ей эффективную помощь и позволить Богу использовать нас в этом исцелении. Этот случай болезни был одним из самых трудных и опасных. Смерть жадно кружила над своей предполагаемой жертвой, и сатана надеялся погубить эту благородную женщину, жаждавшую жить лишь для служения Христу и на благо людям. Поэтому мы пошли на риск и перевезли ее на новое место, хотя на улице было очень холодно и лежал глубокий снег. Но болезни суждено было потерпеть поражение, а Христу — победить и в этом бою. В тот день мы помолились и возложили руки на мисс Хикс во имя Иисуса. Мгновенно ужасные страдания, продолжавшиеся несколько месяцев, прекратились, и тем же вечером, через некоторое время, женщина поднялась с постели и смогла самостоятельно ходить. За этим последовали несколько дней очищения: несколько галлонов ракового вещества вышло из ее тела. Женщина уменьшилась в обхвате на шесть дюймов. К ней быстро вернулись силы, хороший аппетит, и, что важнее всего, бесконечно благой Бог дал ей силы выходить на улицу и даже ходить по снегу».

В газете «Клинтон Демократ» от 8-го марта 1894 года сообщаются дополнительные интересные подробности этого исцеления.

«Более четырех месяцев назад у мисс Л. М. Хикс, президента колледжа города Клинтона, обнаружили заболевание в тяжелой форме. Все попытки лучших опытных врачей вылечить ее не увенчались успехом. В те томительные дни некоторые из друзей мисс Хикс начали рассказывать ей о служителе божественного исцеления д-ре Доуи из Чикаго и настаивать, чтобы она поехала к нему. Вначале она с недоверием отнеслась к этим разговорам, но все же не смогла полностью отвергнуть их совет. Она изучила Библию, стремясь найти все, что говорится об исцелении, и, наконец, выразила желание поехать в Чикаго.

Необходимость такой поездки казалась само собой разумеющимся делом, но реакция мисс Хикс притуплялась наркотическими средствами, и потому ей необходима была помочь при посадке в поезд. В купе спального вагона её расположили с максимально возможным комфортом. Так началось путешествие мисс Хикс, изменившее ее судьбу. Прибыв к месту назначения, ее компаньонка встретилась с д-ром Доуи, который сказал, что больная не должна больше принимать морфий. На следующий день, в четверг, мисс Хикс боролась — ходила «в рукопашную с дьяволом», как она сама это называла, — когда ее исстрадавшееся тело около полуночи находилось в тяжелом кризисном состоянии. Д-р Доуи со своей женой снова пришли к ней и молились о том, чтобы она смогла уснуть, а её боль прекратилась. Мисс Хикс утверждает, что ей сразу стало легче, и она уснула тихим и спокойным сном, пробудилась от которого только утром.

На следующий день, с восстановленными силами, ощущая лишь небольшую остаточную боль, мисс Хикс проехала пять миль до дома д-ра Доуи. Доуи помолился Богу за ее исцеление и потом велел ей встать и ходить. Она ответила ему, что сможет это сделать, и тотчас встала и прошлась по комнате взад и вперед четыре раза без какого бы то ни было ощущения дискомфорта или боли. Затем он объяснил ей, что, несмотря на то, что болезнь ушла, ее последствия остались и в течение нескольких дней тело должно очиститься.

Мисс Хикс вернулась в Клинтон в прошлую субботу, где на железнодорожной станции с надеждой в сердце и теплыми поздравлениями её встретило много дорогих ей людей. Оттуда она пошла пешком в колледж, находившийся на расстоянии мили. Не походка была непринужденной, взгляд — жизнерадостным, а осанка — прямой, как тогда, когда она была еще здорова».

Свидетельство мисс Хикс стало потрясающей сенсацией для людей, проживавших в той местности, но со временем (этого можно было ожидать) лжепасторы деноминации сместили се с должности президента колледжа, которому она отдала много времени и сил. Случилось это потому, что она рассказывала о своем исцелении и учила, что Христос является Целителем Своего народа. Она оставила свой пост и отправилась в путешествие по Европе. Везде, куда бы ни приезжала, она рассказывала историю о великих делах, которые Господь совершил для нее.

Исцеление Лиллиан Эоманс

Многие слышали о д-ре Лиллиан Эоманс и читали се великолепные книги о божественном исцелении, такие как «Исцеление с небес», где говорится, что она освободилась от ужасной наркотической зависимости, но мало кто знает подробности этой истории.

Лиллиан Эоманс выросла в семье врачей. Ее отец был хирургом в период Гражданской Войны. Ее мать также была врачом, и Лилиан, получив образование в университете Энн Харбор, в 1882 году тоже стала практикующим врачом. Она была христианкой, но, по ее собственным словам, подобно апостолу Петру шла за Христом на расстоянии. Излишне будет говорить, что она не намеревалась становиться жертвой наркотиков. Но Лилиан очень напряженно работала — лечила людей, делала хирургические операции и, чтобы успокоиться и заснуть, время от времени принимала морфий. Однажды она с ужасом поняла, что наркотик стал господствовать над ней, и пережила сильнейшее душевное

потрясение, когда осознала, что не может выйти из-под его контроля. Мы расскажем вам историю Лиллиан Эоманс так, как она публиковалась в четвертом томе собрания «Листьев исцеления» на странице 350, а также в ее собственной книге «Исцеление с небес».

«Если немыслимым усилием воли мне удавалось воздержаться от наркотика в течение двадцати четырех часов, мое физическое состояние было воистину жалким. Я дрожала от слабости, все мое тело покрывал холодный пот, сердце билось и трепетало, дыхание становилось неровным. В моем желудке немогла удержаться даже капля воды, мои внутренности сковывала боль, и они страдали от непрекращающегося поноса. Я не могла стоять, выпрямившись, членораздельно говорить и даже написать свое имя. Мои мысли были несвязными, а разум наполняли жуткие фантазии и страшные предчувствия. Хуже всего было то, что все мое естество было одержимо неутомимым, неописуемым и ни на что не похожим желанием принять наркотик. Те, кто никогда не пережил подобное, не может представить себе, что это такое. Каждая клеточка вашего организма кричит. «Хочу!» В моем случае существовала периодичность приема наркотика, и я заметила, что каждые сутки в пять часов вечера я должна принимать его.

«Живой скелет с бесом внутри» — такую характеристику дала мне одна из моих медсестер, и я думаю, что если в ней не было лести, то, во всяком случае, она была достаточно точной. Друзья утратили всякую надежду на мое избавление, и вместо того, чтобы побуждать меня оставить наркотики, они советовали мне принимать их, чтобы не потерять остаток рассудка. Они ожидали, что моя разбитая жизнь вскоре оборвется, и не имели ни малейшего желания наблюдать, как я скорбно влачу свое существование».

(Мисс Эоманс получила исцеление свыше через служение д-ра Доуи, но забыла упомянуть об этом в своей книге «Исцеление с небес». Мы цитируем ее свидетельство со страницы 350 из собрания «Листьев исцеления».)

«Я приехала в Сион не потому, что разуверилась в эффективности лекарственных средств. Бог очень ясно сказал, что Он не избавит меня от этого с помощью лекарств: «Я Господь, исцеляющий тебя», - поэтому я приехала в Сион, взяв с собой большое количество морфия и хлороформа, которые д-р Шпайсер быстро забрал у меня.

Сейчас я совершенно свободна от зависимости от морфия. Я понравилась фунтов на двадцать пять, и у меня зверский аппетит. Я отлично проспала полные десять дней и ощущаю себя совершенно свободной от морфия и хлороформа, за что я воздаю Богу хвалу».

Исцеление автора песен , преподобного Ф. А. Грейвса

Преподобный Ф. А. Грейвс, автор известных песен, таких как «Мед в скале», и прочих известных церковных гимнов, однажды оказался жертвой ужасного заболевания — эпилепсии. Он рос сиротой. Он никогда не мог предвидеть тот момент, когда может упасть на пол и кататься по нему, испуская пену изо рта и скрежеща зубами. Это было проявление беса эпилепсии. На протяжении двадцати лет он претерпевал эти ужасные страдания.

Случилось так, что евангелист Грейвс присутствовал на собрании д-ра Доуи, когда тот был в Минеаполисе, штат Миннесота. Друзья Грейвса пришли к д-ру Доуи и подробно рассказали ему о страданиях евангелиста-песенника. На следующий день пришло сообщение, что с ним произошел серьезный несчастный случай и он умирает. Д-р Доуи тотчас сел в экипаж и поехал как можно скорее в тот район города, где находился преподобный Грейвс.

Евангелист принимал ванну в доме своего друга. Дверь в ванную комнату случайно защелкнулась. Едва Грейвс успел наполнить ванну, которая была достаточно глубокой, как у него начался припадок и он упал головой в воду. Шум от падения услыхали снаружи. Люди, бывшие в доме, подбежали к двери и стали звать его, но он не отзывался. Они попытались выломать дверь, но не хватило сил. Кто-то

побежал на улицу и позвал в дом одного крупного мужчину, проходившего мимо. Тот сумел сломать дверь, и когда они вошли в ванную, то увидели, что г-н Грейвс не только пострадал от припадка, но и чуть не захлебнулся.

Грейвса привели в чувство, но он потерял много крови, а при падении получил серьезные повреждения. Приехав, Д-р Доуи сразу же возложил на него руки. Кровотечение тотчас прекратилось. Он также помолился, чтобы прекратились приступы эпилепсии. На следующий день евангелист Грейвс, осознав, что получил исцеление, быстро отправился к д-ру Доуи, чтобы рассказать ему об этом. После этого случая сатана несколько раз снова пытался овладеть им, но исцеление оказалось совершенным, и многие годы преп. Грейвс свидетельствовал по всей стране о своем исцелении от одной из самых ужасных форм эпилепсии.

После исцеления Бог дал преп. Грейвсу особый дар написания песен. Многие из его церковных гимнов и сегодня можно найти в сборниках, и люди продолжают их петь.

Исцеление жены конгресмена

Однажды, во второй половине 1895 года, один сильно опечаленный господин пришел к д-ру Доуи и сказал: «Моя прекрасная жена, которую я люблю больше всего на свете, умирает от рака. Могли бы вы что-нибудь сделать для нее?» Это был член последнего созыва Конгресса от штата Южная Дакота полковник У. В. Лукас, который в то время отвечал за работу Дома Ветеранов. Д-р Доуи колебался, поскольку знал, какие яростные нападки обрушатся на него, если что-то плохое случится с этой женщиной, прежде чем придет избавление. Но, получив согласие на то, что г-жа Лукас откажется от лекарств и полностью довериться Богу, Доуи принял ее и помолился. В тот же миг Божье благословение сошло на нее.

Свидетельствуя о своем исцелении со сцены церкви д-ра Доуи, г-жа Лукас сказала: «Хочу засвидетельствовать о том, что Бог сделал для меня. Я возложила на Него все свое упование, и Он меня исцелил. Я являюсь попечительницей

Дома Ветеранов. Я зову ветеранов «мои мальчики», а они называют меня «матушкой». Большая жатва душ ожидает меня по возвращении домой: они обещали, что обратятся ко Христу, если я вернусь и скажу, что Он спас меня от смерти».

* * *

По ходу нашего повествования мы считаем нeliшним указать на важность, которую имели Дома Исцеления в служении Джона Александра Доуи. Каждый евангелист, I проводящий кампании исцеления людей в масштабах города, признает существенным недостатком тот факт, что люди, I приезжающие к нему из отдаленных мест, планируют оставаться на месте до тех пор, пока за них не помолятся, а затем возвращаются к себе домой. Из-за этого некоторые из них не I получают Божье слово в достаточной мере, чтобы иметь необходимую веру для исцеления. Дома Исцеления д-ра Доуи давали возможность людям, находящимся в безнадежном состоянии, постоянно присутствовать на служениях и слушать Божье слово, иные же могли оставаться до тех пор, пока их вера не достигнет уровня, на котором происходит чудо.

Глава 21

Основание Христианской вселенской Церкви

Агрессивные действия противников д-ра Доуи, которые хотели, во что бы то ни стало изгнать его из Чикаго, полностью прекратились. В 1896 году они предприняли ещё несколько тщетных попыток, но основная сила оппозиции уже была сломлена. Одни из тех, кто возглавлял организацию гонений на него, утратили доверие народа, другие - умерли, а третья - попали в тюрьму. Самым большим огорчением, которое довелось пережить врагам Доуи, было не то, что их усилия пошли прахом, и не то, что ими были потрачены большие суммы денег, и даже не то, что общественное мнение повернулось против них. Самой болезненной мыслью для них было осознание того факта, что благодаря гонениям д-р Доуи приобрел такую популярность, что смог проводить свои собрания уже не в «маленькой деревянной хижине», а в одном из крупнейших залов города Чикаго. Число тех, кто стремился послушать его, теперь превышало число желавших слушать любого другого оратора в США.

Приехав в 1888 году в США, д-р Доуи прочел в газетах, что президент Бенджамин Харрисон открыл лучший в мире зал в Чикаго, штат Иллинойс. В то время у Доуи возникло чувство, что «он будет выступать за Христа в этом здании»

Осенью 1895 года д-р Доуи решил, что настало время зарезервировать для себя этот большой зал. Он арендовал его на семь месяцев, в течение которых обещал проповедовать ежедневно с 27 октября 1895 года по 21 апреля 1896 года.

На первом богослужении присутствовало четыре тысячи человек, включая многих репортеров чикагских газет. В понедельник в газете «Чикаго Ивнинг Пост» появилась передовица следующего содержания:

«Выезжая из города в неспокойное время, когда приходилось претерпевать сильнейшие гонения, Джон Александр Доуи пророчески сказал, что, вернувшись, он

проведет собрание в зале, в самом центре города, на котором будет присутствовать много людей. Тогда его слова были объектом насмешек, но сегодня они стали реальностью. Четыре тысячи человек собрались в этом зале, чтобы поприветствовать г-на Доуи, а по окончанию его оставляющих глубокое впечатление богослужений многие люди подходили к нему, пожимая руку, преклоняя пред ним колено и целуя край его одежды. Не это ли так глубоко тронуло его, что слезы потекли по щекам?» (Последнее утверждение в газете было неточным, поскольку д-р Доуи удалился сразу же после того, как по окончанию служения благословил собравшихся.)

В свете этого всенародного признания бесполезно отрицать, что Джон Александр Доуи одержал победу как минимум при помощи своего превосходящего интеллекта. Не стоит сейчас анализировать, что это за сила. Но она стоит выше унижений, насмешек и всевозможных обвинений в мошенничестве и самозванстве. Она объединяет вместе тысячи разумных людей непоколебимой и нерушимой верой в Бога. Возможно, некоторых людей на его собрания влечет любопытство, но так сказать можно лишь о немногих. И этот факт ничуть не умаляет доверия к нему. Дело в том, что г-н Доуи обладает способностью привлекать к себе массы людей и удерживать их внимание. Учитывая это, мы поступим справедливо, если будем дискутировать с ним о его взглядах и учениях, относясь к нему с достоинством и уважением, а не с презрением и насмешками».

Интерес к воскресным богослужениям в этом зале продолжал расти, и численность людей на собраниях ограничивалась только количеством мест в зале, которых было приблизительно шесть тысяч.

В это время Роберт Г. Ингерсолл, известный вольнодумец, выступал с речью в Чикаго, в которой он богохульно утверждал, что «должно быть Бог умер, раз Он бесполезен и никогда не отвечает на молитвы». Джон Александр Доуи поймал Ингерсолла на словах о том, что Бог никогда не отвечает на молитвы, подобрав ряд убедительных

свидетельств людей, получивших исцеление от самых тяжелых болезней, и предоставив документальные доказательства их исцеления. Этот случай, возможно, был единственным, когда Ингерсоллу с его богохульными речами был брошен серьезный вызов. Печально известный агностик был хорошо знаком с библейским учением об исцелении и чудотворении, и в своих лекциях он привычно указывал на то, что эти обетования не исполняются в церковном служении. До этого момента Ингерсоллу никто не возражал, поскольку Церковь была бессильна ответить на его вызов. Однако д-р Доуи, собрав многих людей, свидетельствовавших о чудесах исцеления, развенчал блеф Ингерсолла. Обычно этот безбожник сразу же принимал вызов подобного рода, чтобы затем подвергнуть христианство своим жестоким насмешкам. Но, узнав о том, какой вызов будет брошен ему на этот раз, он решил не принимать его и быстро убрался из города, показывая тем самым, что его «истина», приверженцем которой он себя называл, была лицемерной ложью. Вскоре после этого Ингерсолл умер тяжелой смертью, и, как сказал один из древних, «он пошел на свое место».

Организация Христианской Вселенской Церкви

Пришло время, когда Джон Александр Доуи решил, что настал благоприятный момент для осуществления своей давней мечты — создания церкви, основанной на учении апостолов. Д-р Доуи твердо верил, что принципы первоапостольской церкви остаются непреложными по сей день. Он не проявлял никакого сочувствия к широко распространенному в церкви учению о том, что времена чудотворения остались в прошлом, а дары Святого Духа забраны у верующих. Его желанием было вернуть Божьему народу принципы первоапостольской церкви. 22 января 1896 года он провел Первую Генеральную конференцию верующих, заинтересованных в создании Христианской Вселенской церкви. В его проповеди на первом богослужении говорилось, в частности, об апостольской преемственности (мы не можем привести вам текст проповеди на страницах

этой книги). Следует отметить, что слово «вселенская» (или «католическая») в названии церкви не имеет никакого отношения к римо-католической церкви.

В среду вечером, 5-го февраля 1896 года, была созвана Вторая Генеральная конференция верующих, заинтересованных в организации Христианской Вселенской церкви. В этот раз на богослужении можно было задавать вопросы. Мы считаем, что, размышляя над ответами на эти вопросы, читатель сможет получить представление о планах д-ра Доуи в период подготовки к созданию этой церкви. По понятным причинам мы сочли необходимым предоставить ответы в сокращенной форме.

Вступительные комментарии д-ра Доуи

«В Христианской Вселенской церкви я собираюсь по букве и по Духу соблюсти устройство, существовавшее в церкви Нового Завета. По благодати Божьей я хочу подготовить семьдесят учеников, которые, полностью осознавая цель своей миссии и пройдя вначале подготовку в Сионе, отправятся по двое во все уголки этого города и будут совершать свою работу от дома к дому. Я буду координировать работу диаконов, диаконис и пресвитеров, а также пасторов, учителей и проповедников. Я собираюсь осуществлять это дело в соответствии с истинами Нового Завета, рукополагая на эти служения людей, которых призвал Бог и которым Он дал соответствующие способности. Я буду проводить!» эту работу очень тщательно и последовательно как в воскресных школах, так и в обычных школах, где люди будут учиться не только букве Божьего слова, но и Его Духу; они получат всестороннее христианское образование — от детского сада до колледжа — и будут с салюта начала готовиться к выполнению Божьего дела во всех уголках этого города.

Мы будем широко распространять книги, газеты, брошюры и трактаты на всех языках, на которых только говорят люди в нашем городе, пока каждый человек в Чикаго не получит как минимум одно печатное издание.

В основополагающих вопросах мы требуем единства. В вопросах же, не столь принципиальных, мы даем полную свободу, и в решении каждого из них должны подходить к людям с любовью.

Собрание объявляется открытым и будет проходить в форме свободной дискуссии на тему, изложенную в моем обращении от 22 января. Не стесняйтесь задавать любые вопросы, которые Господь положит вам на сердце.

Преп. г-н ДЖОУНС: Позвольте Вас спросить, не существовало ли в первоапостольской церкви служений, которые, подобно апостольскому, остаются поныне в силе, и есть ли такие служения, которые были бы ограничены временем, — как, например, служение пророка? Может ли в современной Церкви существовать такое служение, которое даст человеку способность предсказывать события будущего, как это делал апостол Павел, а также получать вдохновение свыше?

Д-р ДОУИ: Замечание д-ра Джоунса неверно. Служение пророка в Церкви является постоянным — таким же, как служение апостола или учителя. В Первом послании к Коринфянам 12:28 ясно говорится: «И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки». Не существует никаких ограничений относительно продолжительности действия этих должностей: апостольской, пророческой или учительской. Слово «поставил», по-гречески «ЭТЕТО», означает «внедрил» как постоянную часть или постоянную организацию. Что же касается предположения нашего брата относительно временной природы пророческого служения в Церкви, я бы сказал, что оно неверно, и пророческое служение оставалось в Церкви после воскресения Христа.

Существовало большое количество пророков и пророчиц. В книге Деяния Апостолов 21:10,11 говорится о пророке Агаве. У евангелиста Филиппа (Деяния 21:8,9) было четыре дочери, которые пророчествовали.

Я не вижу никаких причин, чтобы дар пророчества был забран у людей, и верю в его существование. Служение пророка многое объединяло в себе. Пророк мог выполнять другие служения — например, быть учителем, — а каждый апостол был также и пророком. Власть апостола была такой же пророческой, как и апостольской, и в той же мере она была учительской, как и апостольской. 2^hо служение включает в себя все возможные дары, и того, на ком был «знак апостольства», Бот использовал в каждом из даров, о которых идет речь в двенадцатой главе Первого послания к Коринфянам. Если вы исключаете пророчество из числа девяти духовных даров, вы отвергаете один из важнейших принципов учения Божьего слова, а именно: **«Ибо дары и призвание Божие непреложны» (Римлянам 11:29)**. Если вы признаете, как вам и следует сделать, что дар пророчества — это непреложный дар Церкви, тогда служение пророка должно существовать.

Преп. г-н ДЖОУНС: Нет никаких вопросов относительно получения пророческого вдохновения...

Д-р ДОУИ: Теперь по поводу вопроса о вдохновении. Несомненно, пророческое вдохновение продолжает посещать людей. Но оно должно полностью соответствовать Божьему слову в его каноническом изложении. Я уверен, что каждый день, когда я, или любой другой верный служитель Христов, произношу Божье слово, оно несет с собой вдохновение.

Г-н МАРЧ: Однако оно ничего не добавляет к вдохновенным словам Библии.

Д-р ДОУ И: Совершенно верно, и если кто бы то ни был, добавит или отнимет от слов пророчества, находящегося в Библии, тот подлежит осуждению, согласно сказанному в книге Откровение Иоанна 22:18,19.

В то время как я никому не позволю предлагать лиге что-либо в дополнение к истинам Божьего слова, дар пророчества будет действовать в рамках Божьего откровения — Библии, основываясь на принципах и учении Нового Завета. Применение этих принципов в Божьей Церкви открывает огромные возможности для вдохновения в Слове,

учении и молитве, а также в пророческом служении. Как в рамках Конституции Соединенных Штатов существует множество возможностей применить каждый из принципов свободы, так и в рамках Божьего слова можно толковать и применять его в современных условиях.

Преп. д-р БЕРНС: Говоря о принципах созидания Церкви, мне кажется, что мы стоим на апостольском и пророческом основании, где Сам Иисус Христос — наш краеугольный камень. Следовательно, возможно лишь одно основание, и если это основание уже заложено, мы не можем строить на нем новую Церковь.

Д-р ДОУ И: А новой Церкви и не может быть, если это только не ложная церковь. Истинная Церковь, если мы говорим о ее организации, не нова, а та, что нова, не является истинной. Нам необходимо христианство старого времени, и поэтому мы желаем возродить церковную организацию старого времени в Христианской Вселенской церкви.

Преп. д-р БЕРНС: Должны ли мы понимать, что если у нас в будущем будут апостолы, то мы должны строить свою церковь на их учении, как на учении первых апостолов?

Д-р ДОУИ: Божья Церковь во все времена должна быть цельным и совершенным строением, и какой она была девятнадцать веков назад, такой она должна быть на земле и в девятнадцатом веке. Для Божьего дела необходимо, чтобы сегодня она была так же хорошо оснащена и организована, как тогда. Поскольку организация первой церкви была апостольской, пророческой, учительской и так далее, то такая же организация необходима нам и сегодня. Такова наша позиция.

Г-н КАЛВЕРЛИ: Помню, как однажды д-р Доуи с грустью сказал: «Не знаю, смогу ли я увидеть еще хоть одного апостола». Я же думаю, что смог увидеть одного из них, и мне кажется, что он главный из современных апостолов. (Глядя на д-ра Доуи под звуки громких аплодисментов).

Д-р ДОУИ: Я не имел ни малейшего понятия об этом, но раз так сказал наш дорогой брат Калверли — совершенно искренне, как он всегда говорит, — он сделал это не из

желания польстить. Однако я также совершенно искренне говорю вам, что не считаю себя достигшим глубины истинной кротости и смиренномудрия, необходимой апостолу, которая была у человека, сказавшего: «Я меньше меньшего из всех святых и недостоин называться апостолом». Но если мой благой Господь смирит меня и сделает в меру кротким для того, чтобы я стал тем, кем хочу быть, и кем, я надеюсь, в известной мере являюсь — рабом рабов Господних, — то тогда, быть может, я действительно стану апостолом, отдавая себя на служение всем людям.

В становлении апостола ценится не то, каких высот вы достигли, а то, насколько вы смогли смирить себя. Важно не стать «господином над наследием Божиим», важно то, сможет ли человек, называющий себя апостолом, настолько смириться, чтобы в сердце своем сказать, как говорил апостол Павел: «Истинно и достоверно сказано, что Господь Иисус пришел в этот мир, чтобы спасти грешников, из которых я первый». («Я первый», а не «я был первым».)

Я не знаю, есть ли здесь люди, представляющие себе апостольское служение, как нечто помпезное, а апостола — носящим тиару и держащим скипетр. Если это так, то они глубоко заблуждаются. Служение апостола действительно предполагает высокое положение в Церкви, но его власть — это власть человека, способного поставить себя ниже всех.

Думаю, у некоторых из вас сложилось неверное представление о власти в Божьей Церкви. Власть в Божьей Церкви не похожа на власть в правительстве Соединенных Штатов, где человек карабкается по пирамиде, состоящей из его товарищей, к вершине своих амбиций, ради достижения своих целей и удовлетворения личной гордыни. Власти в Церкви достигают те, которые все более и более смиряются, становясь все более и более кроткими, пока они не положат свой дух, душу и тело к ногам страждущего человечества, находящегося под проклятием греха и болезни, и пока они не начнут жить и не будут готовы умереть за него и за Того, Кто жил и умер за него. Вот что я имею в виду, говоря о власти апостола в Церкви».

В конце собрания присутствующим были предоставлены на обсуждение следующие принципы, на которых должны были строиться взаимоотношения между верующими в церкви:

«Во-первых, мы признаем богодухновенность, непогрешимость и самодостаточность Священного Писания как правила для веры и жизни христианина.

Во-вторых, мы признаем, что членом христианской церкви не может быть тот, кто не покаялся в грехах и не принял Христа своим Спасителем.

В-третьих, этот человек также должен искренне исповедывать свою веру и знать в своем сердце, что он истинно покаялся и уповаает на Христа, а также имеет свидетельство в меру данного ему Духа Святого.

В-четвертых, все прочие суждения следует считать личным мнением отдельных людей и не влияющими на решение вопроса о единстве в церкви».

Как позже увидят читатели, познакомившись с дальнейшей историей церкви «Скиния Сиона», планам Джона Александра Доуи по восстановлению апостольского служения не дано было осуществиться. Несколько лет спустя после смерти д-ра Доуи основанная им церковь отменила это служение. Другие организации обнаружили, что назначать «апостолов» — сущий пустяк, только вот с этим назначением человеку не дается власть, необходимая апостолу. Сегодня мы нуждаемся в апостольском служении, осуществляющем мужами Божьими, которые не ищут и не принимают звания апостола — титула, который реально будет только мешать их служению. Апостольское помазание — это фактор, сделавший служение д-ра Доуи таким, каким оно было. Когда же он, в конечном итоге, стал называть себя апостолом, его служение не поднялось, а пошло на убыль.

Кабинет редактора в кабинете д-ра Дорн

Глава 22

Ограничения «семьдесят учеников»

История об организации группы «Семидесяти учеников Сиона» и их деятельности в деле проповеди Евангелия тысячам жителей Чикаго, не посещающим церкви, не может не заинтересовать. Дела группы Семидесяти на городских улицах и в трущобах Чикаго отмечены многими людьми как яркий пример искупительной любви Христа.

Толчком к этому начавшемуся в 1898 году передовому движению в церкви «Скиния Сиона», по словам самого д-ра Доуи, послужила история о молодом человеке по имени Батч Хатчинс, опубликованная в чикагской прессе. Ему было около двадцати лет, но за ним уже числилось много преступлений, среди которых было убийство, совершенное им неподалеку от здания «Скинии Сиона» на Мичиган авеню. Молодой человек был направлен в тюрьму «Кук Кантри», и когда его приговорили к виселице, он воскликнул: «У меня не было другого выбора». Он родился в семье преступников.

Прочитав об этой истории, д-р Доуи взволнованно сказал: «Я слышу его возглас. Он жил в нескольких метрах от моего дома, и я ни разу не дал ему выбора. Такое больше никто не скажет в Чикаго». На той же неделе Доуи стал посыпать семьдесят учеников проповедовать людям, начиная с того места, где бедняга Хатчинс совершил убийство.

В воскресенье, 18 сентября 1898 года, «Семьдесят учеников Сиона» были организованы как группа. Посылая «Семьдесят учеников» на служение, д-р Доуи прочитал десятую главу Евангелия от Луки и сказал:

«Долгие годы нашим великим желанием было увидеть рождение этого движения. Подготовив к служению несколько сотен Божьих детей, мы с радостью посыпаем их по двое на каждую улицу Чикаго, зная, что Господь хочет прийти на каждую улицу и войти в каждый дом нашего города. Мы не бездействовали, но с нетерпением ожидали дня, когда церковь направит

своих служителей на совершение этого дела. Люди, служащие на этом поприще, должны быть призванными Богом, избранными и верными... Вы не должны обращать внимание на свою слабость, недостаток знаний или возможные неудачи. Смотрите на Иисуса, совершая каждый шаг на своем пути... Вы не найдете такого дома, такой земли, пыльной улицы, крутой лестницы, такого чердака или подвала, где бы рядом с вами не было Иисуса.

Вы свидетели того, что Бог совершает в нашей Христианской Вселенской церкви. Несите нашему народу Евангелие в фактах — не Евангелие девятнадцати-вековой давности, но живые свидетельства о том, что происходит в нашем городе и в нашей стране. Дух Божий научит вас терпеливо слушать людей и с любовью отвечать им, проявляя благородство, сочувствие и нежность. Помните, что вы поступаете учтиво и правильно, когда терпеливо слушаете говорящего, и что бы ни происходило в вашем сердце, в нем не должно быть места враждебному отношению к людям. Берите с собой святой огонь Божьей любви, и в дома, где царит мрак нищеты, грехи и болезни, несите с собой воду живую. Верите с собой живой хлеб, несите с собой живое Евангелие живого Бога, и множество народа поднимется и благословит вас

Вручайте людям свое короткое послание со словами: «Мир дому сему», — и если вам ответят: «Спасибо», — скажите: «Можно ли мне войти? Позвольте мне рассказать вам об Иисусе». Если вам позволят войти — входите, а если перед вами закроют дверь — уходите, но не забудьте вернуться туда опять. Всегда возвращайтесь, независимо от того, прогнали вас или нет. Я поручаю вам пред Богом быть верными своему делу «до смерти». Я поручаю вам через покаяние приводить неспасенных к вере в Бога, к надежде и любви по благодати Божьей, к их Небесному Отцу, чтобы они могли получить благословение

вечной жизни. Я поручаю вам нести больным слово: «Я Господь, исцеляющий Тебя» — слово Того, Кто есть Воскресение и Жизнь, и побуждать людей познавать, что в Нем они найдут спасение, исцеление, святость и вечную жизнь. И да пребудет с вами Бог!»

Таким было поручение, данное армии, состоявшей из шести групп «Семидесяти учеников Сиона», организованной в тот день и посланной нести Евангелие в дома жителей города Чикаго, разбитого на районы так, чтобы каждого человека посетили двое из «Семидесяти учеников» в течение недели. Численность группы «Семидесяти учеников Сиона» вскоре возросла до трех тысяч мужчин и женщин, которые каждую неделю посвящали часть своего свободного времени активному евангельскому служению от дома к дому. Они раздали миллионы евангельских трактатов, а газета «Листья исцеления» стала очень популярной. В результате работы «Семидесяти учеников Сиона», многие люди стали приходить на собрания, чтобы послушать проповедь Евангелия. В течение нескольких лет жизнь каждого жителя Чикаго была затронута этим служением. Во многих частях города стали проводиться молитвенные собрания, открывались дочерние церкви. Очень скоро такие же дочерние церкви открылись в Цинциннати, Кливленде, Филадельфии, Нью-Йорке и других больших и маленьких центрах по всем Соединенным Штатам. Вскоре проповедь Полного Евангелия достигла других стран, и дочерние церкви появились в Европе, Австралии, Южной Африке, Англии и Шотландии.

Глава 23

Священная война

С организацией Христианской Вселенской церкви «Скиния Сиона» переживает период удивительного расцвета. По истечении шестимесячной аренды огромного чикагского, зрительного зала д-р Доуи приобрел здание, известное под названием Святого Павла, на Мичиган авеню, 16. Полностью отремонтированное и переоборудованное, оно вмещало более трех тысяч человек. Доуи также арендовал большой дом под офис на углу 12-ой улицы и Мичиган авеню напротив иллинойской центральной железнодорожной станции (это здание сохранилось до сих пор), где разместились служебные и жилые помещения. Здесь также находили приют страждущие люди, которые ехали в Чикаго со всей Америки, чтобы получить исцеление.

Период с 1896 по 1900 годы можно с полным правом называть золотым веком церкви «Скиния Сиона». Христианская Вселенская церковь переживала феноменальный рост — у нее появились десятки тысяч приверженцев. Это относительно спокойное время для Доуи, планировавшего строительство города, закончилось осенью 1899 года, когда он I внезапно объявил трехмесячную Священную войну. В большинстве случаев это была настоящая война. Главный настоятель, как его теперь называли, имел все основания для призыва к Священной войне. Одним из них, малоизвестным в то время, стало следующее событие.

На третьей неделе Священной войны студенты медицинского колледжа, узнав, что Доуи собирается произнести проповедь на тему «Врачи, наркотики и демоны», подняли настоящий бунт в «Скинии Сиона». Вероятно, им очень не понравилось название предстоящего выступления. В своей передовой статье, которая появилась 21 октября 1899 года, д-р Доуи рассказывает об этом инциденте:

«Мы, в полном смысле этого слова, вызвали огонь на себя: врачи всего города, финансирующие прессу, посовещались и решили остановить поднимающуюся общественную волну с помощью самых позорных и бесчестных методов в надежде, что бесчинства и беспорядки смогут серьезно навредить или уничтожить нас. При полной осведомленности и с согласия профессуры некоторых медицинских колледжей были размещены листовки, призывающие студентов к мятежу. Ниже мы приводим текст одной из них, напечатанные в газете «Чикаго Трибун» от 19 октября. Эта листовка была вывешена в медицинском колледже Раш.

«Всем студентам колледжа Раш просьба встретиться в среду вечером, 18 октября, на углу улиц Гаррисон и Вуд, чтобы присутствовать на лекции д-ра (?) Доуи, которая состоится в зале на углу улиц Медисон и Полина в 19.15. Тема лекции: «Врачи, лекарства (наркотики) и демоны». Мы хотим устроить ему горячий прием.

Приказ комитета.

Примечание: явка всех студентов обязательна».

Прочитав такие объявления, студенты этого и других медицинских учебных заведений в течение нескольких дней были заняты изготовлением сероводорода, бисульфат углерода и других дурно пахнущих химических соединений. Они собирались задолго до назначенного часа и, как только были открыты двери для посетителей, буквально оккупировали «Скинию Сиона». Таким образом, все здание, за исключением какой-то сотни мест, было заполнено толпой орущих хулиганов из числа медицинских студентов.

Еще две тысячи находились снаружи, но, если верить газете «Чикаго Трибун», то у стен Скинии собралось около трех тысяч студентов. Их непрекращающиеся крики привлекли огромные толпы прохожих, и, когда мы подъехали к входу в 19.30, на улицах было не меньше шести-семи тысяч человек.

Сдерживая написк толпы, лейтенант О'Хара с большим отрядом полицейских из 28-го отделения делал все возможное, чтобы проход к Скинии оставался свободным. Как только мы вышли из экипажа, на нас посыпалась проклятия и полетели бутылки с мерзкой жидкостью. К счастью, ни одна из них не попала в нас. Всю дорогу до входа в Скинию нас сопровождали оскорбительные насмешки оголтелой толпы студентов, чьи карманы были набиты ядовитыми химикатами, а сердца переполнены лютой ненавистью и желанием разрушать.

Но Бог даровал нам блестящую победу. Мы говорили в течение двух часов и, несмотря на неоднократные попытки прервать нас, не потеряли и пяти минут. Бог заставил этих молодых людей слушать Свое слово и нашу разоблачительную речь, в которой мы доказали научную несостоятельность фармакологии и медицины. Затем с кратким словом выступили старейшина Мейсон и настоятель Пайпер, и слушатели спокойно разошлись.

Но в продолжение нашего двухчасового выступления бушующие страсти на улице достигли наивысшего накала. Пронзительные вопли студентов, прерываемые звоном разбитых стекол во многочисленных окнах Скинии, делали Священную войну реальностью.

И тем не менее, за все годы нашего служения мы не испытывали такой радости, к которой, однако, примешивалось чувство искреннего сожаления о тех, кто выполнял работу дьявола. Вне всякого сомнения, каша лекция была подтверждена убедительными фактами, которые все присутствующие имели возможность не только увидеть и услышать, но даже понять. Все наши доводы даже наполовину не могли быть более убедительны, чем те, которые использовали эти глупые доктора и студенты. Не выдержав зловония своих собственных «аргументов», эти молодые люди, прижав носовые платки к лицу,

вынуждены были поспешно покинуть здание Скинии, чтобы не задохнуться от омерзительного запаха жидкости, которую они специально разлили по всему полу. Дьявольский дух внутри них проявился через богохульные выкрики и глупые действия.

А в это время на улице полицейские, число которых после прибытия подкрепления выросло до сотни, под командованием офицеров разгоняли толпу, орудуя направо и налево дубинками. Когда сопротивление начинающих докторов при поддержке некоторых профессоров достигло кульмиационной точки, были вызваны полицейские кареты со всех районов западной части города. Многих бунтовщиков арестовали, затолкали в фургоны и отвезли в полицейский участок. Когда мы вышли из Скинии, на улицах было не менее двадцати тысяч человек. Но никогда еще милость и защита нашего Бога не проявлялась так сильно, как во время этого инцидента: никто из нас, насколько мне известно, не получил ни малейшей царапины. Полиция с трудом прокладывала для нас путь через толпу к экипажу. Карета, полная дюжих полицейских, сопровождала нас до улицы Джексона, где начинается мост через реку Чикаго.

* * *

На следующий день во всех газетах были помещены фотографии и статьи, посвященные этим событиям. Студенты зашли слишком далеко, и своими действиями вызвали возмущение общественности. Через несколько дней была предпринята очередная попытка организовать такой же мятеж, но он был подавлен в зародыше, а все его участники и организаторы были отправлены в тюрьму. Инспектор Джон Д. Ши выступил с заявлением, что любая подобная провокация будет сурово пресечена. В частности, он сказал: «Если эти будущие доктора не будут вести себя достойным образом, то все они — ^ине нее равно сколько — будут арестованы и заключены в тюрьму. Им не удастся отделаться так легко, как в прошлый раз».

Священная война продолжалась. И хотя в самом Чикаго больше не было попыток мятежа, через неделю было совершено покушение на д-ра Доуи в Хаммонде, расположенному к югу от Чикаго. Будучи уверенными, что любая попытка организовать и привести в исполнение убийство Доуи будет немедленно предотвращена чикагской полицией, его враги выбрали полем своей преступной деятельности маленькие городки, жизнь которых контролировалась местными политиканами, а силы полиции были малочисленны. В еженедельнике «Листья исцеления» за 4 ноября 1899 года была напечатана статья о том, как в городке Хаммонд оголтелая толпа пыталась расправиться с д-ром Доуи.

Покушение на д-ра Доуи в Хаммонде, штат Индиана

Когда собрание закончилось, на парадной лестнице, ведущей к выходу на улицу, собралась банда головорезов. Их намерения были ясны. Они собирались напасть на главного настоятеля, когда он будет спускаться по лестнице, и сзади нанести ему по голове несколько ударов острыми железнодорожными крюками, что сделало бы это жестокое убийство практически недоказуемым.

Разгадав их подлый план, главный настоятель спокойно направился к выходу, сделав вид, что собирается идти по парадной лестнице, но незаметно выскользнул через боковую дверь. Как только он появился на улице, на него сразу же набросилась кровожадная толпа. Некоторые шипели сквозь стиснутые зубы страшные проклятия, другие неистово кричали: «убей те его! Вздерните старого факира!» В Божьего мужа полетели кирпичи, камни, куски железа, железнодорожные крючья, куски грязи и палки.

До трамвая нужно было идти несколько кварталов. Окруженный живой стеной верных людей, готовых отдать за него свою жизнь, главный настоятель шел

спокойно, не об рапная внимания на сыпавшиеся со всех сторон проклятия и летящие в него камни и куски грязи. Были предприняты попытки оттащить охранявших, но Господь дал силы, и маленькая группка мужчин и женщин еще сильнее сплотилась вокруг главного настоятеля. Возле моста из толпы послышались призывы: «Сбросьте его в реку!» Но поскольку на мосту шли ремонтные работы, для пешеходов был оставлен только узкий проход, по которому и прошла небольшая команда «Скинии Сиона», оттеснив банду убийц.

Наконец, главный настоятель и его люди добрались до трамвая. Понимая, что их жертва ускользает, преступники, жаждущие крови, усилили атаку. Все окна в трамвае были разбиты, и некоторые служители «Скинии Сиона» получили серьезные травмы. Был легко ранен и водитель трамвая.

Но и здесь храбрецы «Скинии Сиона» сплотились тесным кольцом вокруг своего лидера, закрыв его собственными телами от града камней.

Божья рука, невидимая для истошно вопящей толпы, хранила смельчаков, отводя от них смертоносные «снаряды», так что главный настоятель и его верная охрана остались живы. Было всего несколько серьезных ран, а в основном христианские герои и героини получили небольшие порезы и синяки. Правда, один камень попал в голову главному настоятелю, оглушив сто на короткое мгновение и оставив синяки и порезы за левым ухом, а другой — попал в спину, причинив сильную боль. Но в ответ на молитвы Бог быстро исцелил его, полностью убрав боль и последствия ударов, так что он всю оставшуюся ночь смог работать над «Листьями исцеления».

Нападение в дубовой роще

Однако враги Доуи не успокоились. Узнав, что он собирается выступать в Дубовой Роще, они разработали тщательный план покушения на его жизнь, который собирались Привести в действие сразу после окончания служения. Около двухсот убийц собралось в деревне, ожидая, когда Доуи покинет собрание. «Листья исцеления» приводят подробный отчет о том, что за этим последовало.

«Потерпев неудачу в Хаммонде, где им так и не удалось осуществить свои подлые намерения, они с готовностью решили использовать еще одну возможность — широко разрекламированный визит плавного настоятеля в Дубовую Рощу. Предупреждение о том, что готовится новое покушение на его жизнь, д-р Доуи получил за несколько дней до запланированной поездки в эту деревню.

Несмотря на реальную опасность, Доуи отправился исполнять свою миссию, уверенный в том, что Господь, ради Которого он поехал, милостиво защитит сто, как и раньше. С ним поехала миссис Доуи, которая знала о грозившей мужу опасности, но, тем не менее, решила разделить ее с ним. Их сын Александр Глэдстоун Доуи решил ехать вместе с отцом и матерью. Их также сопровождали многие члены хора Скинии и недавно рукоположенные в священники служители, а также члены церкви. В общей сложности из Чикаго выехало около трехсот человек.

С вечера до полуночи улицы были переполнены огромной толпой (от двух до шести тысяч человек), которая, в основном, состояла из школьников и молодых людей. Не имея ни малейшего понятия о том, что происходит вокруг, они громко кричали и гудели в рожки, словно это был праздник Халоуин.

Молодчики посмелее решили заняться более «интеллектуальным» занятием: они били стекла и

забрасывали верную стражу яйцами, кусками черствого хлеба и гнилыми овощами.

Несмотря на невообразимый шум, собрание прошло без единой заминки. Пятьсот человек, присутствовавших на служении, с большим вниманием и интересом слушали главного настоятеля, стараясь не пропустить ни единого слова из его выступления.

К полуночи большая часть толпы разошлась. Но группа, о которой было человек двести, продолжала оставаться неподалеку от Скинии. Разбившись на небольшие группки по десять человек, они прятались в темных углах и аллеях парка.

Охрана докладывала о гам, что какие-то подозрительные типы продолжают вертеться вокруг. Учитывая настойчивые предупреждения о готовящемся нападении, которые были получены из надежных источников, главный настоятель мудро решил, что он и его люди будут в большей безопасности внутри помещения, нежели на улице в открытом экипаже. Он вежливо отклонил заверения шефа полиции Дубовой Рощи, что вся толпа давно разошлась, за исключением небольшой кучки любопытных зевак. (Любопытные зеваки не будут стоять всю ночь, несмотря на плохую погоду и настоятельные просьбы полиции разойтись по домам!)

Главный настоятель решил провести ночную молитву и поклонение. Это решение с энтузиазмом было воспринято всей группой из трехсот верных членов церкви.

Когда все успокоились, несколько человек выступили с интересными свидетельствами, после чего началась общая молитва. Около трех часов ночи с улицы неожиданно раздался полицейский юнг. Его резкий звук показался пленникам нежнейшей музыкой. Привыкшие к подобным ситуациям, все оставались на своих местах. Только несколько человек из охраны вышли из помещения. Затем послышались тяжелые шаги по

лестнице, открылась дверь, и в комнату вошел сержант чикагской полиции, высокого роста и приятной наружности. За ним следовали несколько широкоплечих офицеров.

Вежливо поприветствовав главного настоятеля, который оставался на сцене, сержант Малдун сказал: «Док-гор, я и моя команда получили приказ шефа полиции Кипли сопровождать вас домой». Заявление сержанта было встречено аплодисментами, после чего главный настоятель коротко, но тепло поблагодарил чикагское полицейское управление за такую любезность.

Как оказалось, полицейские с участка на 43-й авеню в течение многих часов находились в состоянии ожидания, готовые по первому сигналу тревоги защитить «доктора», как они любовно называли главного настоятеля. Они выехали тотчас, как только узнали об опасности, грозившей ему.

Под защитой этих силачей и сионской охраны доктор и миссис Доуи, а также их сын сели в экипаж, за которым следовала патрульная полицейская карета, и к пяти утра благополучно добрались домой».

Нужно отметить, что нынешняя дружеская защита, проявленная офицерами, свидетельствовала о новом отношении полиции к Доуи, который всего несколько лет назад неоднократно подвергался незаконным арестам. Дело в том, что прежняя политическая партия была свергнута, а у нынешней администрации д-р Доуи пользовался популярностью, так как во время выборов советовал своим людям голосовать за кандидата, который впоследствии был избран мэром Чикаго. Ему также пообещали, что Джозефа Кипли, его друга, оставят на посту шефа полиции.

Отношение д-ра Доуи к профессии медика

Читатели, очевидно, заметили, что д-р Доуи резко критиковал представителей медицины, которая, признаться, в его дни была грубой и примитивной по сравнению с современной. Несмотря на то, что Святое Писание ясно говорит о том, что в случае болезни дитя Божье должно уповать на Бога, а не на человека (2 Коринфянам 16:12,13 и Луки 8:43), не следует подвергать осуждению тех, кто служит больным с помощью естественных средств (Луки 5:31; 10:33,34). По всей видимости, Христос во время Своего служения проявлял дружелюбие по отношению к врачам, как и ко всем, кто принимал Его. Так, «любимый врач» Лука написал Евангелие, которое было названо его именем. Величайший врач Иисус Христос показал людям, что божественное исцеление является «более совершенным способом» лечения болезней.

И все же не следует забывать, что когда Бог желает восстановить в Своей Церкви определенную истину, служители, ответственные за выполнение этой задачи, начинают делать особое ударение на том или ином аспекте данной истины для того, чтобы заставить людей обратить на нее особое внимание или посмотреть на нее по-новому. Руководствуясь человеческим, пониманием, они пытаются компенсировать урон, нанесенный этой истине многовековым пренебрежением или недооценкой. Конечно же, у д-ра Доуи не было никакого скрытого мотива чувствовать враждебность по отношению к профессии медика вообще. Тем более, что он хорошо понимал, что его оппозиционность не может принести ему ничего хорошего, кроме всеобщего преследования. Его мотивы были ясны и честны. Он верил, что те, кто желает божественного исцеления, должны уповать не на «руку плоти» — человека, а на Живого Бога.

Глава 24

Сион город мечты

Трехмесячная Священная война, провозглашенная д-ром Доуи, подходила к концу. Чикагские газеты, а также печатные издания других городов подробно рассказывали обо всех событиях этой войны. Мятежи, неоднократные покушения на жизнь главного настоятеля, его смелый крестовый поход против зла, царившего в городе, — эти и многие другие события были в центре внимания репортеров. Они были настолько увлечены всем происходящим, что у них не оставалось времени, чтобы повнимательнее приглядеться к похожему на бродягу мужчине. Его видели кочующим от фермы к ферме на севере от Чикаго. Правда, в некоторых газетах упоминалось о незнакомце, который скупал фермы в этом районе страны, но такой проект казался всем настолько грандиозным, что мог быть под силу скорее большой корпорации, нежели отдельному покупателю. Общественное внимание было приковано к Священной войне д-ра Доуи, и поэтому репортеров вряд ли можно было обвинить в том, что за покупкой земли они не смогли разглядеть самое удивительное религиозное предприятие в истории Америки.

Человек в потрепанной одежде был никем иным, как самим Джоном Александром Доуи, который выдавал себя за бродягу. Поклявшись не разглашать тайну, его специальный агент всю осень скупал земли к северу от Уокигана. Здесь, на территории около десяти миль, д-р Доуи собирался построить свой город-мечту. Цель покупки ферм держалась в тайне, чтобы фермеры, узнав о планах Доуи, не подняли цену на недвижимость. Итак, в то время, когда вся общественность Чикаго была занята Священной войной, сделка по покупке огромного участка земли была успешно завершена.

Приближался 1900 год. Д-р Доуи был готов начать самый грандиозный проект своей жизни — строительство города-мечты, в котором навсегда будут запрещены лекарства, наркотики, табачные изделия, спиртные напитки, театры, дома терпимости, танцевальные площадки и тому подобное.

Главный настоятель много раз говорил о своих планах, но место, где предполагалось строить такой город, держалось в строжайшем секрете. Тем не менее, интерес членов церкви «Скиния Сиона» к этому проекту постепенно увеличивался, пока не достиг состояния лихорадочного возбуждения. Их воображение было полностью покорено идеей жить в обществе, свободном от грехов и соблазнов большого города. Наконец, у них появится шанс создать маленький рай на земле. Это была заманчивая перспектива, и многие с нетерпением ждали, когда смогут иметь свой дом в таком городе.

Накануне нового 1900 года члены церкви собирались на ночную молитву в своей огромной Скинии на углу 16-ой и Мичиган авеню. Между собравшимися прошел слух, что главный настоятель собирается сделать важное объявление, и поэтому все с большим волнением ожидали его выступления. Переступив порог Скинии, в глубине сцены они увидели огромное, шириной в двадцать пять футов, полотно, которое свисало с балкона, где располагался хор. Это загадочное полотно было прикрыто занавесом. Что же скрывалось за ним? Хотя точно никто ничего не знал, каждый высказывал свои догадки и предположения. Заканчивались последние часы уходящего 1899 года. Около полуночи члены церкви «Скиния Сиона» совершили хлебопреломление. Затем последовала молитва посвящения, которую вся община произнесла вслед за д-ром Доуи.

В то время, как стрелки часов продолжали приближаться к двенадцати, по всему городу стали раздаваться радостные звуки свистков и рожков. Но в Скинии в этот момент царила полнейшая тишина. Все члены церкви, затаив дыхание, следили за тем, что разворачивалось прямо на их глазах. Когда часы пробили двенадцать, д-р Доуи торжественно потянул за шнурок, и занавес, скрывающий огромное полотно, поднялся. И вот, все присутствующие увидели огромную карту фантастического города, который раскинулся на берегу озера Мичиган, в сорока милях на север от Чикаго.

Не успели собравшиеся прийти в себя от изумления, как д-р Доуи потянул за другой шнурок, карта соскользнула, и перед

их взором открылась огромная картина удивительного города Сиона, в центре которого высались башни величественного Храма! Все невольно выдохнули, пораженные грандиозностью проекта. Было уже далеко за полночь, а д-р Доуи все рассказывал о своих планах строительства города-мечты. Заканчивалась новогодняя ночь, но никто не хотел уходить.

И только когда на небе забрезжил рассвет, последний член церкви покинул Скинию.

Проект д-ра Доуи произвел огромное впечатление не только на членов церкви «Скиния Сиона», но также и на агентов по недвижимости, которые по-новому оценили его деловые качества. Один крупный предприниматель, специализировавшийся на строительстве в пригороде, предложил Доуи миллион долларов за этот участок земли. Деньги буквально полились в инвестиционный фонд «Сион». Интерес общественности города был настолько велик, что пришлось открыть специальные отделы, которые должны были заниматься строительством домов.

Несомненно, проект «Сион» был самым грандиозным предприятием, когда-либо задуманным служителем Евангелия. Для его осуществления требовалось миллионы долларов. Все в нем было уникальным. Так, например, предполагалось, что земля не будет продаваться, но будет сдаваться в аренду на 1100 лет. По условиям аренды строго запрещалось хранить и использовать в пределах города Сиона табак, спиртные напитки и свиное мясо. Нельзя было открывать аптеки и врачебные кабинеты. Выдача лицензии на открытие игорных домов, театров, танцевальных клубов была просто немыслима. Основной целью таких суровых условий было создание чистой атмосферы для воспитания детей, которая должна была уберечь их от тлетворного влияния больших городов. Многие христиане были в восторге от такого проекта, который давал им возможность защитить свою душу от разрушительной работы вездесущего зла, присущего большим городам, в которых они вынуждены были жить.

Наконец, 14 июля 1900 года все члены «Скинии Сиона» отправились смотреть место будущего города. (Первая экскурсия состоялась в день рождения Вашингтона.) Д-р Доуи сделал несколько бросков лопатой на месте будущего Храма. Во второй половине дня он выступил с проповедью, в которой ярко нарисовал будущее города Сион. Артур Ньюкомб, нелестно отзывавшийся о д-ре Доуи, выразил основную идею его послания следующим образом:

«В пророческой проповеди главного настоятеля одна картина сменялась другой, еще более яркой; одно переживание сменялось другим, еще более сильным. Эти несколько тысяч человек были уверены, что способны осуществить план, желанный для многих поколений христиан. Они мнили себя царями и священниками Бога, чье господство скоро будет установлено во всем мире. Здесь, на этой освященной земле, они собирались воздвигнуть город — первое зримое свидетельство своей мировой империи. Затем такие же города должны были быть построены вблизи всех крупных столиц мира, включая Иерусалим. Их труд должен был увенчаться городом Иисуса, Великого Царя. Вместе они будут править миром, в котором больше не будет зла, болезней, нищеты и страданий».

Землемеры и бригада дорожных строителей работали в течение всего 1900 года, пока не началась зима. С наступлением весны следующего года к ним присоединились другие рабочие, которые производили межевание и топографическую привязку, размечали место для будущих улиц, садили деревья, строили канализационную систему. Работа шла полным ходом, так как многие семьи заявили о своем желании купить участок и переехать в Сион, как только земля будет выставлена для продажи на рынке недвижимости.

Началась работа по открытию различных индустриальных предприятий в городе, которые должны были обеспечить

рабочими местами будущее население Сиона. Так, например, оборудование и персонал для современной кружевной фабрики были импортированы из Великобритании. Это положило начало совершенно новой для Америки отрасли промышленности.

Также были разработаны планы строительства городского центра, зон отдыха, ландшафтных парков. Настойчивость тысяч людей, желающих начать строительство домов до наступления осени, была настолько велика, что продажу земельных участков решили начать немедленно.

Итак, 15 июля 1901 года несколько отделов по продаже недвижимости начали продажу лицензий. Как и ожидалось, сионский земельный отдел был буквально завален заявками на покупку участков. Строительство началось незамедлительно. Люди разбивали палатки и принимались за работу. Некоторые дома были красивыми добрыми строениями, другие — уродливыми, наспех сколоченными лачужками. Но строительный бум продолжался. В течение всего лета в любое время дня и ночи можно было услышать стук молотков.

И хотя не все шло согласно намеченным планам, в целом темпы строительства вполне устраивали Доуи. Даже его враги должны были признать, что его мечта об идеальном городе начинает сбываться. Земельные участки расхватывались сотнями. Десятки тысяч долларов потекли в банк Сиона, который обещал инвесторам высокие проценты. Общественный интерес к проекту Доуи продолжал расти. Теперь газеты печатали регулярные отчеты о ходе строительства в более вежливых выражениях, чем раньше.

С наступлением зимы строительные работы были временно остановлены, а весной 1902 года возобновились с новой силой. Вскоре было сдано несколько административных зданий. Гостиница «Илия», одна из самых больших в стране, готова была принять гостей. Начала работу фабрика по производству кружев, качество которых было настолько высоким, что они пользовались большим спросом на американском рынке. К концу лета 1902 года было завершено

строительство многих жилых домов и город мечты начал принимать конкретные очертания.

Глава 25

Утопия на земле

Итак, мы проследили историю жизни Джона Александра Доуи вплоть до зимы 1901-1902 годов. На первый взгляд может показаться, что звезда его судьбы находилась в самом зените. Несмотря на некоторые неприятные обстоятельства, в целом главный настоятель был доволен успехом своего проекта. Как-то он в порыве восторга похвастался: «Через пять лет в Сионе будет жить пятьдесят тысяч человек». Предсказывая быстрый рост Сиона, он говорил о необходимости приобретения такого количества земли, которого хватило бы для города в двести тысяч жителей. Уже тогда Доуи смотрел за пределы Сиона на озере Мичиган. Воодушевленный успехом, который считал окончательным и бесповоротным, он мечтал о строительстве других городов, подобных Сиону, в разных уголках мира.

Пока что все планы и мечты Доуи удивительным образом осуществлялись. Теперь за ним стояла многотысячная община сторонников, многие из которых не пожалели бы собственной жизни ради него, если бы возникла такая необходимость. Все эти люди считали себя частью великого дела, которое откроет новую эру на земле. Они были готовы работать не покладая рук, вкладывая себя в предприятие, которое, как они верили, должно закончиться только успехом. Они не допускали даже мысли о том, что в чем-то могут ошибаться.

Но некоторые из членов «Скинии Сиона» понимали, что не все складывается так удачно, как хотелось бы. Они не были врагами Доуи; среди них были искренне любившие его друзья, которые получили исцеление благодаря его служению. Обстоятельства, которые невозможно было проигнорировать, заставляли их чувствовать неясную тревогу, усиливавшуюся с каждым днем. Вскоре произошло событие, подтвердившее их опасения.

Административные методы, предложенные Доуи, вызывали беспокойство этих умудренных жизнью людей. Во-первых,

было непонятно, как должно действовать правительство нового города. Д-р Доуи пока не раскрывал свои планы относительно этого вопроса. Однако, постепенно его программа становилась более ясной. Так все управление городом Сион должно было быть сосредоточено в руках главного настоятеля. Функционирование демократических институтов, которые могли бы обеспечить баланс власти, не предусматривалось. «Сион будет теократией, а не демократией», — заявил он. Вскоре стало очевидным, что Доуи намеревался управлять не только основными аспектами этого огромного проекта сам, но также планировал взять под личный контроль все существование общины, вплоть до малейших деталей. Те, кто понимал, насколько ограничены человеческие возможности, задавались вопросом, как один человек, который есть всего лишь плоть и кровь, сможет осуществить такую грандиозную задачу.

Принимая во внимание намерения Доуи создать христианский город, было бы неправильным полностью отвергать его программу как несостоятельную. Любой благочестивый человек понял бы его желание оградить семьи общины от деградации и греховности, которые существовали в больших городах. На протяжении всей истории Церкви многие истинно Божьи люди пытались оградить себя от греха и беззаконий этого мира. Так, например, первые христиане продавали свое имущество и вырученные деньги клади к ногам апостолов. Крещенные силой Духа Святого, они думали только о том, чтобы «принимать пищу в веселии и простоте сердца», делясь со своим соседом благословениями, которые давало товарищество в Духе Святом.

Но такая духовная утопия не смогла бы долго существовать. Лицемеры типа Анании и Сапфирьи попытались проникнуть в церковную общину, но были обнаружены и устраниены, потому что там сильно действовали дары Духа Святого. Тем не менее, христианская община просуществовала недолго, столкнувшись с серьезными проблемами, которые возникли в результате несовершенства ее структуры. Так, греческие вдовы стали

жаловаться на то, что к ним несправедливо относятся, и, очевидно, это так и было, потому что апостолы сочли необходимым реорганизовать методы управления. Лидеры первой христианской Церкви понимали, что большую часть своего времени им приходилось тратить на незначительные обязанности.

Посоветовавшись, они решили полностью сосредоточиться на молитве и проповеди Слова, а ведение общинных дел поручили семи дьяконам, которые были выбраны всей общиной.

Святое Писание не поддерживает идею полного отделения христиан от всего остального мира. Наоборот, основная задача детей Божьих — нести этот свет миру, в котором они должны жить, оставаясь в то же время свободными от него. Во всяком случае, провидение Божье допустило великие гонения на раннюю Церковь в Иерусалиме, в результате чего первым христианам пришлось бежать в другие страны. Интересен тот факт, что многие из них, находясь вне пределов Израиля, продолжали нести слово Божье людям, выполняя этим самым великое поручение (Деяния 8:1,4). Так закончилось существование христианской общинной системы, которая была основой ранней Церкви. История не дает никаких свидетельств о том, что в последующие столетия эта система была возрождена в Церкви даже на короткий промежуток времени. Тот факт, что она существовала (ученые, изучающие Библию, считают, что она существовала около года), нельзя считать аргументом в ее пользу, хотя он свидетельствует о необыкновенной духовной благодати, явленной ранней Церкви. Существуют веские причины, объясняющие, почему общинная система, даже такая модифицированная, как предложенная Доуи (кстати, он никогда не выступал за обобществление всего), в сущности, имела мало шансов на успех в современном обществе. Не имея возможности обсуждать эту проблему детально, мы должны, тем не менее, отмстить, что существование такой системы в течение определенного периода времени может поддерживаться только силой, как это было в Советской России — по сути, рабовладельческом государстве.

Итак, д-ра Джона Александра Доуи не устраивала перспектива создания христианского города, в котором всеми делами будут управлять чиновники и деловые люди. И в этом он отличался от первых апостолов, которые предпочли передать управление повседневными делами общины выборным дьяконам. Д-р Доуи хотел единолично управлять и контролировать все стороны жизни в городе. Успех такого метода управления был маловероятен. По мере роста общины, расширения ее интересов и деятельности, становилось все более очевидным, что одному человеку будет не под силу эффективно руководить таким сложным организмом.

Кстати, родители автора данной книги переехали в город Сион сразу же после его основания. Томас А. Линдси, тогда еще совсем молодой человек, находился под сильным впечатлением от удивительных свидетельств о служении исцеления Доуи. Когда открылся город Сион, он решил переехать туда. Там он познакомился с молодой женщиной, дочерью Чарльза Рамси, который работал в универмаге. Вскоре они поженились и поселились в доме на улице Эммас, где родился автор этой книги. Джинни Паддок, чье удивительное исцеление послужило для Доуи знанием для открытия служения исцеления в Чикаго, присутствовала при его рождении.

Надеюсь, что читатель простит такое небольшое отступление от нашего рассказа, но свидетельства, рассказанные Джинни и другими исцеленными, привлекли внимание широкой общественности к служению Доуи и явились стимулом для переезда в город Сион не только родителей автора этой книги, но и многих других американцев. Однако прошло не так много времени, как они стали замечать признаки недовольства жителей города. Тс же самые недостатки, которые были в общинной системе ранней Церкви, стали проявляться и в структуре управления Сионом. Побуждаемые реальными или воображаемыми причинами, жители стали выражать свое разочарование. Некоторые покинули город, другие остались, чтобы присоединиться к недовольным. Эти и другие проблемы

отвлекали д-ра Доуи от его основного служения, принесшего ему успех и известность.

Кроме причин, упомянутых выше, концепция устройства чисто христианского общества имела и другие существенные недостатки. Так, например, она не учитывала того, что рождение свыше не могло передаваться по наследству от отца к сыну. Каждый человек мог стать христианином, только пережив личное откровение о Христовой благодати и собственной греховности. А Доуи не хотел признавать тот факт, что у многих истинных Божьих мужей и жен были дети, которые вели не такой праведный образ жизни, как их родители. Как показал опыт, в христианской общине закваска действует быстро. В языческой религии понятия могут передаваться от отца к сыну, и чем более выраженный языческий характер они имеют, тем быстрее и естественнее эти понятия усваиваются молодым поколением. В христианстве все по-другому. Жизненно важные постулаты христианства не совпадают с природой человека. Только подчинив свое естество власти Духа Божьего, можно стать истинным христианином.

Родители неспасенных детей надеялись, что атмосфера Сиона сможет оказать благотворное влияние на их сыновей и дочерей. Им суждено было горько разочароваться в своих надеждах и ожиданиях. Многие необращенные молодые люди, которые были уже достаточно взрослыми, чтобы их контролировали родители, не понимали и не были заинтересованы в осуществлении тех целей, ради которых был основан город. Растущие финансовые трудности и другие проблемы не способствовали духовному возрождению, которое изначально царило в городе и впоследствии могло бы помочь этим молодым людям получить настояще христианское переживание. Строгие правила и законы, установленные Доуи и его заместителями, были враждебно встречены многими молодыми людьми, которые при первой же возможности старались уклоняться от их исполнения.

Христианская община если когда-либо и существовала со времен ранней Церкви, то вряд ли была долговечной, так как

у неё не было той движущей силы, которая смогла бы увековечить ее существование. Так исторически сложилось, что общинная структура никогда не переживала периода расцвета, — следовательно, не могла эффективно способствовать распространению жизнеспособного христианства. Несмотря на отсутствие библейского и исторического precedента, планы построения города Сион были разработаны и приведены в действие. Но даже при самых благоприятных условиях весьма сомнительно, чтобы эти радужные надежды смогли полностью воплотиться в жизнь. Это не означает, что последующая история Сиона не могла быть совершенно другой, если бы не произошли некоторые неблагоприятные обстоятельства иного характера. К несчастью, неожиданно произошли роковые события, о которых мы сейчас собираемся рассказать, приведя в отчаяние тех, чье сердце и ум были переполнены заботой о благосостоянии Сиона.

* * *

Дело в том, что создание города-мечты на озере Мичиган было только частью грандиозного проекта д-ра Доуи, предполагавшего строительство христианских городов, подобных Сиону, по всему миру со столицей в Иерусалиме. Он верил, что церковь осуществит Божий план для Сиона, начертанный пророками в Слове, а слава, которой, в конечном итоге, будет наслаждаться Сион, по мнению Доуи, станет заслугой его церкви.

Таким образом, одной из основных целей, которые преследовал Доуи, приступая к осуществлению своего плана строительства Сиона, было установление контроля над Иерусалимом. В «Листьях исцеления» от 7 июня 1902 года он писал:

«Сион выкупит Иерусалим для Царя. Если нам удастся создать три, четыре, пять, шесть, семь или больше таких городов и получать доход в миллион долларов в год, мы сможем купить турков, мы сможем купить мусульман, мы сможем купить евреев, мы сможем купить всех неверных и овладеть святой землей Иерусалима. Мы приготовим ее к пришествию Христа, нашего Царя, на Его Святую гору Сион».

Доуи верил, что город-мечта, который он собрался построить, и будет Сионом из библейских пророчеств. Передовая статья, напечатанная в «Листьях исцеления» от 4 мая 1901 года, проникнута этой верой:

««И назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева». Эти слова являются частью славного пророчества о Сионе последних дней, которое Господь дал пророку Исаии. «От малого произойдет тысяча, и от самого слабого — сильный народ». Это время пришло. Мы стали тысячей. Мы стали десятью тысячами. Мы стали десятками тысяч. Малый еще станет сильным народом. С радостью мы говорим вероотступнической церкви: «Сион настал». С радостью мы обращаемся к Божьему народу по всей земле с посланием: «Сион настал»... Цветок еще не достиг полноты цветения, лето еще не в разгаре, но Сион уже настал».

Может показаться странным, что именно у Джона Александра Доуи появилось предчувствие надвигающейся беды. Его неотступно преследовала мысль о том, что его планы построения города для Бога принесут ему страдания. Это случилось на служении хлебопреломления в 1899 году. Во время одной из своих семейных бесед с церковью в Главной Скинии Сиона Доуи стоял с поднятыми вверх руками, слезы ручьем лились у него по щекам: «Иногда мне становится страшно при мысли о том, что меня ожидает судьба Моисея. Я буду отстранен. Да, Сам Господь отстранит меня и выберет другого, который поведет этот народ дальше. Настанет день, когда мне придется сказать: «Доуи удалось кое-что сделать, в то время как в действительности он никогда ничего не делал». Господь будет страдать, если я

присвою часть ставы себе, в то время как вся слава принадлежит Ему».

Антон Дармс писал об этом случае: «По всей видимости, это предчувствие было божественным предупреждением оставить проект и посвятить себя проповеди Евангелия, в особенности учению о божественном исцелении, и служить больным и немощным молитвой во имя Господа. Но он верил: город для Бога под названием Сион станет самой величайшей проповедью, которую он когда-либо произносил в своей жизни».

Глава 26

Доуи провозглашает себя Илиёй

Не было ничего удивительного в том, что проповеди Доуи производили такое огромное впечатление на людей, впервые переступивших порог Скинии. Джон Александр Доуи, с длинной белой бородой, стоял за кафедрой и громовым голосом обличал грехи падшего поколения. В эти минуты он был похож на пророка. Его внешность внушала доверие, а слова излучали силу и власть. Оглянувшись вокруг, новички видели необычайное, захватывающее дух зрелище: возле стен лежали отброшенные исцеленными людьми самые разнообразные кости, палки, ортопедические корсеты, металлические скобы, в которых они уже не нуждались, а их свидетельства не оставляли сомнения в реальности происходящего. Одни рассказывали о том, как долго и тяжело болели, а сейчас были исцелены; другие делились своими переживаниями о том, как их вырвали прямо из лап смерти. И так день за днем сотни и даже тысячи новых членов прилагались к церкви Доуи. И нужно сказать, что это не были случайные люди. В большинстве своем это были разумные христиане, преданные своему лидеру. Их верность и любовь могли служить примером для многих участников такого грандиозного проекта.

Много интересного можно было бы рассказать о Джоне Александре Доуи. Так, например, он обладал удивительной способностью пророческого видения. Он многое мог предсказать задолго до того, как это становилось реальностью. Например, во время чикагского собрания, которое состоялось 5 сентября 1897 года, он пророчествовал о возникновении радиовещания:

«Я буду выступать перед тремястами тысячами человек каждое воскресенье. Да, именно так и произойдет. Разве вы не знаете, что однажды в великом Храме Сиона, который у нас будет, мы установим специальный аппарат для улавливания

звучка, и я скажу: «говорит Сион. Мы обращаемся к друзьям Сиона в Нью-Йорке». Представляете?! И все, кто в болезни и печали, услышат такие свидетельства, которые можно услышать только со смертного одра. Придет день, когда все это станет реальностью. Так должно быть, и так будет, потому что Сам Господь говорил об этом много лет тому назад. Разве вы не знаете?»

Выступая с проповедью 16 октября 1904 года, он пророчествовал о скором наступлении эры телевидения и о его возможностях:

«Я не знаю всех возможностей электричества, но думаю, что оно может передать на расстояние изображение говорящего, то есть с помощью фотоэлектричества можно будет показывать человека в то время, когда он говорит. И слово, произнесенное здесь сейчас, можно будет услышать в каждом городе Соединенных Штатов. Настанет день, когда это станет явью и слово, произнесенное в «скинии Сиона», будет услышано в самых отдаленных уголках земли». (*«Листья исцеления», том 16, № 1, стр. 15.*)

Только в одном просчитался Доуи: он неверно оценил свое участие в исполнении пророчества. Правда, годами позже в Сионе была построена станция на пятьдесят тысяч ватт, которая могла передавать радиосигнал на довольно большое расстояние. Хотя это событие произошло уже после того, как Доуи сошел со сцены, оно нисколько не умаляет его удивительного предвидения будущего мирового технического прогресса. Ни один служитель того времени не мог сравниться с Доуи по глубине и точности пророчеств.

Но те, кто знал его, в особенности его близкие друзья и соработники по чикагскому служению, смутно понимали, что с их лидером что-то происходит. И хотя изменения были незаметными, трудноуловимыми, одно было, несомненно: Джон Александр Доуи, который жил в двадцатом веке, был

уже не тем Джоном Александром Доуи, который проповедовал в «маленькой деревянной хижине» у ворот Всемирной Ярмарки в Чикаго.

В то время, когда создание Христианской Вселенской церкви близилось к завершению, один из сторонников Доуи сказал (см. гл. 21), что, по его мнению, Доуи обладает всеми качествами апостола. Ответ Доуи является классическим примером смирения и такта: «Я не считаю, что достиг глубин настоящего смирения. Я не думаю, что достиг глубин истинного уничижения и самоотречения, столь необходимых для высокого звания апостола, и постиг их так, как тот, кто сказал: «Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом...» В стремлении к апостольскому званию главное не в том, чтобы подняться выше, а чтобы уменьшить себя. Смысл апостольства не в том, чтобы стать господином над Божиим наследием, а в том, будет ли называться апостолом человек, который в состоянии смирить себя настолько, насколько это возможно для него. Многие из вас имеют абсолютно неверное представление о власти в Божьей Церкви. Власть в Церкви отличается от власти в правительстве Соединенных Штатов, где каждый человек, подгоняемый своим собственным честолюбием, гордыней и личными интересами, изо всех сил карабкается на вершину пирамиды власти, состоящей из его коллег. Власть в Церкви заключается в способности верующего уменьшаться все больше, больше и больше — до тех пор, пока он не поставит свою душу, дух и тело ниже погрязшего в грехах и изъеденного болезнями человечества и будет готов жить и умереть за людей и за Него, Который жил и умер за них».

Эти слова Джон Александр Доуи произнес в 1896 году. Он говорил искренне, специально не готовясь ответить человеку, пытающемуся приписать ему роль, на которую он, по его мнению, не смел претендовать. Эти слова продемонстрировали способность Доуи ясно видеть опасность, таящуюся в превозношении собственного «я», опасность, которую он всячески хотел избежать. И все же это был не тот Доуи, каким его знали в 1900. Глубокая перемена, о которой он сам и не подозревал, произошла в его

характере, в самой его сущности. Словно какая-то странная эрозия разрушила жизненно важную функцию его разума, изменив его мировоззрение и способность к здравому суждению. Какие обстоятельства способствовали таким изменениям? На этот вопрос мы ответим позже, а сейчас давайте посмотрим, как эта умственная метаморфоза привела к странному заявлению, которое Доуи сделал в июне 1901 года, перед началом строительного бума, в результате которого на месте лугов и пастбищ должен был возникнуть город. Его заявление было настолько странным и даже пугающим, что близкие люди, услышав его, буквально потеряли дар речи от изумления. Доуи открыто заявил, что он есть никто иной, как сам Илия-Восстановитель, чей приход еще сотни лет назад был предсказан пророками.

В, первые годы служения в Чикаго с Доуи произошел любопытный случай. Однажды к нему подошли несколько незнакомцев, которые не пожелали себя назвать, и заявили, что Бог дал им откровение. Они торжественно заявили, что человек, с которым они в данный момент говорят, — это Илия-Восстановитель, чей приход на землю накануне «великого и ужасного дня Господня» был предсказан в двух последних стихах Ветхого Завета. В ответ на это абсурдное заявление Доуи резко отчитал новоиспеченных пророков и прогнал их, строго предупредив, чтобы больше они никогда даже не пытались произнести что-нибудь подобное в его присутствии. Но этот случай имел непредвиденные последствия. Слова, посевянные в тот роковой день, время от времени вспоминались ему. По его собственному признанию, как он ни пытался отогнать от себя это «пророчество», оно снова возвращалось. Казалось, какой-то голос говорил ему: «Илия должен прийти. И кто, как не ты, делает его работу?» Прошло время. И вот однажды с ним произошло невероятное: все его сознание было потрясено глубоким убеждением, что он действительно Илия, тот, о ком пророки говорили, что он придет и восстановит все разрушенное. Это переживание было настолько сильным, что поглотило все его естество. С того самого часа Джон Александр Доуи был убежден, что он — • Илия, что его миссия была предсказана

в Святом Писании и что он должен немедленно приступить к ее исполнению и восстановить все разрушенное, как говорили пророки.

В следующей главе мы поговорим подробнее об этих странных обстоятельствах. Сейчас же мы не можем не задать риторический вопрос: возможно ли, чтобы Доуи воспринял свой огромный успех в служении исцеления, который дал ему беспрецедентную власть и способность влиять на умы и чувства людей; возможно ли, чтобы Доуи воспринял свое служение, которое не дано было больше никому из его современников, как знак с небес начать предприятие, неоправданное с точки зрения пророчеств и Божьего промысла?

Приблизительно в то же время Доуи делает еще одно заявление, в котором утверждает, что то же самое внутреннее убеждение открыло ему, что он является осуществлением пророчества Моисея из Второзакония 18:18,19:

«Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого, как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые Пророк тот будет говорить Моим именем, с того Я взыщу...» Как читатель может убедиться сам, это пророчество апостол Петр безошибочно отнес к Господу Иисусу Христу (Деяния 3:20-23), о Котором так страстно говорил евреям, как об их Мессии.

Кроме этого, Доуи также утверждал, что та же самая духовная интуиция подсказала ему, что он есть Посланник Завета, предсказанный в Малахии 3:1-3. Данное же пророчество практически каждый исследователь Библии считает относящимся к Иисусу Христу.

Таким образом, Доуи рассматривал свое пророческое служение как имеющее тройную миссию: Посланник Завета, Пророк, предсказанный Моисеем, а также Илия-Восстановитель. Именно так и говорилось о его служении в клятве, которую должен был произнести каждый член сионского Воинства восстановления, организованного Доуи накануне поездки в Нью-Йорк.

Мы не собираемся останавливаться на том, как Доуи объяснял два первых пророчества, потому что именно его заявление о том, что он — Илия, привлекло к нему всеобщее внимание. Это поразительное утверждение, сделанное в июне 1901 года, было немедленно опровергнуто всеми религиозными лидерами во всем мире. Одни объявили д-ра Доуи самозванцем и шарлатаном. Другие, кто верил в его служение, с грустью в сердце отмечали, что он стал жертвой пааноидальной идеи. Тем не менее, большинство членов «Скинии Сиона», хотя и с некоторой нерешительностью и опасением, но все же поддержали провозглашение Доуи себя Илией.

Наша задача не в том, чтобы судить, насколько истинным или ошибочным было это заявление. Читатель без труда сможет сделать свой собственный вывод об этом. Однако нужно отметить, что служение Доуи удивительно напоминало служение Илии. Что касается чудес, то это, конечно, имело больше общего со служением Илии, нежели со служением Иоанна Крестителя, которого Христос называл «Илия, которому должно прийти». Иоанн не творил чудес. Без сомнения, Бог использовал д-ра Доуи самым удивительным образом для того, чтобы поднять веру в Него как Иегову-Рафа, Целителя Своего народа. Более того, как и Илия Ветхого Завета, Доуи с огромной силой бросил вызов вероотступникам своего времени.

Но если бы он и был Илия, то какой трагической ошибкой было провозглашать себя таковым! Иоанн Креститель называл себя «голосом вопиющего в пустыне». Когда его спросили, не Илия ли он, Иоанн ответил: «Нет». И все же, Христос позднее назвал Иоанна Илией (Матфея 11:14)! Иисус восхищался смирением Иоанна, который сказал: «Ему должно расти, а мне умаляться». Иисус говорил, что «из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя».

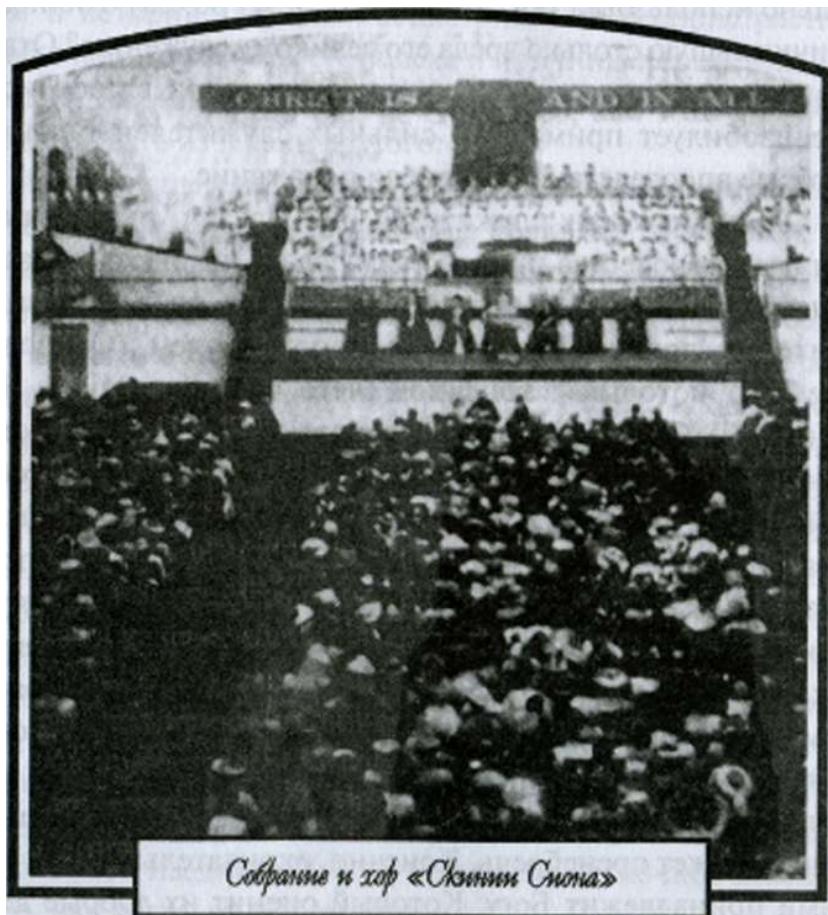
Теперь становится очевидным, что Доуи начал свой проект создания города Сиона с трагической ошибки. Вообще, сама идея сделать такое заявление имела не библейский дух. Для сравнения вспомните удивительнуюдержанность Господа

Иисуса Христа, когда Он говорил о Своей миссии. Вместо того, чтобы открыто заявить о Своем мессианстве, Христос неоднократно запрещал Своим ученикам открывать Его Личность (Матфея 16:20). В ответ на попытки толпы объявить Его царем Израиля — кем Он, в действительности, и был, — Иисус намеренно избегал их и уходил в горы.

Какую же цель преследовал Доуи, делая подобные заявления? Его влияние на умы людей было настолько сильным, что ему вряд ли нужно было провозглашать себя Илией, чтобы усилить это влияние. Но в действительности все получилось наоборот. Многие верующие были очень преданы ему. Так, например, из далекой Австралии семьи с готовностью поднимались со своих насиженных мест и ехали в Америку, чтобы с риском для себя вложить все, что имели, в строительство Сиона. Более того, его заявление стало мощным оружием для врагов, которые с готовностью использовали его. Появилась сильная оппозиция, окрестившая Доуи самозванцем и обманщиком. С тех пор строительство Сиона, которое вначале шло феноменальными темпами, сократилось до черепашьего шага. Какими бы ни были притязания Доуи на сходство с Илией — справедливыми или ошибочными, — не подлежит сомнению, что его закат начался именно в тот самый час, когда он сделал это заявление.

Ведь если Доуи не был Илией, то, сделав такое заявление, он стал жертвой ужасного заблуждения. А если он действительно был Илией, то смог бы достичь намного большего и без такого заявления. Иоанн Креститель, который пришел в духе Илии, как об этом свидетельствовал Христос, не объявлял себя Илией, и, тем не менее, кто может отрицать, что его служение было в высшей степени успешным? Если бы Доуи воздержался от подобных высказываний, то выиграл бы все и ничего не потерял. История церкви свидетельствует, что до того, как он объявил себя Илией, его служение имело очень много общего со служением ветхозаветного Илии. Но как только это заявление было сделано, сходство стало исчезать.

В 1896 году подобное заявление было просто немыслимым, потому что тот же самый Джон Александр Доуи выступил бы против него со всей силой, на какую только был способен. Что заставило Доуи в 1901 году ухватиться за эту идею, принять ее и рискнуть всем, сделав такое заявление перед всем миром? Без сомнения, он был искренен в своем заблуждении. Он непоколебимо верил в свое сходство с Илией. Вопрос заключается в другом: какая причина или ряд причин произвели такую странную метаморфозу в характере и мышлении человека, которого Бог использовал так сильно, как немногих до него? Ответ на этот вопрос читатель найдет в следующей главе.

Глава 27

Тучи над Сионом

Читатель, незнакомый со всеми обстоятельствами жизни Доуи, наверное, удивится таким странным изменениям в этом Божьем муже, который был благословлен Богом, как немногие в истории Церкви. Почему человек, которого так сильно использовал Бог, мог допустить эту роковую ошибку, причинившую столько вреда его великому служению? Отвечая на этот вопрос, мы должны помнить, что Святое Писание изобилует примерами сильных служителей Божьих, которые впоследствии потерпели поражение.

Одним из таких служителей был Валаам, чьи вдохновенные пророчества принесли ему славу человека, обладающего замечательным даром. Тем не менее, он был признан учителем ложных доктрин и прорицателем (Откровение 2:14), который, в конечном счете, был убит (Иисус Навин 13:22). Саул, помазанный на царя, был настолько скромен и застенчив, что понадобились услуги пророка, чтобы найти его и привести к народу (1 Царств 10:21,22). Гордыня и зависть свели Саула в могилу. Его приемник Давид, поэт и певец Израиля, оплакивая смерть Саула, воскликнул: «...как пали сильные!» (2 Царств 1:19). А сам Давид, человек, столь угодный Божьему сердцу, был повинен в страшном грехе прелюбодеяния и убийства (2 Царств, гл. 11). История жизни и поражений таких мудрых и сильных царей, как Соломон и Аза, — яркое предупреждение, которым только глупец может пренебречь. Конечно, окончательный суд над ними принадлежит Богу, Который оценит их добрые дела и степень возложенной на них ответственности. Что касается Джона Александра Доуи, то мы считаем, что при всех его ошибках, он умер, имея в душе Божий мир.

И все-таки, где-то на его жизненном пути произошел сбой, результатом которого стало роковое решение, имевшее далеко идущие последствия. Изучая жизнь этого человека, важно выяснить причины, которые положили печальный конец такому выдающемуся служению.

Предстоящие события имеют длинные тени. Ничто в мире, который управляет законом, а не простой случайностью, не происходит без причины. И в этом смысле жизнь Джона Александра Доуи может служить самым ярким уроком в истории Церкви. Рассматривая ее беспристрастно, чтобы понять секреты его успеха и причины поражения, мы увидим, как много ценного для себя один человек может позаимствовать из жизни другого.

В дни испытаний Доуи научился полностью полагаться на Бога. Когда ему уже неоткуда было ждать помощи, он отдавал свою жизнь на милость и волю Всевышнего. Но вот к нему пришел ошеломляющий успех: тысячи начали богочестоворить его, и он, очевидно, уже не чувствовал такой потребности в Божьей защите. Он позволил себе стать слишком занятым... Какая роковая ошибка! Скольких разочарований и испытаний он мог бы избежать, если бы подошел к решению многих важных вопросов с позиции Божьей мудрости! Сколько роковых ошибок Божьи мужья и жены не совершили бы, если бы нашли время остановиться и посоветоваться с Богом о жизненно важных вопросах, стоявших перед ними! Читая «Листья исцеления», содержащие подробную картину деятельности д-ра Доуи, мы видим человека, который постоянно очень много работал. Часто он трудился всю ночь, чтобы закончить то, что наметил сделать. Он уже не проводил долгие часы наедине с Богом, вглядываясь в ночное звездное небо, как когда-то в Австралии.

Христианская война — это поистине молитвенная война. Все силы ада восстали против смелого служения веры Джона Александра Доуи. Когда он поклонялся под сенью Всемогущего, демоны скрежетали зубами в бессильной ярости. Он вскрывал и обличал тяжкие ошибки прошлых столетий, срывая коварные замыслы царства тьмы. Но разве сатана мог позволить такое? Доуи постепенно втягивался в различную мирскую деятельность, на которую уходила не только каждая свободная минута днем, но порой почти вся ночь. У него не хватало времени, чтобы убедиться, что Божья ограда вокруг него остается нерушимой — та ограда, которая

делала его неуязвимым для самых яростных атак врага (Иов 1:10). Конечно, Доуи был не единственным служителем, который совершил такую ошибку. Средний возраст это опасный период в жизни человека, и только немногие смогли устоять и не поддаться соблазну духовно передохнуть, расслабиться (это нечто совсем другое, чем физическое расслабление). Разница между Д-ром Доуи и другими служителями состояла в том, что он к тому времени был лидером, за которым следил весь мир. Ошибки других будут забыты, а сами они, преданные забвению, тихо сойдут с исторической сцены. Но люди, подобные Доуи, чье служение имело мировую значимость, не могут уйти незамеченными.

Не всегда постоянный труд без передышки является добродетелью. Иногда такой труд может стать грехом, разрушающим тело. Иисус говорил о необходимости физического отдыха. Однажды Он взял Своих учеников и пошел с ними в пустыню, где они могли побывать одни и отдохнуть. Этим Иисус показал, что человеческому телу необходим отдых. Без физической передышки не только не выдержит тело и сдадут нервы, но истощится мозг, в результате чего умственные способности человека станут настолько неустойчивыми и слабыми, что он будет не способен на сбалансированные суждения.

Судья Барнес, преданный друг д-ра Доуи, видевший все его ошибки, сказал в своем послании, посвященном памяти главного настоятеля, что это был самый большой труженик, которого он когда-либо знал.

«Д-р Доуи никогда не отдыхал, ни одного дня из семи. В течение недели он успевал решить множество вопросов, связанных с образовательной системой, издательской работой, пасторскими обязанностями, проведением служения божественного исцеления, консультированием людей. Он много выступал публично, оказывал неоценимую помощь в решении важных проблем жизни города. Закончив все эти дела, Доуи выходил на сцену в священный день субботы, шаббат, и говорил по пять, шесть, восемь, а иногда и

девять часов подряд. Все это привело к тому, что однажды его организм не выдержал. И когда мы начали увершевать его и говорить, что ему не следует так много работать, он обещал нам изменить свой рабочий график. Я знаю, что однажды он работал сорок три часа кряду.

В работе он не знал меры. Я думаю, что Доуи мог бы организовать свою работу таким образом, чтобы не перегружать себя, но как трудно установить рамки для гения. Бывали дни, когда он был не в состоянии ревизовать одну из самых удивительных способностей, данных человеку, — способность спать. Хроническая бессонница стала причиной многих расстройств в его организме. У него появилось ощущение постоянной усталости и боли. Наконец, его физическое состояние настолько ухудшилось, что о нем можно было бы сказать: «Он спасал других, а себя спасти не может».

В своих воспоминаниях судья Барнес рассказывал, что Д-р Доуи не один раз обещал быть умеренным в работе, но потом «...он постепенно опять возвращался к своим старым привычкам. Нарушать закон — грех. Я не имею в виду грех как следствие морального проступка в обычном смысле слова, но как нарушение закона Божьего, которое не может остаться безнаказанным. Человек нарушает законы Божьи, ведя слишком напряженный образ жизни. Как невозможно пренебречь законами гравитации, точно так же невозможно пренебрегать законами, регулирующими сон и работу».

Есть такое мнение, что привычка Доуи работать больше, чем может вынести человеческий организм, постепенно подорвала его физическое здоровье настолько, что он, в конце концов, потерял способность к здравым суждениям, став жертвой своих собственных слабостей и недостатков.

В характере Доуи появилась ещё одна странная особенность, которая, с одной стороны, помогала ему

действовать быстро и решительно по всем вопросам, а, с другой стороны, вызывала серьезную тревогу. Так, у него вошло в привычку не советоваться с другими по важным вопросам. Чтобы понять, почему он так поступал, нужно вспомнить, что Джон Александр Доуи много лет работал со священниками, чье служение было духовно слабым и неэффективным, главным образом, из-за собственной вялости и безразличия. Он полностью перестал им доверять, когда понял, что эти служители намеренно игнорировали, а иногда открыто отрицали великие евангельские истины, в частности, божественное исцеление. Многие церкви находились в теплом состоянии на момент передачи их под попечительство Доуи. Когда его собственное служение переживало нелегкие годы становления, рядом с ним были немногие, на чей совет он мог положиться и на чью помочь мог рассчитывать в своем стремлении к познанию Бога.

Со временем все чаще и чаще ему приходилось полагаться только на свои силы в решении важных насущных проблем. Годами он боролся в одиночку, проповедуя Евангелие исцеления. Доуи стал объектом постоянного преследования церковных властей всех уровней. Поэтому неудивительно, что в его жизни наступил такой момент, когда он мог доверять только себе одному, постепенно впадая в то же самое заблуждение, что и Илия: нет больше на земле ни одного человека, кто бы стремился к настоящей истине, кроме него одного.

Это заблуждение стало трагической ошибкой, которая изолировала его от тех, кто мог бы дать ему дальний совет. Ведь Бог постановил, что члены Тела Христова должны быть открытыми друг перед другом для совета и мудрости. В ранней Церкви христиане полагались не только на откровения. Когда возникала проблема или какое-то непредвиденное обстоятельство, которое требовало решения, апостолы и старейшины собирались вместе, советовались и приходили к общему согласию по тому или иному вопросу. Доуи все решат сам, только иногда советуясь по отдельным незначительным вопросам. Таким образом, он лишил себя возможности получать ценные советы от своих

сподвижников, которые могли бы уберечь его от поспешных решений и действий.

Ему следовало бы понимать, что человеку, такому как он, которого так легко смог обвести вокруг пальца тот, кто был его ближайшим доверенным лицом, не следовало слишком полагаться на свое собственное благоразумие и проницательность, но быть более осторожным и прислушиваться к советам окружающих его людей. Эта черта стала серьезным недостатком характера Доуи и, без сомнения, одним из решающих факторов его неудач и провалов, которых могло бы не быть, если бы он прислушивался к мнению других.

Без сомнения, Джон Александр Доуи — выдающийся служитель, благодаря которому были восстановлены некоторые великие Божьи истины в жизни и деятельности современной Церкви, но в простых повседневных делах его суждения были ошибочными и неэффективными. Так нередко бывает у тех, кто достиг большого успеха в определенной области. Как правило, у них хватает мудрости не отвергать совет других, чье мнение в определенных вопросах они считают более компетентным, чем свое собственное, в частности, по вопросам ведения бизнеса.

В течение долгого времени Джон Александр Доуи практически в одиночку вел тяжелую борьбу за признание реальности Божьего исцеления. (Правда, были и другие служители, — например, д-р А. В. Симпсон, — которые проповедовали Евангелие исцеления, но были известны только в своей собственной стране.) Когда Доуи впервые приехал в Америку, его страстное слово было принято некоторыми церквами, которые пригласили его проповедовать перед большими группами церковных служителей. Обращаясь с кафедры к представителям разных деноминаций, Доуи всегда был достаточно терпимым и тактичным по отношению к сидящим перед ним людям. Но такое добродушие и снисходительность не могли долго продолжаться, поскольку лидеры высших кругов духовенства с неодобрением смотрели на его служение исцеления. Они опасались, что если Доуи будет продолжать выступать, у них

могут возникнуть неприятности, которые рано или поздно нарушают общий мир между церквами. Вскоре в церковных периодических изданиях стали появляться нападки на Доуи и его служение исцеления.

Когда Джон Александр Доуи понял, что церковные лидеры повернулись против него, он перестал их щадить. Большой мастер обличения, он обвинял их в вероотступничестве, выражавшемся в отрицании Божьей силы исцеления. Но, обличая, ему следовало бы следить за тем, чтобы его собственный дух не пострадал в бушующем пламени противостояния. Однако Доуи, всегда такой чувствительный к критике, которая неоднократно обрушивалась на него мощным потоком, стал проводить все больше и больше времени, особенно после провозглашения себя Илией, за проповеднической кафедрой, обличая и бичуя своих врагов. И, как естественный результат всего этого, первым пострадал его дар проповедника слова Божьего. Изменение манеры проповедовать с печалью отмечали многие члены сионской общины. Ситуация продолжала ухудшаться. Очевидно, д-р Доуи решил, что Бог позволил ему осуществлять суд над всеми людьми. Постепенно его широкомасштабное служение, которое было в центре внимания всего мира, свелось к узкой деятельности с явным сектантским характером, что ограничило Божью программу эгоистичным стремлением к достижению собственных целей. Постепенно его проповеди превратились в критику врагов, лекции о правильности тех или иных политических взглядов, призывают делать щедрые пожертвования на строительные проекты города Сиона и т.п. Медленно, но верно д-ра Доуи затягивала рутина повседневной жизни.

Миссис Джин Доуи

Какую роль сыграла миссис Доуи в неудачах и ошибках мужа? Некоторые утверждают, что она явилась основной причиной его заката. Когда материальное и финансовое благополучие пришло в семью Доуи, Джини оставила свои скромные привычки. Она стала покупать для себя в Париже

дорогие наряды и другие предметы роскоши, которые могли I позволить себе только очень богатые люди. По некоторым свидетельствам, она превратилась в сварливую, всем недовольную женщину. Во всяком случае, факт остается фактом, что в последний год жизни д-ра Доуи в его отношениях с женой произошло отчуждение, что очень печально.

Тем не менее, некоторые обстоятельства говорят в пользу миссис Доуи. В годы крайней нужды и гонений она всегда была рядом с мужем, без единой жалобы разделяя его тревоги, неудачи, боли и разочарования. Доуи вынужден был продавать домашнее имущество — мебель, картины, — чтобы выручить деньги для продолжения дела, начатого Христом. Не каждая жена безропотно перенесла бы такое. Много часов I/ вместе с мужем она провела у постелей больных, пока он молился за их исцеление. Она знала, что такое страдать за I Христово дело. Позже миссис Доуи сама часто проповедовала, и была весьма благосклонно принята слушателями. Она написала несколько интересных статей для «Листьев исцеления», в которых чувствуется ее искренний интерес к Божьей работе. Но самое замечательное то, что практически до конца жизни д-р Доуи всегда очень высоко отзывался о своей жене.

И вместе с тем несомненным является тот факт, что в последние годы наблюдался некоторый духовный спад в жизни миссис Доуи. Такое обычно происходит теми, кто неожиданно становится обладателем большого богатства. Вряд ли Джини была неистощимым источником духовной силы для мужа в решающие моменты его жизни, но она, без сомнения, служила в определенной степени стабилизирующим фактором в жизни человека, которого так сильно использовал Бог. Более того, жить рядом с таким человеком, как Доуи, было совсем непросто, и, наверное, найдется немногих женщин в истории, которые оказались на уровне требований такой жизни.

Благодаря необыкновенному успеху в Чикаго служения исцеления Доуи, Джини получила неожиданный доступ к большим деньгам и, к сожалению, не смогла устоять перед

соблазном иметь изящную модную одежду и дорогие украшения. Говорят, что под ее влиянием муж тратил огромные суммы на отделку собственного жилья и оборудование Дома «Сион». И все же нельзя винить одну Джини во всем том, что произошло с Доуи. Может быть, она и была слабым утешением для него в часы испытаний, но вряд ли ее можно обвинять в его последующих несчастьях. Джини пережила мужа на двадцать шесть лет и умерла в 1933 году. Как свидетельствуют документы, она жила и умерла христианкой.

Какова бы ни была причина, ясно одно: Доуи утратил простоту жизни тех лет, когда Господь с такой силой действовал через него. Нужно отметить, однако, что в самом начале служения Доуи предпочел тернистый путь тем удобствам и выгодам, которые сулило ему спокойное сытое пасторство.

Покидая Ньютон в Австралии, он продал большую часть своего имущества, чтобы иметь возможность выполнить то, что, он верил, было Божьей волей для его жизни.

Материальное благополучие, которого он достиг в Америке, в конце концов, заставило его изменить свой скромный образ жизни. Он решил, а миссис Доуи, наверняка, поддержана его, что ему необходим отдельный особняк, в котором он сможет заниматься делами, принимать важных особ. Когда большое здание в несколько этажей было закончено, его обставили дорогостоящей мебелью.

Простые люди города Сион, живущие в скромных жилищах и влакившие жалкое существование на десять-пятнадцать долларов в неделю, не могли не подумать, глядя на это впечатляющее строение: «Не слишком ли оно роскошно для таких целей». Постепенно д-р Доуи стал отдаляться от своих старых друзей и соратников, с которыми ему довелось так много пережить и испытать. В их отношениях уже не было прежней теплоты и взаимопонимания.

Все эти обстоятельства должны были бы послужить предупреждающим сигналом для Доуи. История учит нас на многих примерах, что духовное влияние Божьего мужа

начинает ослабевать, как только его образ жизни, по мнению окружающих, становится неоправданно роскошным.

На жизнь и деятельность Джона Александра Доуи существовало две диаметрально противоположные точки зрения. Одни утверждали, что он шарлатан и самозванец, а другие верили, что он вообще никогда не ошибался. Мы считаем, что ни то, ни другое мнение не является верным. Тщательно изучив все события его служения и проанализировав большие периоды его Жизни, мы пришли к выводу, что Господь специально поднял его для того, чтобы он провозгласил начало новой эры в Церкви — эры веры. В большей части он выполнил эту задачу, но к концу жизни под влиянием существенных факторов, возникновению и развитию которых он невольно способствовал сам, его поведение и привычки изменились настолько, что ошибочные представления, которым он поддался, оказали сильное негативное действие на его способность здраво мыслить.

Например, некоторые исследователи считают, что он потерял рассудок, но такое утверждение ошибочно. До конца жизни ум д-ра Доуи оставался удивительно ясным, за исключением некоторой странной особенности, о которой мы расскажем позже. За несколько месяцев до смерти он опубликован заявление, в котором пытался защитить свою позицию. Манера изложения отличается точностью, характерной для его мышления в течение всей его жизни.

Никаких признаков раздвоения личности, которое сопровождается необычной двойной реакцией мозга. Острая форма этого заболевания известна под названием «комплекс д-ра Джекила и м-ра Хайда». Такое явление не редкость, но к Доуи оно не имело никакого отношения. Его натуре была чужда эмоциональная нестабильность. Необходимость жить и работать в условиях постоянного психологического давления только усиливала понимание стоящей перед ним задачи. У некоторых сложилось впечатление, что Доуи страдал манией преследования. Но в большинстве случаев преследования были реальными, а не выдуманными.

И все же нужно признать, что в мыслительной способности д-ра Доуи произошли существенные изменения, впоследствии оказавшие сильное влияние на его служение.

На фоне колоссальных умственных перегрузок, следствием которых стала быстрая физическая утомляемость, а возможно, и еще каких-то неизвестных нам причин, у него развилось состояние, известное под названием «навязчивая идея», которое странным образом изменило его личность. «Навязчивая идея» — это способность мозга формировать впечатления или идеи, которые не имеют адекватного подтверждения в реальной жизни.

Это распространенное явление, хотя с этим утверждением не все согласны. Так, значительно большее количество людей, чем принято считать, страдают от этого состояния или состояния, граничащего с «навязчивой идеей». Таких людей часто называют странными или эксцентричными. Иногда они могут занимать довольно высокие посты. Их считают безобидными людьми, которые не в состоянии причинить никакого вреда. К сожалению, это не всегда так.

Как в случае с д-ром Доуи, человек, подверженный «навязчивой идеи», может оставаться высоко интеллектуальным и абсолютно рациональным в суждении обо всех предметах до тех пор, пока его ум не наткнется на некоторое препятствие. И тогда рациональность суждений уступает место «навязчивой идеи». Если человек занимает высокое положение, если он имеет власть, его умственную эксцентричность не всегда можно сразу распознать. Именно так и произошло с Доуи. Тем более, что его сторонники и последователи давно привыкли к его смелым необычным предприятиям.

Особенность «навязчивой идеи» заключается в том, что она полностью овладевает умом человека. Это состояние можно сравнить с образами, которые возникают в мозгу спящего человека. Подсознательная память воспринимает те картины, которые генерирует и передает ей мозг. После пробуждения сознательная память с ее способностью различения тотчас «стирает» все картины и образы, которые не соответствуют реальности. В состоянии «навязчивой

идеи» нереальный образ или картина остается в сознании все время.

Такая необычная мыслительная вера в абстрактную идею отличается от знания о предмете или явлении, которое человек приобретает с помощью своих пяти чувств и которое можно доказать на основе физических законов. Эти знания коренным образом отличаются от знаний, которые мы получаем через веру и которые находятся в гармонии с духовными законами. Например, мы принимаем верой свое рождение свыше. Оно не является чем-то таинственным, странным, не поддающимся объяснению. Рождение свыше — реальность, которую можно доказать всякий раз, когда грешник каётся и просит Господа спасти его.

Но мозг, пораженный синдромом «навязчивой идеи» не нуждается ни в духовных, ни в естественных доказательствах. И чем абсурднее «навязчивая идея», тем с большим упорством человек «цепляется» за нее. Став частью его мышления, «навязчивая идея» овладевает им настолько сильно, что все остальное меркнет в сравнении с ней.

Будучи весьма распространенным явлением, «навязчивая идея» может оказывать сильное влияние на взгляды и убеждения как верующих, так и неверующих. Например, теория эволюции. При всей несостоятельности ее упорно поддерживают некоторые ученые, которые в других областях знаний проявили себя как глубокие мыслители. То, что эту абсурдную теорию, утверждающую в нарушение всех рациональных доказательств и человеческого опыта, в нарушение основного закона естественного мира — закона о сохранении материи и энергии, — что что-то возникло из ничего, могут серьезно воспринимать зрелые ученые мужи, можно объяснить только тем, что их разум находится в заблуждении. Они не только держатся за свою ошибку мертвой хваткой, фанатично преданы ей, но также настойчиво стараются навязать свои взгляды другим, например, пытаются насильно обучать своим взглядам в школах. Такая «навязчивая идея» является, очевидно, из разряда таких, о которых сказано во Втором послании к

Фессалоникийцам 2:11-17 «сильное заблуждение», охватывающее нечестивых людей, склонных к неверию.

Есть и другие виды одержимости, менее серьезного характера, которые не в состоянии произвести глубоких изменений в душе. Многие известные в своей области знаний люди были подвержены комплексу «навязчивой идеи». Вильям Рандольф Харст был известен своим эксцентричным поведением. Коллекционирование антиквариата превратилось у него в манию. Однажды он купил в Европе старинный замок, приказал разобрать его и перевезти в Америку. После этого он так и не вспомнил о нем. Генри Форд построил целую автомобильную империю. Модель «Т» в определенном смысле произвела настоящую революцию в американском образе жизни. В последние годы жизни у него появился целый ряд всевозможных фобий. Так, Форд утверждал, что его окружают враги. И чтобы защитить себя от воображаемой угрозы, он организовал шпионскую сеть на своем огромном автомобильном заводе. Убеждение, не имеющее рационального основания в действительности, называется навязчивой идеей или манией. Так, Генри Форд вообразил, что может остановить мировую войну в Европе, если отправит туда корабль с миротворческой миссией. Принимая во внимание размах и характер конфликта, даже школьнику было понятно, что это предприятие никогда не имело бы успеха.

Те же самые слабости и недостатки, свойственные людям в миру, могут проявиться и у верующих, если они позволят себе духовно расслабиться. Чтобы понять Божьи тайны, нужно иметь чистое сердце, способность к рациональному суждению, молитвенный, благоговейный подход к познанию Божьих путей. Нет более благодатной почвы для совершения ошибки, чем бездуховный, беспечный ум, пытающийся исследовать широкие просторы Божественного проявления. Апостол Павел не один раз предупреждал, что верующие должны придерживаться «здравого учения», альтернативой которому может быть только словоблудие или странные поступки, нарушающие дух Евангельской истины и ведущие к расколу в Теле Христовом.

Великая практическая ценность библейского учения подтверждена Святым Писанием и не требует изощренных доказательств в свою пользу. В благотворном влиянии этого учения на жизнь человека можно легко убедиться на многих примерах. С другой стороны, есть такие теории, которые по природе своей имеют некоторое отношение к таинственным, неизведанным явлениям. Поэтому лучше такие теории принять на веру, чем сделать их предметом нехристианских дебатов или бесполезных умозаключений, в результате которых люди часто сосредотачиваются на какой-то незначительной детали. Она начинает казаться им чуть ли не основополагающей, и, в конечном итоге, истина принимает полностью искаженную форму. Грустно видеть, как по-настоящему одаренный человек, который мог быть сильно использован Богом, теряет интерес к великим Евангельским истинам и спасению заблудших душ, становясь одержимым своим «любимым коньком», что делает его таланты бесполезными для Божьего дела и сводит его ценность для Бога и человечества к нулю!

В основе практических лжеучений лежит «навязчивая идея», которая овладевает умом человека настолько, что он становится более ревностным служителем того, что должно, нежели того, что истинно. Это такие движения, как тысячелетний давнинизм, мормонизм, спиритуализм, христианская наука, единство и другие.

Например, способ мышления тех, кто исповедует христианскую науку, вызывает особенный интерес. Так, они утверждают, что Бог поднял Мэри Бакер Едди, чтобы она объяснила всему миру то, о чем говорит Библия. Трудно поверить, что кто-то может серьезно воспринимать ее абсурдные утверждения о том, что нет греха, болезни и смерти. Тем не менее, такие люди находятся. Они верят в нелепости, явно противоречащие Святому Писанию, историческому опыту и всем доказательствам. Такое лжеучение оказывает сильное разрушительное действие на способность человека отличать истинное отложного. Оказавшись под влиянием навязчивой идеи, человеку потом очень сложно высвободиться из ее тисков.

Даже Божьи люди могут оказаться жертвой одержимости, если они позволяют себе без должного почтения и благоговения исследовать Божий Разум. И хотя их одержимость примет не столь опасную форму, ее результатом обязательно будет бессмысленная ересь. Навязчивые идеи могут касаться самых разных духовных тем, например, божественного суверенитета, истолкования пророчеств, форм водного крещения, определения посвящения, способа передачи духовных даров. И как только исполненные Духом служители позволят себе громко заговорить о таких идеях, все Тело Христово будет раздираемо противоречиями, бессмысленной полемикой. Чтобы уберечь себя от ошибки, нужно помнить, что цель подобных идей — подменить великие Евангельские истины. Более того, их дух направлен на сечение раздора между Божьими людьми, а не на достижение согласия и союза между ними.

Теперь давайте вернемся к д-ру Доуи, одержимому идеей, что он Илия-Восстановитель, предсказанный библейскими пророками. Мы не собираемся судить, скажем, только, что события, произошедшие после того, как Доуи провозгласил себя Илией, свидетельствуют о том, что все его планы, которые он собирался осуществить как Илия-Восстановитель, провалились.

Мог ли Доуи защитить свой разум от разрушительного действия «навязчивой идеи»? Если мы попытаемся дать ответ, то, наверняка, нарушим принципы, изложенные в Первом послании к Коринфянам 4:5, где нас предупреждают «ничего не судить до времени». Тем не менее, мы хотим обратить внимание читателя на тот факт, что безопасность христианина, особенно, если он занимает ответственное высокое положение, заключается в постоянном стремлении к смирению своего духа, пока это смирение не проникнет в самые отдаленные уголки его натуры. И тогда не будет почвы для возникновения всевозможных иллюзий.

Анализируя последние годы жизни д-ра Доуи, не нужно забывать, что понять парадоксы и загадки последних

заключительных глав его жизни можно только с учетом всего того, что было сказано выше.

Что касается изменения во взглядах Доуи после провозглашения себя пророком Илией, то нужно сказать следующее. Он целиком и полностью верил в то, что, исполняя библейское пророчество, Бог поднял его для восстановления во всемирном масштабе всего того, о чем говорили пророки. Если это и было правдой, то такая задача включала в себя, ни много ни мало, изменение взаимоотношений между Богом и человеком. Во всяком случае, так считал Доуи. Он верил, что его служение и служение его Воинства Восстановления смогут приблизить пришествие Христа. Он решил, что его служение достигло такого высокого положения, при котором обычные законы, управляющие бизнесом, экономикой и взаимоотношениями между людьми, не могут повлиять на него. Все это казалось ему слишком незначительным по сравнению с величием и непревзойденностью его миссии. Именно такое понимание стало почвой для будущей катастрофы. Он не только пытался сделать больше, чем может вынести человек, но также шагал не в ногу с Божиим планом.

Оценивая ситуацию через пятьдесят лет, мы видим, что это был генеральный план сатаны сорвать работу, которую Бог действительно поручил выполнить д-ру Доуи. Но, увы, этот Божий муж не осознавал и не понимал этого. Великое служение исцеления, которое Бог поручил ему, и благодаря которому он достиг огромного успеха и известности, постепенно угасало по силе и результатам. В конце концов, Доуи забыл о нем из-за множества проблем, стоящих перед ним.

Если бы любой другой человек провозгласил подобную программу и попытался осуществить то, что хотел сделать Джон Александр Доуи, несостоятельность такого предприятия была бы очевидна для всех. Благодаря уникальной силе своего раннего служения в Чикаго, которое достигло такого размаха и принесло ему огромные деньги, он смог добиться поразительного успеха, пока его просчеты не стали очевидными для сторонников и последователей.

Глава 28

Трагический день в Мае

Несчастья и беды в жизни человека оказывают на его душу странное действие, цель которого — очистить ее от бренности и суэты этого мира. Многие во время жизненных невзгод отдают свою жизнь Христу, начиная осознавать безумие земных соблазнов и быстротечность самых радужных желаний и надежд. Возможно, этот час печали и был тем самым шансом, который помог бы Доуи вернуться к прежней простоте и непрятязательности. Возможно, он скрывал в себе шанс изменить ход событий, которые, казалось, неумолимо вели корабль Сиона к мелям и рифам поражения.

Любая попытка определить значение скорби и печали в жизни человека должна делаться осторожно, с учетом многих факторов. Дело в том, что скорбь испытывают как святые, так и грешники, как хорошие люди, так и плохие. Христос «был человеком скорби, знакомым с горем». Теологи, изучающие Святое Писание и учения, основанные на нем, в свете повседневного человеческого опыта утверждают, что скорбь вовсе не означает, что человек находится вне воли Бога. Некоторые Божьи мужи находились в постоянной скорби. Вы поступаете очень немудро, если говорите человеку, прошедшему через суровые жизненные испытания: «С тобой такого никогда не случилось бы, если бы ты не грешил». Тот, кто говорит такие слова, может однажды встретиться с бедой на пороге собственного дома, и тогда такое заявление вряд ли покажется ему достаточным утешением. Ведь жизнь — сложная штука, которую нельзя заключить в упрощенную схему. Как заметил псалмопевец, иногда нечестивые преуспевают, «расцветают как зеленое лавровое дерево», в то время как праведники часто подвергаются горьким испытаниям и вынуждены идти через воды глубокой печали.

Однако мы не должны недооценивать тот факт, что испытания могут быть сигналом того, что где-то на своем жизненном пути вывольно или невольно сбились с дороги,

начертанной Божьей волей. Поражение при Гае стало для Иисуса Навина предупреждением, что в его лагере произошло неладное. Благодаря этому, он смог выяснить причину поражения. «Ибо кого любит Господь, того наказывает». Это не значит, что Господь специально насыщает болезнью или какое-то другое несчастье на человека. Это значит, что тот, кто грешит, становится открытым для атак врага. Иногда человек так далеко отходит от Божьего пути, «по единственный способ, которым Бог может остановить его, — это допустить трагическое событие в его жизни. Псалмопевец испытал на собственном опыте истинность своих слов «прежде страдания моего я заблуждался; а ныне слово Твое храню» (Псалом 118:67). Когда мы перестаем слушать «тихий голос» Святого Духа, Бог может (и часто так и поступает) обратиться к нам через испытания.

Мы не знаем и, следовательно, не можем судить, в чем заблуждался, а в чем был прав Джон Александр Доуи, но последующие события говорят сами за себя.

Шел май 1902 года. После непродолжительного периода заморозков, зима окончательно уступила место весне. А с наступлением теплых дней возобновилась строительная лихорадка в Сионе. Народ толпами шел в город. Рабочие закладывали фундамент для будущих домов, повсюду слышался звук пилы и стук молотков. Строительные работы продолжались даже ночью при свете фонарей. Эти звуки были нежнейшей музыкой для ушей Доуи. Ему виделось великое будущее Сиона, а масштабы строительства указывали на то, что он рассчитал все правильно.

И действительно, город Сион рос буквально на глазах. Те, кто знал этот район раньше, теперь с трудом узнавали его. Строительство огромной гостиницы под названием «Илия», а также других административных зданий, близилось к

завершению. Кружевная фабрика работала на полную мощность, выпуская тысячи ярдов тончайших кружев.

Наблюдая за всем этим с немалой долей гордости и удовлетворения, д-р Доуи работал как никогда раньше. Свою природную бодрость духа он принял за неиссякаемый источник энергии, продолжая жечь свечу своей жизни с обоих концов. Без сомнения, в Сионе были люди, которые могли бы остановить его, дать ему разумный совет, поэтому и многим другим вопросам. Они могли бы предупредить его о том, что семена беды уже посеяны и нужно только время, чтобы собрать урожай. Но успех сделал д-ра Доуи чересчур уверенным в себе. Он считал осторожность отсутствием веры. Его лучшие управляющие понимали, что главный настоятель не руководствуется здравым смыслом и благоразумием при ведении дел. Потеряв надежду заставить Доуи трезво оценить ситуацию, они решили спокойно выйти из ассоциации поземельным инвестициям «Сион» и уехать из города.

А Джон Александр Доуи продолжал незыблемо верить в то, что он Илия. Сначала осени 1901 года вплоть до первого мая 1902 года, он провел тридцать пять проповедей, в которых прозвучала тема Илии-Восстановителя. Он резко критиковал всех, кто в той или иной степени противился созданию города Сиона. Веря в то, что Бог поручил ему совершить суд над всеми церквами, д-р Доуи объявил всех вероотступниками, у которых оставалась одна-единственная надежда на спасение, а именно: ехать в город Сион. Он не сомневался, что он, будучи фактическим исполнением ветхозаветных пророчеств, послан с миссией восстановления. Для него Рубикон был перейден, и возврата уже быть не могло. Теперь неумолимой истории предстояло дать беспристрастный отчет о том, чем завершилось провозглашение Доуи себя Илией: был ли оправдан путь, избранный д-ром Доуи, последующим ходом событий?

Миссис Доуи вернулась из поездки в Париж, откуда привезла наряды, совсем не похожие на те, в которых четырнадцать лет назад она приехала из Австралии в Америку. Теперь ее гардероб отличался изяществом,

современностью стиля и роскошью. И это, естественно, не могло не привлечь внимания всех жительниц Сиона. Можно предположить, что их замечания по поводу нарядов миссис Доуи были далеко нелестными. Многие считали, что она «важничает». Тем не менее, маловероятно, чтобы такие замечания достигали ушей миссис Доуи.

Поскольку строительство Дома «Сион» приближалось к концу, д-р Доуи распорядился насчет того, как он должен быть использован. Так, Доуи планировал перенести сюда свой офис из Чикаго, где в то время жили его сын и дочь. Глэдстоун учился в колледже, а Эстер ходила в школу.

Так, вкратце, обстояли дела в Сионе накануне трагедии, которая неожиданно произошла в жизни Джона Александра Доуи. Рано утром 14 мая, пока главный настоятель был в Сионе, в Чикаго разыгралась ужасная драма. Его единственная дочь Эстер, достигшая совершеннолетия, его гордость и предмет особой отцовской любви, стала жертвой трагического случая, произошедшего в результате возгорания перевернутой спиртовой лампы. Пламя в считанные секунды охватило несчастную девушку, ее кожа обгорела настолько сильно, что три четверти тела превратились в черную головню. Из «Листьев исцеления» мы можем узнать детали этой душераздирающей истории.

Трагическая смерть его дочери

Трагедия произошла в среду, 14 мая 1902 года. Эстер встала рано, около шести утра, и накручивала волосы щипцами, которые нагревала на спиртовой лампе. Ее отец, который никогда не пользовался спиртом, запретил держать в доме лампу. Всегда такая послушная и нежная, Эстер на этот раз ослушалась отца. В то роковое утро она нечаянно перевернула лампу, пролив спирт на ночную сорочку и ковер. Мгновенно вспыхнувшее яркое пламя моментально охватило все ее тело. Бедняжка! Если бы она догадалась сразу завернуться в простынь, то пламя быстро бы погасло, не причинив ей такие тяжелые ожоги. Но охваченная паникой Эстер стала звать на помощь. Увы, дверь ее комнаты была

заперта. Судорожно стараясь открыть дверь, несчастная девушка в горящем платье быстро превратилась в пылающий факел.

Услышав ее истошные крики о помощи, горничная и другая прислуга прибежали к двери, где с ужасом увидели языки пламени наддверной фрамугой. Когда, наконец, Эстер удалось справиться с замком и дверь настежь открылась, их глазам предстало ужасное зрелище. Горящая, как факел, девушка пыталась сорвать с себя ночную сорочку. И хотя руки подоспевших людей стащили с нее горевшую одежду, помочь пришла слишком поздно. Почти три четверти кожного покрова были уничтожены тяжелыми ожогами. Пламя не коснулось ее лица. Она оставалась в сознании весь день.

Д-ру Доуи сообщили о трагедии по телефону. Несмотря на шок, который произвело на него это ужасное известие, он передал дочери следующие слова: «Скажите ей, чтобы она держалась Господа. Я молюсь за нее. Мама и я приедем так быстро, как только смогут домчать нас лошади».

Он и его жена быстро собрались. Через несколько минут коляска уже стояла у двери их дома. Понимая драматизм ситуации, кучер гнал лошадей галопом шесть миль до Уокегана, чтобы успеть на поезд, отправлявшийся в 7:45 утра. Наверное, это было самое долгое путешествие в жизни главного настоятеля, снедаемого тревогой за свою единственную дочь. Боясь самого худшего, он все-таки надеялся, что положение не настолько серьезно, как ему сказали. В 9:15 он вошел в комнату, где лежала его дочь, и увидел, как она страдала. После молитвы боль постепенно утихла. Через час она смогла говорить.

Но отец и те, кто ухаживал за ней, понимали, что при таких ожогах, уничтоживших три четверти кожи, она долго не проживет, если не произойдет сверхъестественное чудо. Некоторые ожоги были настолько глубоки, что тело в этих местах было черное, как уголь.

К трем часам дня девушка поняла, что умирает, но держалась удивительно мужественно. Во второй половине дня всем стало ясно, что нет никакой надежды на спасение. В

девять вечера, к великому горю родителей, Эстер скончалась.

На похоронах, которые состоялись в пятницу, присутствовало семь тысяч человек. Многие приехали из Чикаго, чтобы проститься с Эстер. Когда два поезда прибыли на станцию, почти все население Сиона собралось на вокзале. Гроб вынесли из вагона, и траурная процессия медленно двинулась по направлению к бульвару Сион, а затем свернула к кладбищу Лейк Маунд Д-р Доуи понимал, «по должен сказать прощальное слово сам. Ниже мы приводим часть его обращения, произнесенное на могиле дочери. Тысячи людей слушали со слезами на глазах.

Обращение главного настоятеля

Возлюбленные друзья, я не мог поручить эту святую обязанность никому другому. Только Господь знает, как мне тяжело сдерживать слезы. Много раз за эти последние два дня мне казалось, что сердце мое не вынесет этого горя, и я уйду вместе с той, которая жила в этом сердце сначала ребенком, затем прелестной, чистой девочкой и, наконец, взрослой девушки.

Возлюбленные, я стою перед лицом необычных обстоятельств. Моя милая, добрая дочь, чье тело сейчас лежит здесь, была рядом со мной во время субботнего служения. Это прелестное, чистое, доброе создание с нетерпением ожидало окончания учебы в школе, чтобы отдать свое сердце и свою жизнь на служение Божьему делу в Сионе.

Я не стану сейчас подробно рассказывать об этом ужасном событии, которое вырвало мою дорогую дочь из самой гущи жизни и ввергло в смерть. Когда я вошел и увидел ее, страдающую от смертельных ожогов, первое, что она произнесла, было: «Папа, прежде, чем ты начнешь молиться, я хочу сказать тебе, что согрешила, не послушав тебя. Это моя вина. Прости меня. Я знаю, что Бог уже простил меня».

«Мое дорогое дитя, — сказал я, — ты знаешь, что твой пapa простил тебя еще до того, как ты попросила его об этом». Я поцеловал ее губы, ощущив пламя, горевшее у нее в груди.

Мы провели вместе двенадцать самых драгоценных часов. Слава Господу, боль утихла. Через полчаса после того, как мы подошли к ее постели, и до момента ее ухода из жизни ее бедное обгоревшее тело не чувствовало боли. Все это время она оставалась в сознании. За пять минут до смерти она попросила меня спеть ей «Веди меня, мой добрый Свет!» Она повторяла слова песни вместе со мной. Я никогда не забуду эти драгоценные часы!

Всего лишь один раз за всю свою жизнь она проявила непослушание. Она сделала всего лишь один шаг в сторону от дороги послушания, и дьявол тут же нанес удар с помощью «огненной жидкости, этого дистиллированного проклятия», против которого я боролся всю свою жизнь и которое я запретил ей использовать для каких-либо нужд. Какое горе видеть прекрасную жизнь, уничтоженную одним ударом сатаны!

Моя дочь была любима так сильно, как только можно выразить словами. Она была частью моей жизни.

Без нее для меня померк весь мир. Иногда мне кажется, что я не смогу без нее жить. Но я должен жить для вас, для Господа и Его дела.

В среду, в два часа пополудни, я сказал ей, что Бог не слышит моей молитвы и что для ее исцеления должно произойти не одно чудо, которое Бог, по всей видимости, не собирается делать.

Тогда она спросила: «Что это значит?»

Я ответил: «Это значит, моя дочь, что через несколько часов ты должна будешь уйти от нас. Твое состояние таково, что я должен тебе сказать об этом».

Она попросила: «Расскажи мне о моем состоянии».

Я попытался объяснить ей как можно понятнее. Наконец, она сказала: «Я понимаю. Я должна умереть, если Господь не совершил целый ряд чудес».

«Да, это так. Но, моя дорогая, я буду продолжать молиться и просить Еgo об исцелении для тебя».

Две трети, или три четверти ее тела обгорело настолько сильно, что покрылось коркой. Слава Богу, огонь не тронул ее лицо. О, как прекрасно было ее лицо! Я передач ей послания тех, кого она хорошо знала и любила. В одном из них были написаны такие слова: «Мир Я оставляю вам». Она повернула ко мне голову и сказала: «Папа, мне не страшно. Ведь, ты знаешь, что мне не страшно?»

Я ответил: «Конечно, знаю. В нашей крови нет ни капли трусости. Ведь мы знаем, Кому мы доверились».

Она сказала: «Господь простил меня». Затем она воскликнула: «Живая или мертвая, я принадлежу Богу. И если мне суждено идти «долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной». Потом мы долго разговаривали. Просто замечательно, что ее тело совсем не чувствовало боли. Потом кровь прилила к горлу, и она стала задыхаться.

«Папа, это не будет долго?» — с трудом спросила она.

«Нет, моя дорогая. Недолго».

«Господь, забери меня», — прошептала она.

Мы стали молиться, потому что не в силах были видеть, как она страдает. Затем я начал петь «Веди меня, мой добрый Свет!» Мы прочитали Псалом «Господь — Пастырь мой». Она повторяла до слов: «Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла..» И это было все, что мы смогли услышать. Ее уста сомкнулись. Она спала.

Я спел ей песню, которую пел столько раз тем, кто уснул в Иисусе. Когда я закончил петь, она, издохнув, отошла в мир иной. Одна моя рука лежала у нее на голове, а другая — на теле, и я не почувствовал никакой дрожи.

И вот я стою здесь. На всей земле у меня больше нет дочери, а была только одна. У матери нет дочери.

О, как нам не достает ее, и будет недоставать еще больше.

* * *

Когда главный настоятель сел, хор Сиона тихо запел колыбельную, которую отец пел своей дочери, мирно уснувшей в Иисусе:

«Спи, моя любимая, спи спокойно. Склони свою голову на грудь Иисуса. Мы любим тебя, но Иисус любит тебя сильнее. Спокойной ночи! Спокойной ночи! Спокойной ночи!» Перед тем, как покинуть кладбище, главный настоятель воскликнул: «О, как трудно мне оторвать свое сердце от ее могилы. Двадцать один год она была нашим благословением, но «лучше любить и потерять, чем не любить вообще», потому что она была так драгоценна для нас».

Больше этот муж Божий не смог произнести ни слова. «Он стойко держался все это время, но теперь мужество оставило его. Когда усыпанный цветами гроб опустили в могилу, он сел на холмик свежевыкопанной земли. С низко склоненной на грудь головой и сжатыми между коленями руками, он громко заплакал. И пока он плакал, тысячи людей, склонившись, стояли рядом, рыдая и разделяя с настоятелем и его женой их великую печаль. Сейчас он был похож на смертельно раненого человека, который вряд ли когда-нибудь сможет оправиться от этой раны».

Но в этот час печали появилась вселяющая надежду возможность, что в мозгу Джона Александра Доуи начнется прояснение и к нему вернется понимание Божьей цели для каждого человека, большого и маленького, включая и его самого, которая заключается в понимании непреходящей важности смиренного духа, рождающего новую простоту жизни. Но с грустью мы должны отметить, что никаких перемен не произошло ни в ходе последующих событий, ни в поведении самого Джона Александра Доуи. Он продолжал считать себя человеком, которого сама судьба избрала

восстановить все то, что было предсказано древними пророками. Он не терпел ни малейшей критики своей манеры ведения дел и, казалось, был еще меньше, чем раньше, расположен прислушиваться к советам других. Влияние «навязчивой идеи» оказалось настолько сильным, что даже трагедия и великая скорбь не смогли изменить главного настоятеля.

Так угасла последняя надежда на изменения рокового хода событий в Сионе.

Глава 29

Поездка в Нью-Йорк

События в жизни Джона Александра Доуи продолжали быстро разворачиваться. Последние годы его служения были отмечены несколькими драматическими событиями. Оставаясь абсолютно искренним в своих убеждениях, он, тем не менее, уже был не хозяином обстоятельств, как это было раньше, а, скорее, их жертвой.

Возможно, кому-то покажется странным, что такого высоко интеллектуального человека как Доуи, который обладал огромными знаниями и мог блестяще говорить практически на любую тему, ответственного за огромное по важности и размаху предприятие, враги считали чересчур доверчивым и даже легковерным. Но у них на это была своя причина. Веря в то, что он является Илией-Восстановителем, Доуи очень внимательно следил за тем, чтобы все церкви приняли его программу, — иначе они будут уничтожены. Поэтому, когда епископ методистской церкви чикагского округа позвонил ему, Доуи весь обратился в слух.

«Доктор, — сказал епископ, — я давно хотел увидеться и побеседовать с вами, но мы оба занятые люди. Сейчас в моем кабинете находится д-р Бакли, редактор «Христианского мира», ведущего деноминационного издания в Нью-Йорке. Он также хотел бы встретиться с вами. Не согласились бы вы принять нас для частной беседы, если мы сейчас приедем к вам?»

Не подозревая, что этими двумя религиозными лидерами руководило простое любопытство, Доуи согласился дать интервью. Сразу же, когда они вошли в офис главного настоятеля, три стороны дали обещание, что все, сказанное здесь, не будет придано огласке. Но в конце беседы Доуи почему-то решил, что произвел глубокое впечатление на обоих лидеров методистского движения. Уверенный в том, что теперь д-р Бакли стал искренним другом Сиона, несколькими днями позже через молодого репортера, который готовил статью о Доуи, он передал д-ру Бакли

записку, в которой говорилось, что освобождает его от данного им слова и разрешает ему писать все, что тот сочтет нужным. Очевидно, Доуи решил, что редактор «Христианского мира» напишет доброжелательное вступление к статье этого молодого репортера. Такое поведение было непростительной наивностью со стороны Доуи, потому что с момента опубликования заявления о том, что он Илия, практически все религиозные лидеры страны отвернулись от него, не говоря уже о самом Бакли, который вот уже много лет боролся с Доуи с помощью своего пера. Поэтому, открыв октябрьский номер журнала «Век», главный настоятель испытал настоящий шок, увидев там статью, в которой в самых резких выражениях была описана его деятельность. Но самым тяжелым ударом для него было вступление, написанное д-ром Бакли.

«Даже имея парализованный рассудок и одурманенную веру, трудно поверить в то, что Христос Нового Завета выбрал бы эту вызывающе пеструю смесь плоти и духа Восстановителем и Своим избранным предшественником. Если Доуи верит в это — значит, он заблудился в сумеречной земле, граничащей с безумием, где могут возникать кратковременные идеи и концепции. Если же он в это не верит — значит, он еще один самозванец».

Прочитав эту статью, д-р Доуи понял, что дружелюбие Бакли было лицемерием и что его одурачили, и его охватил сильный гнев. Ответной реакцией нормального человека на подобный выпад было бы возмущение, но поведение Доуи после прочтения этого простого абзаца было настолько неадекватным, что его нельзя назвать иначе, как странное. В порыве негодования, вызванного тем, как его обманули, в мозгу человека, который повелевал судьбами Сиона, возник странный план. Он решил, что поедет в Нью-Йорк вместе с тысячами преданных ему членов Сиона, и там перед широкой аудиторией достойно ответит д-ру Бакли на его безрассудный поступок! Он преподаст ему хороший урок на

виду у всех и покажет ему, что никто не смеет нападать на Восстановителя безнаказанно, продемонстрировав перед всем миром здравость своего рассудка и силу своего мышления. Вот какие обстоятельства предшествовали поездке в Нью-Йорк.

Как далек был Джон Александр Доуи, основатель города Сион, от Доуи, жившего и служившего в Австралии, который, будучи преследуем многими, признался, что только однажды публично дал отпор своим преследователям — и, в конце концов, победил их своим служением, которое потрясло весь Южный континент! Но теперь решения принимались не так, как в те дни, когда он молился часами, ожидая ответа от Бога. После предательства Бакли им овладело неутолимое желание отомстить.

Джон Александр Доуи всегда был человеком действия, поэтому он быстро составил план поездки. Он закажет несколько поездов и вместе со своим Воинством Восстановления поедет в Нью-Йорк. Там арендует зал Медисон Сквер Гарден. Правда, все это предприятие обойдется ему в четверть миллиона долларов, но это не так важно по сравнению с теми целями, которые он собирается достичь. В Нью-Йорке он докажет всему миру, как велик город Сион, и когда закончит говорить, люди проникнутся уважением к его программе восстановления. И он не преминет примерно наказать «обманщика» Бакли в назидание другим.

В таком настроении Доуи стал готовиться к поездке. «Семьдесят», которые должны были действовать в течение четырех лет, были распущены, а вместо них было организовано сионское Воинство Восстановления. Все члены Воинства должны были произнести такую клятву:

«Я клянусь именем Бога, моего Отца, именем Иисуса Христа, Его Сына и моего Спасителя, и Святым Духом, исходящим от Отца и Сына, что я буду преданным членом сионского Воинства Восстановления, организованного «Скинией Сиона» в городе Сионе, в день Господа, 21 сентября 1902 года. И я заявляю, что признаю Джона Александра Доуи главным настоятелем Христианской Вселенской церкви в Сионе, членом которой я являюсь, в его трехкратном пророческом служении как Вестника Завета, Пророка, предсказанного Моисеем, и Илии-Восстановителя.

Я обещаю, что буду изо всех сил и способностей повиноваться справедливым приказам, исходящим непосредственно от него или назначенных им служащих. Я отправлюсь в любую часть мира, куда он прикажет, как член сионского Воинства Восстановления. И мои семейные узы и обязанности, все связи с человеческим правительством будут подчинены интересам этой Клятвы, Декларации и Обещания.

Эту Клятву я даю в присутствии Бога и всех видимых и невидимых свидетелей».

Подготовка к поездке шла полным ходом все лето 1903 года. Для путешествия было заказано восемь поездов. Планировалось, что пребывание в Нью-Йорке продлится две недели. Билет в оба конца стоил всего лишь пятнадцать долларов. Ехать должен был каждый член Воинства. Сионская гвардия была реорганизована в полк, а большой хор усиленно репетировал, чтобы принять достойное участие в этом грандиозном предприятии.

Наконец наступил день отъезда. В четверг, 15 октября 1903 года, восемь поездов отправились из Чикаго. Каждый следовал по своему маршруту. Но на следующее утро все должны были встретиться в Нью-Йорке. Сама поездка и подготовка к ней стали центральным событием всех американских газет, где печатались подробные отчеты об этой необычной экспедиции. Искушенные нью-йоркские

репортеры снабжали свои газеты длинными статьями. Большинство из них были написаны в резком, недружелюбном тоне, а некоторые содержали оскорбительные насмешки. Несомненно, все это доставляло Доуи боль и страдание.

Первая проповедь Доуи в Нью-Йорке была назначена на воскресенье, на вторую половину дня. Задолго до начала служения огромный зал Медисон Сквер Гарден был заполнен до отказа. Снаружи стояли тысячи желающих попасть на служение. Пока слушатели рассаживались по своим местам, играл сионский городской оркестр. Затем на сцену вышел облаченный в белые одежды большой хор. За ним стройным маршем вошло трехтысячное Воинство Восстановления. Впечатляющее зрелище! Когда они заняли свои места, запел большой хор.

В торжественном молчании зрители с интересом наблюдали, как проходило служение. Наконец настало время для Доуи занять свое место за кафедрой. Он вышел вперед и довольным взором окинул огромную аудиторию, сидящую перед ним. Час, которого он ожидал целый год, наступил. Он все правильно рассчитал. Но вскоре Доуи обнаружил, что не только он готовился к этому событию. План его противников был простым, но эффективным. В заранее назначенное время несколько человек, сидящих в первых рядах, поднялись и демонстративно направились к выходу. За ними еще несколько человек покинули зал, а затем еще. Конечно, д-р Доуи не мог не заметить этого. В смущении он кричал им вслед, призывая остановиться, но люди продолжали уходить. Тот, кто имеет опыт общения со зрительской аудиторией, знает, что это значит. Демонстративный уход нескольких зрителей произвел эффект цепной реакции. Д-р Доуи понял, что теряет влияние на зал. Легкомысленные, случайные люди, которые не имели никакого отношения к этому заговору, с готовностью присоединились к уходящим. И как ни кричал Доуи, приказывая охране не выпускать покидающих зал людей, массовый уход продолжался. Прежде чем он прекратился, несколько тысяч человек покинули здание.

Целая армия газетчиков, журналистов, писателей, которые занимали стратегические места в зале, лихорадочно в своих блокнотах делали записи обо всем происходящем. А ветеран общения с аудиторией, д-р Доуи, понял, что на этом первом, таком важном для него служении произошло то, что отрицательно повлияет на все их пребывание в Нью-Йорке. Озадаченный, сбитый столкну, он изо всех сил старался, чтобы его проповедь произвела впечатление на слушателей, но каждый понимал, что что-то не так. Члены Воинства Восстановления выглядели смущенными, но были не в состоянии что-либо изменить в этой ситуации.

Во время нью-йоркского визита произошло еще одно неприятное событие. Газета «Нью-Йорк Уорлд» напечатала целую серию писем Доуи, в которых он отказывался признать своего отца, заявив, что предполагаемое родство является фальшивым. В действительности Доуи был так похож на своего отца, что люди часто путали их. С тех пор его отец, добродушный старик, никогда не переступал порог дома своего сына. В ответ на удар, который нанесла ему газета, напечатав эти письма, Доуи провел целый вечер, пытаясь объяснить своим соратникам эту историю. Многие в тот вечер чувствовали себя подавленными рассказом главного настоятеля. Они вспоминали Джона Александра Доуи в дни его служения в Чикаго, когда его пламенные проповеди и чудеса исцеления заставляли тысячи людей удивляться и воздавать хвалу Господу за Его чудные дела. А теперь возможность творить добро многим тысячам ньюйоркцев ускользнула от них, потому что Доуи тратил драгоценное время, стараясь оправдаться за разрыв со своим старым отцом. Воистину, это был уже другой Доуи, непохожий на того, которого они знали много лет назад.

Мать автора этих строк была среди участников поездки в Нью-Йорк. Она рассказывала, что, хотя поездка доставила ей много приятных, радостных минут, в целом визит обернулся настоящим разочарованием. Статьи в газетах, массовый уход слушателей с первого служения, спор д-ра Доуи с отцом, проповеди, направленные против д-ра Бакли и других противников Доуи, выступления студентов — все это сильно

омрачало встречи и собрания, которые проходили во время визита. Что касается результатов поездки, то они оказались незначительными по сравнению с огромными усилиями и затратами, вложенными в ее организацию и проведение. И действительно, было немного свидетельств о том, что посещение Нью-Йорка делегацией Сиона во главе с Доуи оказало влияние на жизнь в этом городе.

Глава 30

Путешествие вокруг света

Первого января 1904 года в сопровождении нескольких своих соратников д-р Доуи сел в личный поезд на станции Сион и отправился в кругосветное путешествие. Первая остановка была в городе Сан-Антонио, штат Техас, где д-р Доуи осмотрел несколько участков земли, которую собирался приобрести, — еще один из его многочисленных проектов. Из Сан-Антонио группа отправилась в Лос-Анджелес.

В Помоне в поезд села группа репортеров. Они рассказали Джону Доуи и его спутникам, что в Южной Калифорнии сильная засуха. Газетчики многозначительно заметили: «Илия древнего Израиля молился о ниспослании дождя после трех с половиною лет засухи, и его молитва была услышана. Разве Илия сегодняшнего дня откажется помолиться о дожде всего лишь после восьми месяцев засушливой погоды?» Д-р Доуи не дал им никакого ответа, сказав только, что «он не собирается открывать свои планы прессе».

Помощник Доуи по редакторской работе, Артур Ньюкомб, который был вместе с ним в той поездке, красочно описывает последующие события.

«Всю неделю газеты призывали д-ра Доуи помолиться о дожде: одни серьезно, другие в шутку.

В воскресенье, в три часа пополудни, павильон Хазард был заполнен людьми до отказа. Калифорнийское солнце жгло немилосердно. На небе не было ни облачка. Снаружи обжигающий ветер Санта Ана шевелил сухие пыльные листья эвкалиптов. А в павильоне напряжение росло с каждой минутой. Будет ли он молиться о дожде? Газетчики буквально прижали его к стенке. Если он помолится, и дождь не пойдет — значит, он не Илия. А если не станет молиться — значит, боится, что еще хуже.

Наконец, проповедник за кафедрой опустился на колени. Никогда еще аудитория не слушала его молитву с таким напряженным вниманием.

Начало молитвы главного настоятеля было спокойным, но впечатляющим. Его сильный, немного резкий голос отчетливо звучал в тишине зала. В нем чувствовалась энергия, вдохновение искренность. Д-р Доуи никогда не использовал высокопарных слов и не впадал в истерику, когда молился. Огромная аудитория слушала, затаив дыхание. Наконец-то он приехал «в этот большой прекрасный город, расположенный на берегу моря в обрамлении гор». Слегка подаввшись вперед, слушатели ловили каждое его слово. «Отец наш небесный, бедствие пришло на эту землю, которую Ты сотворил такой красивой и плодородной. Обрати на нее Свой взор в милости Своей и пошли ей дождь, Свой освежающий, живительный дождь, который Ты дал Израилю в день, когда Твой слуга, пророк Илия, преклонил колени перед Тобой на горе Кармил и молил Тебя о милости. О, Господи, выслушай и прими молитву Твоего слуги, чтобы эти люди смогли увидеть, что Ты есть Бог и что тот, который говорит с Тобой, послан в духе и силе Илии обратить сердца детей к отцам, и сердца отцов к детям, чтобы Ты не пришел и не поразил эту землю».

Среди зрителей пронесся звук, напоминающий внезапный порыв ветра в лесу. Все, кто пришел, желая поразвлечься, теперь чувствовали благоговейный страх и сильное смущение. Они стали свидетелями сильной веры и смелости. Будучи не в состоянии это понять, они почувствовали страх.

Главный настоятель закончил молитву, и служение продолжилось. Его зажигательная проповедь произвела сильное впечатление на присутствующих. Верили они во все, что он говорил, или нет, но слушали с глубоким вниманием.

Когда проповедь подходила к концу, в большом павильоне стало темнеть. Солнце, ярко светившее в

окна, заволокло тучами. Горячий сухой ветер стих. Все звуки замерли. В неподвижном воздухе чувствовался страх. Во взглядах людей сквозило удивление и благоговейный трепет.

Неожиданно главный настоятель остановился и попросил всех подняться на ноги. Все встали. Многие повторили слова молитвы посвящения. Он попросил присутствующих спеть куплет гимна. Благословив поющих, он сказал: «Идите, скорее, домой, потому что я слышу звуки приближающегося дождя».

Но было уже поздно.

Не успели присутствующие направиться к выходу, как хлынул проливной дождь.

* * *

Из Лос-Анджелеса делегация во главе с Доуи отправилась в Сан-Франциско, где в здании городского театра состоялось два служения. Затем, как и было запланировано заранее, они сели на океанский лайнер и отправились в длительное путешествие к берегам Австралии через Гонолулу, Окленд и Новую Зеландию. В Австралии их встретил Вильбур Гленн Волива, представитель Сиона в этой стране. Настоятель Волива был одним из самых выдающихся соратников Доуи. Все четыре года пребывания Воливы в Австралии были чрезвычайно плодотворными. Накануне визита делегации, он достиг договоренности о выступлении д-ра Доуи в нескольких самых больших городах Австралии.

Джон Александр Доуи проповедовал в Сиднее неделю, а затем уехал в Мельбурн, где выступил с несколькими проповедями. Из Мельбурна главный настоятель вместе со своей группой поехал в свой родной город — Аделаиду. Именно здесь с Доуи и случилось самое неприятное событие. Во время одной из его проповедей в городской ратуше распоясавшиеся хулиганы стали бросать в него песенники и другие предметы. Трижды они пытались прорваться к кафедре, но всякий раз их останавливали на полпути к сцене. А на улице бесчинствовала разъяренная толпа,

которая выкрикивала оскорбительные слова и швыряла камни в окна. Осколки от разбитого стекла летели в разные стороны.

Шеф полиции послал предупредить Доуи, чтобы он уходил, пока не поздно, так как толпа становилась неуправляемой. Понимая, что им грозит большая опасность, Доуи вместе со своими спутниками незаметно проскользнул через заднюю дверь и сел в ожидающий их экипаж, который охраняли полицейские. Подстегиваемые кучером, лошади рванули вперед и галопом промчались через открывающиеся железные ворота. Злобно рычащая, изрыгающая проклятия толпа едва успела расступиться, чтобы не быть раздавленной бешено мчащимся экипажем. Головорезы из передних рядов бросали обломки кирпичей и камни вслед удаляющемуся экипажу, который, словно пьяный, кренился с одной стороны улицы на другую. Но вскоре он выровнялся и оставил своих преследователей далеко позади. Кроме кучера, который получил довольно болезненный, но не серьезный удар камнем, никто не пострадал.

Казалось бы, этот опасный инцидент должен был научить главного настоятеля осторожности, но ничего подобного. На следующий день, проповедуя о наступающем веке, он дерзнул сделать следующее заявление: «Неправедные правители должны будут отойти на задний план и даже вообще уйти. А король Эдвард должен покинуть трон. Он не сможет править в присутствии Царя царей. Все знают, что у него нет Бога в душе».

Посышалось гневное замечание. Д-р Доуи резким голосом приказал человеку, пытавшемуся прервать его, сесть: «Замолчите, или я скажу более этого. Я не позволю никому, кроме всемогущего Бога, диктовать мне, что я должен или не должен говорить».

На следующий день все газеты пестрели заголовками «Доуи клевещет на короля». Вскоре стали доходить слухи, что толпа собирается «проучить Доуи». Было ясно, что это не пустые угрозы и что жизнь не только д-ра Доуи»ной всех членов его группы была в опасности. Враждебность, разжигаемая определенными кругами Аделаиды против

Доуи, была настолько велика, что продолжать здесь проповедовать было настоящим самоубийством. Но Доуи упорно не желал отменять свои служения и не отменил бы, если бы напуганные городские власти не прислали ему предупреждение о том, что контракт об аренде помещений для его служений аннулирован. Более того, главный настоятель заплатил двадцать фунтов штрафа за стекла в городской ратуше, разбитые злобствующей толпой.

7 апреля на борту корабля «Монголия», который следовал в Европу, группа покинула Австралию. Целых тридцать дней они провели в открытом море. 7 мая их корабль, наконец, прибыл в порт Марсель.

Весь остаток своего путешествия Доуи провел, осматривая достопримечательности Европы. Он пользовался услугами переводчика, и его аудитория была ограниченной. В Германии он надеялся получить аудиенцию у кайзера, но его ожидания не оправдались. Два вечера подряд он выступал в берлинском концертном зале. Полицейские репортеры стенографировали каждое слово проповедника.

Отчеты о высказываниях Доуи против Британской короны во время проповедей в Австралии, конечно же, достигли Лондона и были напечатаны во всех газетах. Все гостиницы, где Доуи хотел остановиться, отказались его принять, поэтому он был вынужден снять комнату на окраине города. Он провел одно служение в Скинии «Сион» на Юстон Роуд, во время которого огромная толпа собралась возле здания, угрожая «вздернуть его». Только после наступления темноты, переодевшись, главный настоятель смог незаметно выбраться из Скинии и избежать столкновения с агрессивной толпой.

Озлобление лондонцев достигло такого накала, что оставаться в Англии было бесполезно, да и небезопасно. Но до отплытия «Лукании» оставалось еще две недели, которые Доуи решил провести в Болонье, на юге Франции. Вся группа облегченно вздохнула, когда «Лукания», наконец, подняла якорь и отправилась в Америку. Не успело судно выйти в открытое море, как начался сильный шторм, который продолжался четыре дня. Наконец, сильный ветер утих и

разбушевавшееся море успокоилось. Остальное время путешествия было приятной морской прогулкой.

После шестимесячного отсутствия Доуи и его спутники 30 июня 1904 года вернулись в Сион. На станции их радостно приветствовало почти все население города. Играли оркестр, и пел хор. Все собирались у выкрашенной в белый цвет арки на углу бульвара Сион и проспекта Илии. Погода стояла прекрасная, но из-за долгой засухи сильно пострадал урожай. Люди просили дождя, и теперь, когда вернулся главный настоятель, они с надеждой смотрели на него, ожидая, что он помолится о дожде, как это было в Южной Калифорнии, когда после его молитвы пошел сильный дождь, положивший конец продолжительной засухе.

Д-р Доуи был в хорошем расположении духа: «Бог услышал молитву и дал эту чудесную солнечную погоду. Но я слышал желание многих и молился о том, чтобы Он послал Свой живительный освежающий дождь».

Он говорил еще минут двадцать, а затем несколько слов сказали члены его группы и старейшины города. Тем временем тяжелые тучи заволокли небо. И прежде чем люди могли опомниться, тяжелые капли упали на сухую землю. Через несколько минут весь город и его окрестности исчезли за стеной дождя.

* * *

Казалось, всякий раз, когда Джон Александр Доуи искал Бога, прося Его проявить Свою силу, ответ почти всегда приходил сверхъестественным образом. Но, увы, теперь большую часть своего времени и энергии он отдавал светским делам: составлению планов новых деловых проектов, защите своего права выступать как пророк-восстановитель, — вместо того, чтобы проповедовать великое Евангелие освобождения, которое Бог поручил ему. Как много мог бы достичь Доуи, если бы его служение исцеления оставалось таким же простым, каким оно было в самом начале его деятельности? Наверное, это риторический вопрос. Но вряд ли можно отрицать, что оно

стало бы самым выдающим служением, которое когда-либо знало человечество па протяжении веков.

Но в то время его ум был занят другими проблемами, а не служением исцеления. Он строил планы возрождения апостольства и провозглашения себя Первым Апостолом. И менее, чем через три месяца, именно так он и поступил. Если бы он только мог знать, как мало времени у него оставалось...

Глава 31

Первый Апостол

В период организации Христианской Вселенской церкви д-ру Доуи пришлось уделить много внимания вопросу реставрации апостольской должности. Он говорил о себе, что, поскольку не обладает всеми дарами Духа Святого, то не может быть апостолом. Доуи полагал, что апостол должен обладать особым смирением, большим, чем у него.

Несколько годами позже, когда он провозгласил себя Илией-Восстановителем, стало понятно, что он изменил свою точку зрения относительно своей пригодности к апостольской должности. Называя себя Вестником Восстановления, он верил, что был не просто апостолом, но Первым Апостолом. Итак, через восемь лет после организации церкви, Джон Александр Доуи, стоя в «Скинии Сиона», публично был возведен в эту должность. По этому поводу он сделал следующее заявление.

«Именем Господа Иисуса Христа, силой Святого Духа и в соответствии с волей Бога, нашего Небесного Отца, я заявляю, что в это время восстановления я являюсь Первым Апостолом Господа Иисуса Христа в Христианской Вселенской апостольской церкви Сиона».

Сделав такое заявление в присутствии огромной аудитории, Доуи обратился к членам своего Воинства Восстановления с вопросом: «Вы принимаете меня?» В ответ они произнесли: «Да». Затем он сказал, что из-за чрезмерной нагрузки стал, слаб телом и потому нуждается в отдыхе, чтобы с новыми силами приступить к исполнению обязанностей, которые налагает на него апостольское заявление, и прежде всего осуществить задачу восстановления апостольства во всей его полноте. Но вместо отдыха он полностью сосредоточился на планах создания плантации «Сионский Рай» в Мексике.

Несмотря на то, что многие в церкви поддерживали идею восстановления апостольского служения, они были немало удивлены и даже несколько встревожены, когда д-р Доуи появился на сцене, одетый в яркую мантию первосвященника

древнего Израиля. На мантии была вышита золотом митра. Стоя перед Воинством Восстановления, Доуи торжественно заявил: «Данной мне Господом властью апостола и пророка, я имею право выступать как учитель народов».

В тот день все, кто слышал, как говорил Первый Апостол, не сомневались в искренности его слов: «Я предпочитаю скорее быть убитым и одетым в погребальные одежды, чем подняться сюда в своих апостольских одеждах, не будучи Первым Апостолом Бога в это время восстановления. Я готов умереть прямо сейчас, но не позволю себе сделать ни одного шага, который не одобрил бы Господь».

В течение последующих недель Доуи обратился к читателям с целой серией посланий на страницах «Листьев исцеления», которые были подписаны именем Джон Александр, Первый Апостол. Этим он хотел показать, что не имеет ничего общего с именем Доуи.

Вместо того, чтобы взять отпуск, в котором он так нуждался, д-р Доуи с головой уходит в подготовку нового делового предприятия в Мексике. В сопровождении большой делегации он отправляется на юг осмотреть плантацию, на которой предполагалось построить «Сионский Рай». Его принял президент страны Порфиро Диаз, заинтересованный в развитии обширных невозделанных земель Мексики. Д-р Доуи провел ряд встреч с другими государственными чиновниками, на которых, без сомнения, произвела впечатление его способность оперировать большими цифрами.

По возвращении в Сион, Первый Апостол с увлечением говорил о планах приобретения миллионов акров земли в Тамаулипасе. Он всячески содействовал продаже акций плантации «Сионский Рай» с целью получения необходимых финансовых для безотлагательной покупки земли. Но все были уверены в том, что этот проект, по меньшей мере, несвоевременный. Для него потребуются миллионы долларов капиталовложений, а те, кому было известно финансовое положение Сиона, понимали, что оно не просто ненадежно, а на грани краха. Хотя жители Сиона не знали истинного положения дел, они чувствовали, что не все

обстоит так благополучно и гладко, как говорил главный настоятель, и поэтому проявляли мало интереса к проекту Доуи. Было очевидно, что прошли те времена, когда Доуи мог получить в банке любой кредит и обеспечить приток новых инвестиций. Но он не падал духом. Разве Бог не послал его восстановить эту землю? Он не позволит, чтобы отсутствие каких-то пару сотен тысяч долларов помешали ему сделать то, что он должен сделать. Вот когда его мексиканский проект будет успешно закончен, миллионы жителей этой страны поднимутся и назовут его благословенным. Он считал банк Сиона своим собственным. И пока там остается хоть сколько-нибудь денег, почему бы не пустить их в оборот? Он был уверен, что прибыль начнет поступать в избытке и с лихвой покроет все расходы. Поэтому, продолжая настаивать на реализации проекта строительства «Сионского Рая», он решил быть непреклонным и не слушать тех, кто призывал его быть осторожным.

Но в сентябре 1905 года произошло событие, которое положило конец всем дальнейшим планам и мечтам Джона Александра Доуи. Это случилось в воскресенье 24 сентября. Доктор Доуи поднялся к кафедре в «Скинии Сиона», чтобы произнести прощальную проповедь перед своим отъездом в Мексику, где собирался продолжить подготовку к осуществлению своего проекта «Сионский Рай». Но он не знал, что этот день станет роковым для того, кто всего лишь год назад провозгласил себя Первым Апостолом Христианской Вселенской церкви.

В своей книге «Доуи — помазанник Божий» Артур Ньюкомб рассказывает, что произошло в тот день:

«Это было последнее воскресенье сентября. Покрытые деревьями склоны Сиона были залиты мягким светом осеннего солнца.

Длинная торжественная процессия обошла вокруг площадки, поросшей рыжевато-коричневой травой. Прошло более пяти лет с тех пор, как она была освящена и передана Сионскому Храму.

У входа в «Скинию Сиона» стоял человек с окладистой седой бородой и гордой осанкой. Он внимательно смотрел на приближающихся людей. Послушные ему, они претворили все его мечты в материальные доказательства, которые можно было видеть везде, куда бы он ни посмотрел. Он знал каждую пядь этой земли. На его губах играла торжествующая улыбка победителя. Но сегодня, в день двухлетнего юбилея Сионского Воинства Восстановления, ему можно было простить эту маленьющую вольность. Прошло всею лишь двенадцать лет с тех пор, когда он, бродячий евангелист без гроша в кармане, построил небольшую деревянную хижину у входа на Всемирную Ярмарку в Чикаго.

Группа сионских настоятелей проследовала в Скинию. Взглянув еще раз на лежащий перед ним город, он повернулся и последовал за ними. Когда он, наконец, ступил на высокую сцену, в зале воцарилась торжественная тишина. В мантии первосвященника вся его фигура была исполнена величия и благородства. Воистину, перед ними стоял пророк и апостол. Взоры всех присутствующих были устремлены на него. Люди ждали, когда он начнет говорить. О, как хорошо он знал своих людей! Они никогда еще не подводили его. Шаг за шагом он вел их за собой сначала как простой честный проповедник, который учил их ясным истинам древней религии, а сегодня он стоял перед ними как тот, кто пришел исполнить божественное предназначение, о котором говорили пророки, начиная от Моисея до Малахии, и даже Самого Христа. С такими людьми он добьется свершения всех своих планов! С такими людьми его ждут только триумфы!

Звуки его необычного резкого голоса заполнили Скинию, положив начало волнующему и величественному обряду, за которым последовала проповедь.

Она была великолепна.

Закончив говорить, Первый Апостол удалился. Все было готово для совершения причастия.

День постепенно клонился к закату, и мягкие сумерки начали заполнять зал. В торжественном молчании прихожане ожидали выхода Первого Апостола. Он появился в «белых одеждах искупления». Возвысив голос, он стал произносить слова старой знакомой молитвы. И воспоминания унесли их к первым дням, наполненным чудесами исцеления, бескорыстного рвения и жестоких преследований. Тот же лидер, тот же голос, та же молитва! Невольно те же чувства, подобно морскому прибою, поднялись в их сердцах!

Тихо, почти шепотом сотни голосов запели старый-старый церковный гимн.

«Полночь. Высоко над Масличной горой

Тускло светит одинокая звезда.

Полночь. Страдающий Спаситель

Одиноко молится в саду».

Вскоре последние лучи дневного света погасли, и тысячи людей сидели со склоненными головами в полутьме. Проповедник сидел, как всегда, за столом святых даров евхаристии. Он прочитал из Святого Писания, благословил вино и хлеб, отправил священников разносить причастие среди присутствующих и вместе с хором пел мягкие тихие псалмы. Это был священный час для Сиона. Д-р Доуи и его люди опять собрались вместе за святым столом.

Ритуал причастия почти закончился. Осталось сказать только несколько слов.

Присутствующие ожидали, что скажет главный настоятель.

Вдруг их лидер стал трясти правой рукой, как будто к ней прилипло что-то мерзкое. Его рука билась о ручку кресла. Те, кто был рядом, видели, как он пошатнулся. Страшно бледный, он повернулся к дьяконам, которые служили ему, и те тотчас бросились к нему. Доуи полу-несли, полу-вели со сцены.

Никогда больше ему не суждено было выступить в «Скинии Сиона».

* * *

С Джоном Александром Доуи произошел удар. Друзья помогли ему добраться до своей комнаты за сценой и посадили в кресло с откидной спинкой. Некоторое время он, казалось, спал. Когда сознание вернулось к нему, окружающие увидели, что одна сторона его тела была парализована. С надеждой на полное выздоровление была произнесена молитва, но этой надежде так и не суждено было сбыться. И хотя его состояние улучшилось настолько, что он мог двигаться самостоятельно, он уже никогда не стал прежним Доуи.

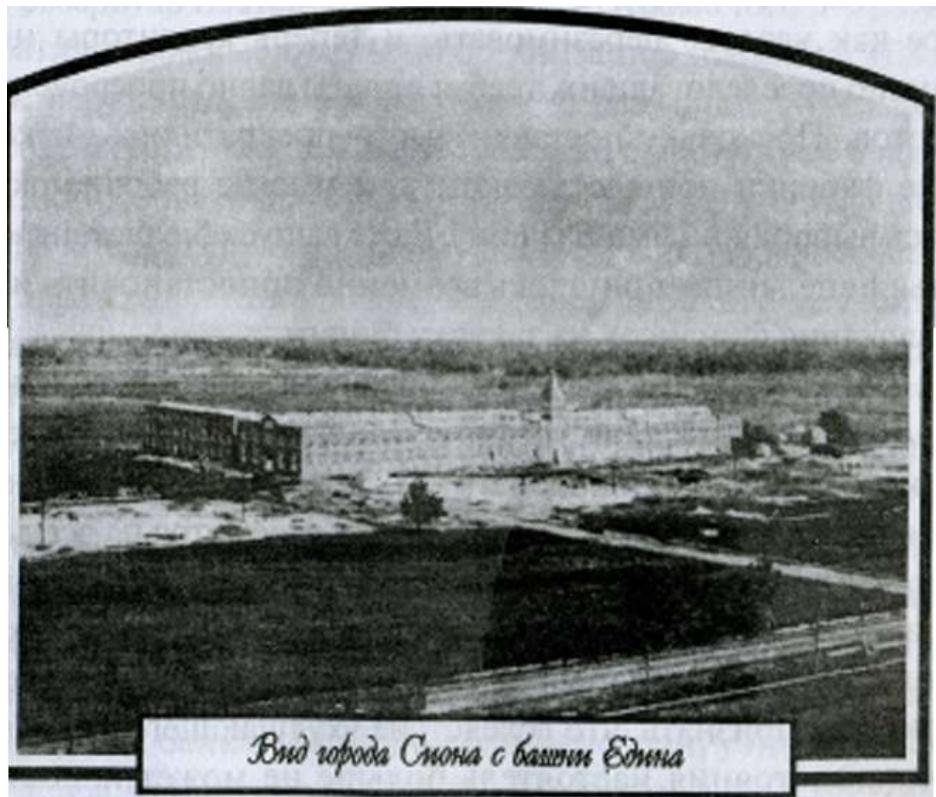
Несмотря на последствия инсульта и вопреки протестам своих советников, д-р Доуи решил ехать в Мексику, как и было, запланировано. Он, его жена, сын, а также десять сопровождающих отправились в Мексику. Два месяца он провел в этой стране, регулярно посыпая в Америку оптимистические письма, в которых писал о значительном улучшении своего физического состояния, в радужных тонах описывал замечательные перспективы проекта плантации «Сионский Рай».

Доуи вернулся накануне Дня Благодарения. На вокзале его встречало большинство жителей города. Под звуки оркестра он вышел из поезда, помахал рукой в знак приветствия и сел в экипаж, который тотчас же уехал. Но те, кто успел заметить его худое изможденное лицо, поняли, что перед ними был очень больной человек.

На День Благодарения д-р Доуи хотел выступить перед людьми в «Скинии Сиона», но был так слаб, что смог говорить всего лишь несколько минут. В песочных часах жизни главного настоятеля время бежало быстро. К середине декабря его состояние настолько ухудшилось, что он с трудом дышал и едва мог говорить.

В надежде, что перемена климата поможет ему, начались приготовления к отъезду на Ямайку. Он приехал в начале

года и пробыл там больше месяца. Казалось, он чувствовал себя гораздо лучше. А тем временем в Сионе, в отсутствие настоятеля, назревали серьезные события.

Вид города Сиона с башни Единства

Глава 32

Зима расплаты

Сион жил на грани кризиса. Пришло известие об улучшении здоровья Первого Апостола, но эта новость не вызвала особого энтузиазма среди настоятелей, которых Доуи назначил руководить делами города в свое отсутствие. Из Ямайки он собирался ехать в Мексику, чтобы купить большие участки земли. В конце февраля д-р Доуи прибыл в Мексику, и сразу же в Сион стали приходить письма и телеграммы, в которых он описывал большие возможности плантации «Сионский Рай». Люди, ответственные за дела в Сионе, не разделяли энтузиазма главного настоятеля. Им кое-как удалось перезимовать, и теперь кредиторы неотступно преследовали их, требуя оплаты давно просроченных счетов. Поскольку поставки сырья прекратились, некоторые фабрики пришлось закрыть, и многие рабочие оказались выброшенными на улицу. Даже выпуск бюллетеня «Листья исцеления» пришлось временно приостановить из-за отсутствия финансов на закупку бумаги.

Соратники, которым Доуи поручил управление Сионом, были в отчаянии. Они честно писали ему о надвигающемся кризисе, умоляя его признать всю серьезность ситуации, но их мольбы не имели большого успеха. Несмотря на все доказательства того, что город находился на грани финансового краха, Доуи упорно отказывался признать этот факт. Как это было ни грустно, члены правления Сиона были вынуждены, наконец, признать, что вследствие ухудшающегося физического состояния настоятель больше не может исполнять свои обязанности по управлению городом. Поскольку критическое положение требовало немедленных действий, единственным решением в создавшейся ситуации, по их мнению, было немедленное освобождение Доуи от его обязанностей. Это был тяжелый шаг для людей, которые долгие годы были среди его самых преданных друзей.

Для того, чтобы, понять причины сложившейся трагической ситуации, необходимо вернуться к началу истории создания города Сион, когда были посеяны первые семена будущей трагедии. Еще до создания земельных подразделов в 1901 году и в течение некоторого времени после этого на счетах в Сионском Центральном Банке накопилось несколько миллионов долларов. Это были личные вклады, а также инвестиции в акции Сиона. Благодаря такой огромной сумме стало возможным временное процветание. Деньги расходовались на строительство и развитие города, а также на оплату высоких процентов по вкладам. Но этот денежный резервуар постепенно исчерпался. Кроме того д-р Доуи истратил огромные суммы на организацию поездки в Нью-Йорк и путешествие вокруг света. В результате такой финансовой политики, в начале 1903 года в экономике Сиона возникли серьезные трудности. В декабре была назначена группа лиц для управления имуществом Сиона как несостоятельного должника. Однако после глубокого изучения финансового положения они пришли к выводу, что при разумном ведении дел возникшие трудности можно решить. К несчастью, д-р Доуи не предпринял никаких мер, чтобы изменить ситуацию, которая на тот момент уже была критической. С того времени дела шли от плохого к худшему. Наступило время, когда нечем было платить по счетам, а фирмы, находящиеся вне Сиона, отказывались давать кредиты. Все предприятия города должны были klaсть свои доходы в общий фонд банка, и когда он был исчерпан, у них не осталось денег, чтобы покупать сырье и платить своим рабочим. Пытаясь исправить ситуацию, Джон Александр Доуи сделал очередную глупость. Для выплаты зарплаты рабочим и служащим он ввел купоны, которые, естественно, сразу же упали в цене. Нечистые на руку люди могли легко подделать их, и вскоре ни один магазин города не принимал такие деньги.

В «Листках исцеления» за 7 апреля 1906 года Артур Ньюкомб писал:

«То, что все деньги находились в общественном казначействе, которое полностью контролировал Джон Александр Доуи, нанесло еще один удар по финансовой системе города. Доходы, которые поступали от продажи товаров различных фабрик, тратились, вместо того чтобы передаваться обратно этим предприятиям для закупок необходимого сырья, оборудования, топлива. Все предприятия оказались, в конечном счете, без производственного капитала, но уши в долгах перед своими рабочими и служащими, неспособными продолжать вести свой бизнес и производство.

Положение ухудшалось и тем, что сотни семей, чьи кормильцы лишились работы, зависели от благотворительной деятельности. Необходимо учесть и то, что в течение двух лет многие вкладчики, которые инвестировали свои сбережения в разные предприятия и учреждения Сиона, получили только незначительную часть своих процентов и дивидендов. Одни вкладчики были уже пожилыми людьми, другие — малообеспеченными; были и вдовы с детьми, а также купцы и промышленники, которые вложили весь свой капитал в строительство и развитие Сиона, ожидая получить прибыль и использовать ее для развития своего бизнеса.

Несмотря на такое положение дел, Джон Александр Доуи отправился в дорогостоящее кругосветное путешествие, снимал самые дорогое номера в роскошных отелях, не жалел денег на развлечения, покупал дорогую одежду и другое предметы роскоши.

В то время, когда Сион переживал финансовый кризис, он начал новый проект под названием «Плантация Сионский Рай»; он потратил тысячи долларов, собранных для этой цели, на поездки в Мексику и через Мексику, а также на другие нужды, включая и свои собственные».

Мы упоминали ранее, что перед отъездом на Ямайку д-р Доуи назначил троих настоятелей для управления городом: д-ра Джона Спейчера, дьякона В. В. Барнса и дьякона Александра Грангера, которые получили неограниченные полномочия принимать решения по всем финансовым и экономическим вопросам. В отсутствии Доуи новая администрация немедленно приступила к разработке мер по оздоровлению финансовой и экономической системы Сиона, а также городской промышленности. Но вскоре была получена телеграмма от главного настоятеля и д-ра Спейчера без предупреждения отстранили от руководства. Очевидно, опасаясь, что триумвират настоятелей не будет придерживаться его линии в управлении делами, д-р Доуи отправил телеграмму Вильбуру Гленну Воливс, представителю Сиона в Австралии, с требованием немедленно отправиться в Сион и действовать там как его доверенное лицо. Прочитав телеграмму, Волива задумался над дальнейшим планом действий. Это был темноволосый человек с густыми бровями и наполеоновскими чертами лица. Во время своего четырехлетнего служения в Австралии он показал себя как способный организатор и мудрый руководитель. Внимательно изучив текст телеграммы, он принял решение ехать. Волива заказал билет на следующий корабль, отплывающий в Америку. Через двадцать два дня путешествия по морю и шести дней — по суше, он прибыл в Сион 12 февраля 1906 года.

В течение нескольких недель настоятель Волива изучал жизнь города. Австралия находилась на огромном расстоянии от Америки, и Волива не знал истинного положения дел. Но чем глубже он вникал в обстоятельства и причины финансовых и экономических трудностей, тем яснее становилась для него неизбежность финансового краха. Самое неприятное было то, что д-р Доуи, очевидно, находящийся в полном неведении относительно будущего Сиона, был полон решимости начать покупку земли в Мексике для плантации «Сионский Рай», и, следовательно, скоро ему потребуются деньги для сделки. Посоветовавшись

с другими настоятелями, Вильбур Гленн Волива пришел к выводу, что наступило время для решительных действий.

На заседании кабинета, которое состоялось в конце марта 1906 года, в течение многих часов обсуждался вопрос о надвигающемся кризисе. Была принята программа действий, согласно которой вся недвижимость должна была быть продана дьякону Грангеру за символическую сумму в один доллар. Поскольку Волива получил полномочия действовать как доверенное лицо Доуи, было решено, что он проведет передачу имущества новому владельцу. Никто не сомневался, что д-р Доуи оспорит эту сделку в суде. Но члены кабинета рассчитывали, что такое решение обеспечит контроль над ситуацией, на что д-р Доуи был уже не способен. В противном случае город объявлялся несостоятельным должником, чье имущество переходило под опеку, а затем должно было быть продано за уплату долгов. Если бы такое произошло, жители Сиона потеряли бы все, включая и свои дома.

По условиям трансфера дьякон Грангер составил акт об учреждении доверительной собственности (для обеспечения выплаты долгов), объявив, что он в качестве опекуна принимает на себя управление имуществом кредиторов Доуи, включая всех инвесторов и членов церкви.

Решение этого вопроса было вынесено на всенародное обсуждение, которое состоялось 1 апреля 1906 года. Три с половиной тысячи человек собрались в этот день в «Скинии Сиона». Настоятель Волива охарактеризовал ситуацию так, как он ее понимал. Другие члены кабинета говорили кратко. Им было нетрудно убедить собравшихся в необходимости принять решительные меры. После долгой зимы лишений жители Сиона оказались на грани нищеты: их счета в банке были заморожены, инвестиции не приносили никакой прибыли, а купоны, которые они получали в качестве оплаты своего труда, быстро обесценились. Эти и другие обстоятельства убедительно доказали неэффективность управления городским хозяйством. Неудивительно, что все почувствовали большое облегчение, узнав, что, наконец-то, будут приняты меры, чтобы остановить дальнейшее развитие

кризиса. Когда было объявлено голосование, девяносто пять процентов населения Сиона поддержали Вильбура Глэнна Воливу и его программу действий. Заручившись поддержкой сионцев, новый лидер дат телеграмму Джону Александру Доуи, в которой извещал его, что он освобождается с поста главного настоятеля.

Получив телеграмму, Доуи был поражен подобным поворотом событий. Угрожая передать дело в суд, он немедленно покинул Мексику и отправился на север Америки. Когда д-р Доуи приехал в Сион, шел проливной дождь, и только горстка людей (в основном — его сторонники) собралась на вокзале встретить его. Выйдя из вагона, он тотчас же отправился в Дом «Сион». (По просьбе судьи Барнеса кабинет разрешил Доуи остаться в Доме «Сион», хотя он также был включен в трансфер.)

Несколько неделями позже Джон Александр Доуи и его соперник Вильбур Гленн Волива встретились в суде. Две недели слушалось дело под председательством судьи Кенеса Ландиса. Ежедневные заседания были отмечены острыми стычками противоборствующих сторон. Судья Ландис старался вести дело настолько объективно для обеих сторон, насколько это было возможно. Суд вынес решение установить опеку над всеми финансами и имуществом города. Члены Сионского Воинства Восстановления должны были публично отказаться от клятвы верности Джону Александру Доуи. Затем суд назначил дату проведения тайного голосования для выбора главного настоятеля. Понимая всеобщее недовольство его политикой, д-р Доуи отказался выставить свою кандидатуру. На выборах, которые состоялись вскоре после окончания суда, подавляющее большинство сионцев отдали свои голоса за Воливу. Кредиторы Сиона решили дать городу еще один шанс поправить свое финансовое и экономическое положение. Они понимали, что, поддерживая существование города, у них будет больше шансов получить свои деньги, чем если они позволят ему исчезнуть навсегда.

Глава 33

Последние дни Джона Александра Доуи

Жизнь д-ра Доуи близилась к концу, но он не осознавал этого. Судебный процесс продолжался. Защитную речь, в которой Доуи отстаивал свою точку зрения, он написал сам. Ее отточенный стиль свидетельствует о прекрасном владении языком, что всегда было свойственно Доуи. Мастерски написанная речь — интересный документ. Насколько нам известно, это было его последнее опубликованное заявление, отражающее состояние души Джона Александра Доуи, его чувства и мысли в те печальные дни, когда он понял, что город, им основанный, ускользает от него навсегда.

В своем заявлении Доуи признает, что ошибался, хотя вряд ли он осознавал всю серьезность своих ошибок и глубину страданий, которые они принесли. Он высказывает надежду, что будет полностью исцелен и что Сион снова вернется к нему.

«После пятидесяти девяти лет тяжелого и напряженного труда, которого хватило бы не на одну жизнь, я подумал, что, возможно, моя работа на этой земле закончена, и мне будет позволено пойти на небеса и быть с моим Искупителем, моим благословенным Господом.

Я бы предпочел умереть и пойти на небо, чем что-либо другое. Я устал. Я измотан. Я много работал. Я сделал достаточно и заслужил отдыха. Но если мой Господь скажет, что я должен поработать еще, я готов отдать все оставшиеся силы моим людям и Сиону. Я люблю вас всех и никогда сознательно не делал вам зла. Я жил для моего Бога и людей и буду продолжать жить для вас, готовый отдать всю свою жизнь без остатка людям. Я не отрицаю, что ошибался. Боже, сохрани! Но хочу сказать, что всю

свою жизнь я жил для Господа и для людей. И по милости Божьей я буду так жить до конца моих дней!»

Он не понимал причин кризиса и считал, что трудности, возникшие в Сионе, стали результатом вероломства и предательства его бывших соратников. Доуи не признавал свою вину и не желал серьезно проанализировать ситуацию, игнорировал проблемы, которые накапливались, до тех пор, пока город не стал перед лицом трагедии. Об этом он писал:

«Мир ужаснулся, узнав о странном поведении моих неверных сослуживцев, которые предали мое доверие. Они желали моей гибели в то время, когда я больше всею нуждался в их поддержке. В ответ на мою доброту, те, кому я помог подняться из неизвестности и достичь высокого положения, спровоцировали моих людей на бунт. Тем самым они поставили под удар салю существование города Сион во время моего отсутствия и физической немощи, которая стала результатом напряженной работы».

В ответ на настоятельное требование суда провести демократические выборы в Сионе, Доуи недовольно ответил:

«Что касается предложения установить демократическое правление в Сионе вместо авторитарного режима, а также критики, которой подверглась клятва Воинства Восстановления, я думаю следующее.

Неудивительно, что такой выдающийся юрист, как судья Ландис, который воспринимает происходящее с позиций демократии, не в состоянии понять существующий духовный порядок в духовном Царстве. Я поклялся в верности американской Конституции. И нет человека более верного и послушного закону, чем я. Пока нас учили, что республиканская форма правления самая лучшая в мире, потому что она ближе всего стоит к Божьему управлению, мы в Сионе работали

над другой моделью. Не спорю, что в начале она, возможно, была грубой и несовершенной. Любая попытка навязать нам демократические методы правления в нашем собственном доме, где мы имеем неотъемлемое право поклоняться Богу так, как диктует нам наша совесть, является сокрушительным ударом в самое сердце Христианской Вселенской апостольской церкви Сиона».

Этот документ, написанный в августе 1906 года, свидетельствует о том, что д-р Доуи не исключал возможности, что его дни как руководителя Сиона сочтены. В частности, он писал:

«Никогда и никому я не навязывал свои взгляды, но старался представить их перед слушателями решительно и убедительно, настоятельно советуя принять и подчиниться им, так как считаю их истинными. Но я также всегда уважал права других и признавал, что для достижения понимания Божьих путей нужно время. Поэтому пусть никто не думает, что я буду настаивать на принятии моих взглядов только на том основании, что это мои взгляды и убеждения. Я верю, что это при и мысли Божьи, у меня достаточно терпения, чтобы ждать и работать».

Решение суда о проведении выборов нового главного настоятеля Сиона стало настоящим ударом для Доуи. В Дом «Сион» он возвратился совершенно разбитым человеком. И все-таки Доуи продолжал верить, что каким-то чудесным образом Сион вернется к нему. Но чудо так и не произошло.

Одна из чикагских газет напечатала интересную заметку о драматических событиях, которые произошли в этом городе.

«Занавес почти опущен. Звезда покинула сцену. Суфлер закрыл текст пьесы. Пока за кулисами возятся рабочие сцены, режиссер уже держит палец на звонке. В драме города, которая разыгралась перед нашими

глазами, зрителям осталось произнести несколько заключительных фраз, и тогда прозвучит последний звонок.

Сион оказался безнадежным банкротом, задолжавшим шесть миллионов долларов. Город, построенный на песке. Мечта, рожденная воображением Доуи, исчезла навсегда. В зале суда опекунский совет получил ключи от административного здания, фабрик, отеля и банка. Коммерческое предприятие, в котором Доуи оказался дилетантом, привело к гибели и церковь. А в это время в Доме «Сион» сидел больной, страдающий от галлюцинаций, бывший главный настоятель. В его ввалившихся глазах все еще горел честолюбивый огонь, а в дрожащем от разочарования голосе звучали нотки протеста».

Как автор впервые увидел Джона Доуи

Автор этих строк однажды видел д-ра Доуи, хотя сам он не помнит этого события. Когда ему было все го лишь три месяца от роду, родители взяли его с собой в Дом «Сион», где Доуи выступал с проповедью перед небольшой аудиторией. Он запомнился им как очень больной человек с впавшими глазами и перекошенным лицом, который сидел в инвалидном кресле. Д-р Доуи выразил уверенность в том, что скоро все опять станет на свои места, и он снова вернется в «Скинию Сиона».

С каждым днем физическое состояние Доуи становилось все хуже и хуже. Наконец, он стал настолько слаб, что уже не мог говорить, даже сидя в инвалидном кресле. Казалось, все возможные болезни сосредоточились в этом несчастном теле, из которого капля за каплей уходили последние жизненные силы. И вот наступило время, когда он был вынужден признать, что конец уже близок.

Немногие приходили в те дни навестить его. Глубокое разочарование, охватившее людей, их разбитые надежды, полная потеря сбережений, поставившая многих на грань нищеты, — все это были слишком свежие раны, которые не

могли так быстро затянуться. И все же, некоторые остались верными Доуи. Они не забыли его молитв, благодаря которым к ним пришло духовное и физическое исцеление. И теперь эти люди были рядом с ним.

Во время одного из визитов в Сион автору этих строк посчастливилось познакомиться с пожилым господином восьмидесяти шести лет, который ухаживал за Доуи во время его болезни. По нашей просьбе этот джентльмен по имени Самуил Шадд рассказал много интересного о тех днях. В частности, он рассказал, что всегда очень хотел лично познакомиться с д-ром Доуи, которого любил и которым восхищался. Но в годы бурной деятельности доктора у рядовых сионцев не было возможности близко общаться с ним. Теперь, когда многие оставили его, такая возможность появилась для Самуила Шадда, и он с радостью посвятил все свое время и состояние служению Божьему мужу в последние нелегкие дни его жизни.

На один из наших вопросов: вспоминал ли д-р Доуи в последние месяцы жизни о провозглашении себя Илией — Самуил Шадд ответил, что, насколько он помнит, д-р Доуи никогда не говорил и не упоминал об этом. Интересно, что статью, написанную летом 1906 года, в которой он пытался защитить свою позицию, Доуи подписал своим именем, опустив титул, Первый Апостол.

М-р Шадд подчеркивал, что, несмотря на печальные обстоятельства, д-р Доуи был удивительно бодрым и веселым, никогда не проявлял раздражения и неудовлетворения по отношению к тем, кто служил ему. Казалось, к нему вернулась жизненная простота первых лет его служения, когда он во всем, включая и хлеб насущный, полагался на Бога.

Освободившись от ярма, которое сам на себя возложил, Доуи, казалось, вновь обрел свои прежние добродетели. Он стал терпеливее и добре к своим соотечественникам. Однажды, глядя из окна своей комнаты в Доме «Сион» на проходящих мимо весело смеющихся людей, даже не подозревавших, что всего в нескольких метрах от них находится их бывший лидер, которому уже не суждено

подняться с постели живым, Доуи воскликнул: «О, мой народ, как я люблю вас, хотя часто вы ведете себя, как непослушные дети!»

Время бежало быстро. Он понимал, что день, когда ему нужно будет уйти навсегда, уже совсем близко. Он стал необычно мягок, нежен и уже ничему не противился. Хотя Доуи так и не осознал своей роковой роли в разыгравшейся драме, он все же понимал, что произошло что-то ужасное, и ему ничего не оставалось делать, как отдать себя на милость Бога. Но он так и не примирился со своей женой. Очевидно, он не хотел, чтобы вместе с ней к нему вернулись тысячи мучительных воспоминаний.

В те последние дни были и печальные моменты. Доуи написал своему сыну, чтобы после его смерти тот всегда оставался верен Богу, служил и жил для Него. Но молодой человек, сбитый с толку происшедшими событиями, приспал беспечный ответ, в котором заявил, что религия его вовсе не интересует.

Услышав такой ответ, бедный отец упал на подушки и разрыдался, будучи не в состоянии скрыть свое горе. В тот момент он был похож на царя Давида, оплакивающего своего сына Авессалома. Из воспоминаний Глэдстоуна об отце можно понять, что он не отказывался от веры в Бога. Позднее он стал служителем епископальной церкви, где проповедовал много лет. Он верил, что его отец был искренен во всем, и утверждал, что у отца была «странные особенности оказываться обманутым». Годами позже Глэдстоун потерял в аварии руку. Он умер в 1945 году и был похоронен вместе с родителями и сестрой на сионском кладбище.

Пришло время, когда у Доуи уже не было сил даже самостоятельно повернуться. Однажды те, кто ухаживал за ним, пытаясь повернуть его в постели на другой бок, не смогли удержать больного, и его тело с глухим стуком упало на пол. Они стали извиняться перед ним за свою невовлеченность. Хотя Доуи, несомненно, испытывал сильную боль от резкого падения, он попытался улыбнуться и сказал, чтобы они не беспокоились, что с ним все в порядке.

Даже в последние дни жизни д-р Доуи получал ответы от Бога на свои молитвы. Несмотря на то, что его собственные просьбы об исцелении оставались безответными, Бог отвечал на многие его молитвы за других людей. По его молитвам происходили исцеления. Когда д-ру Доуи нужны были деньги, Шадд дат ему пятьдесят долларов, которые берег для оплаты взноса за свой дом. Доуи поблагодарил его и помолился краткой молитвой, чтобы Бог восполнил его нужды. На следующей неделе, к своему великому удивлению, Шадд получил письмо от брата, в котором тот обещал полностью выплатить залог за дом. Это обещание было выполнено.

В последние дни Доуи часто навещала Эдна Шелдрейк, которая некоторое время была репортером одной из чикагских газет. Она рассказала такой случай:

«В те последние дни, когда болезнь затуманила его разум и продолжала вести битву за полный контроль над ним, возле Доуи практически ежедневно находился писатель.

Было видно, как из него постепенно уходит жизнь, но в его ввалившихся глазах горел бессмертный дух — ясный, бесстрашный, непобедимый.

Однажды он попросил меня прийти. Дав указания относительно некоторых дел, он закрыл глаза, черты лица его смягчались. Казалось, он спал. Вдруг он открыл глаза и, устремив на меня взгляд, произнес: «Напиши, напиши, расскажи обо всем!» Я отрицательно покачала головой, но он настаивал, почти приказывал: «Напиши. Ты найдешь письма.

Я оставляю письма тебе. Ты расскажешь обо всем». Через несколько недель он умер».

После нескольких странных совпадений Эдна Шелдрейк случайно поднялась на чердак дома, в котором жил Доуи. Повинуясь какому-то непонятному чувству, она стала копаться в куче всякого хлама, который годился разве что для того, чтобы сжечь. Вдруг ее внимание привлекла связка

старых писем. Она присмотрелась к ним повнимательнее и узнала знакомый почерк. Это были письма, о которых Доуи говорил перед смертью. И тогда она вспомнила его просьбу.

Эдна взяла письма и позднее издала целый сборник, в который вошли эти и многие другие письма, которые ей удалось отыскать. Материалы сборника стали драгоценным источником в работе над этой книгой.

Усталый дух д-ра Доуи покинул свое ветхое глиняное жилище и вернулся к Богу, Который дал его. Все, кто был рядом с Доуи в последние минуты его жизни, твердо верят, что мир Божий сошел на его душу. Об этих минутах рассказывает судья Барнес, который был с ним до конца. Он произнес самую прекрасную прощальную речь о человеке, которого им больше никогда не суждено было увидеть.

Глава 34

Прощальная речь судьи В. В. Барнеса

?7овержен самый высокий ливанский кедр. Мы, друзья и члены Сионской церкви, полны скорби. Конец наступил неожиданно. Коварный и страшный посланник подкрадывался тихо, незаметно.

Друзья, мы собрались вместе, чтобы вспомнить о жизни и деятельности человека, чьи останки будут погребены здесь навечно. Давайте спросим себя, каким был Джон Александр Доуи и что он сделал для человечества?

Оценивая работу, проделанную этим великим человеком, мы ясно видим его многогранную натуру. Благодаря своим способностям, он стал одним из величайших лидеров мира, который выполнил три грандиозные задачи: основал город; создал новую для Америки отрасль промышленности; продемонстрировал всему миру великую истину, скрытую на протяжении столетий от многих поколений. Благодаря ему, весь христианский мир увидел эту истину в таком свете, в каком она ещё никогда, начиная с момента возникновения христианства, не представляла перед ним...

Позвольте сказать вам, друзья, о том, что, может быть, некоторые из вас не совсем еще понимают. В этом городе, Сионе, мы стали свидетелями практического воплощения единственно правильных принципов создания человеческого правительства. В городе с многотысячным населением нет ни одного питейного заведения. Никогда и ни в каком виде здесь не продавался и не продается никотин и табак. Здесь никогда не было публичного, а также игорного дома, золоченого дворца или дома распутницы, чьи пути ведут в ад. Просто поразительно, что представители разных наций собрались здесь, имея одну цель и одну задачу.

Благодаря гению этого человека, стало возможным практическое воплощение великих принципов, изложенных в Нагорной Проповеди. Правильное применение этих принципов означает, ни много ни мало, правительство Бога на земле. В Сионе Джон Александр Доуи открыл школы для

родителей, которые приехали сюда со всех концов земли, где они учились методам воспитания детей. Конечно, с точки зрения получения прибылей государственные школы — невыгодные объекты для инвестирования денег, так как они не могут дать немедленной прибыли. Нужны годы, чтобы инвестирование в мальчиков и девочек начало приносить доход. Но в Сионе на строительство школ ассигновались огромные суммы...

Для того, чтобы определенная общность людей могла существовать и развиваться, необходимо создавать промышленные предприятия, благодаря чему люди получат рабочие места и средства к существованию. В Сионе таких предприятий было создано немало — например, кружевная фабрика, которая работает вот уже пять лет. Глубоко ошибается тот, кто думает, что легко создать новую отрасль промышленности вопреки сильному сопротивлению тысяч людей; без затрат финансов и времени; без широкого использования высококвалифицированной рабочей силы; без вдохновляющего и руководящего гения. Как бы ни была велика страна, вы вряд ли найдете в ней много новых отраслей промышленности.

Джона Александра Доуи хорошо понимали и поддерживали многие великие лидеры, государственные и общественные деятели Америки. Он был лично знаком со многими выдающимися американскими политиками и государственными деятелями, с которыми часто обсуждал вопросы, касающиеся принципов построения правительства. Судья Гари, известный чикагский адвокат, который многие годы был его близким другом, очень точно заметил по поводу присвоения Джону Александру Доуи американского гражданства: «Со времени провозглашения Декларации о Независимости звание гражданина Америки еще не присваивалось более великому и достойному человеку». Судья Гари оставался добрым другом Доуи до самой смерти.

Но как бы ни велики были эти заслуги, они не являются самыми великими свершениями Доуи. Открыв христианскому миру Божью истину, он научил его ценить великие евангельские принципы, преданные забвению на протяжении

многих столетий. Именно он дал истолкование великого принципа «божественного исцеления». Нужно ли спрашивать у присутствующих, верят ли они в учение Джона А. Доуи, сколько из них были исцелены, сколько спасены от смерти, благодаря евангельским истинам, которым он учил, и возложению рук? Я не сомневаюсь, что сотням и даже тысячам сионцев есть что рассказать об этом. (При этих словах среди тысячи собравшихся почувствовалось волнение в поддержку сказанного.)

Позвольте мне спросить: каким был основной жизненный принцип Джона Александра Доуи, самый важный принцип, которым руководствуются люди в цивилизованном мире? Я могу выразить его одним словом. Это самое прекрасное слово в английском языке. Пристально наблюдая за жизнью и деятельностью Джона Александра Доуи в течение многих лет как один из его самых близких друзей, я пришел к выводу, что основной чертой его характера была любовь к людям.

Ушло в небытие заблуждение о том, что д-р Доуи был тираном. Было время, когда тысячи сионцев пошли бы с песней на смерть ради него, потому что они любили его. И только тогда, когда разрушитель протянул к нему свою бледную руку; когда тяжелые тучи закрыли вершину горы; когда пришло непонимание того, кто уже не мог быть самим собой, только тогда он потерял любовь, привязанность и преданность сионцев. (В 27-й главе мы приводили высказывание судьи Барнеса относительно исключительной работоспособности д-ра Доуи.)

Лук Джона Александра Доуи был крепким, и колчан полон хорошо отточенных стрел. Но он слишком часто пользовался своим луком, слишком сильно натягивал тетиву. Однажды он вложил стрелу в этот лук, натянул тетиву изо всех сил, и лук сломался. Тогда о нем можно было сказать: «Спасал других, а себя спасти не может». Однако мы не вправе судить, всегда ли нарушение закона оправдано, или оно должно обязательно повлечь за собой расплату.

Великая задача Доуи заключалась в проповеди Евангелия. Он обладал способностью распознавать истинных христиан и христианок в любой деноминации. Он учил остерегаться

вероотступничества, но многие, к сожалению, понимали его неправильно. С добрым любящим сердцем он обличал вероотступнические церкви. Он дал четкое определение этому явлению, и, я думаю, совершенно справедливо.

Доуи пользовался огромной популярностью как оратор и человек дела. Вам доводилось слышать его много раз так же, как и мне. Никто не может отрицать его ораторский дар, хотя он утверждал, что он не оратор, а всего лишь деловой человек за кафедрой проповедника. Но он был оратором высочайшего класса. Я присутствовал на служениях, которые начинались в половине третьего пополудни и длились до полуночи. Он мог заставить слушателей всех возрастов, начиная от мальчиков и девочек и заканчивая седовласыми мужчинами и женщинами, сидеть и слушать проповедь с неослабленным интересом по три-четыре часа, что является лучшим доказательством ораторского мастерства проповедника. Я неоднократно был тому свидетелем на служениях Джона Александра Доуи. И хотя он никогда не претендовал на звание выдающегося оратора, он, тем не менее, обладал огромной силой убеждения и влияния на человеческое сердце, что помогало ему приводить тысячи людей ко Христу. Но вот пришел час, когда он, больной и немощный, уже больше не мог выполнять эту работу.

Последние слова Джона с Александра Доуи

В прошлую пятницу, в свой последний вечер на земле, д-р Доуи опять был в духе на сцене и говорил с людьми, пришедшими послушать его. В тот вечер он снова проповедовал. Ему казалось, что он стоит перед тысячной аудиторией и рассказывает им о Евангелии. Он учил тем же старым истинам, что и много лет назад. Его преданные друзья, ухаживавшие за ним, слышали их много раз. Они стояли у постели умирающего, который то погружался в тяжелый сон, то опять пробуждался и продолжал проповедь Евангелия. Наконец, он запел «Радость грядет на заре». Последняя песня, которую он пел, когда забрезжил рассвет,

была «Я — солдат Креста». После он произнес: «Тысячелетие наступило. Я вернусь сюда на тысячу лет».

Это были его последние слова. Мы собрались вокруг него и пристально наблюдали за ним. Он мирно лежал на правом боку на подушке. Его дыхание становилось все тише и тише и, наконец, прекратилось вовсе. Он ушел навсегда так тихо, что невозможно было уловить границу между глубоким мирным сном и долгим сном вечности. Мы видели, как дрогнули его веки. Последний признак жизни. Словно легкий утренний ветерок пробежал по поверхности тихого озера, оставив на ней мелкую рябь. Мы вглядывались в его лицо с надеждой, что жизнь вернется. Тщетно. Он оставался недвижим. Так ушел из жизни замечательный человек, которого мы знали многие дни и годы. Человек, которого мы любили и почитали. Человек, который оставил глубокий след в истории и в жизни своих соотечественников.

Все эти годы напряженного труда в течение четверти столетия, пока тучи не закрыли могучую гору, рядом с ним жила и трудилась его преданная жена и друг. Затем наступило мрачное время непонимания. Потом пришел дьявол и сделал свое дело. Джон Александр Доуи совершил великий труд и великое служение. На его долю выпало немало бед и печалей. Мы бы хотели сказать его верной подруге, которая трудилась рядом с ним много лет неизменной любовью и преданностью: «Для каждой скорби есть утешение».

Но давайте оставим то, что было смертным в нашем дорогом друге и лидере. Д-р Доуи завещал похоронить его рядом с его любимой дочерью Эстер, которая умерла почти пять лет тому назад и была похоронена на сионском кладбище Лейк Маунд.

Когда Эстер внезапно покинула нас, от него, казалось, ушел свет, который освещал его жизнь, потому что он любил ее так сильно, как немногие любят своего ребенка. Эта девушка была щедро одарена. Когда огонь ее жизни погас, с ним угасли и самые светлые надежды Джона А Доуи. Печаль навсегда поселилась в его сердце. Не удивительно, что в последние минуты своей жизни он вернулся к памяти о ней,

желая упокоиться под сенью деревьев возле своей любимой дочери.

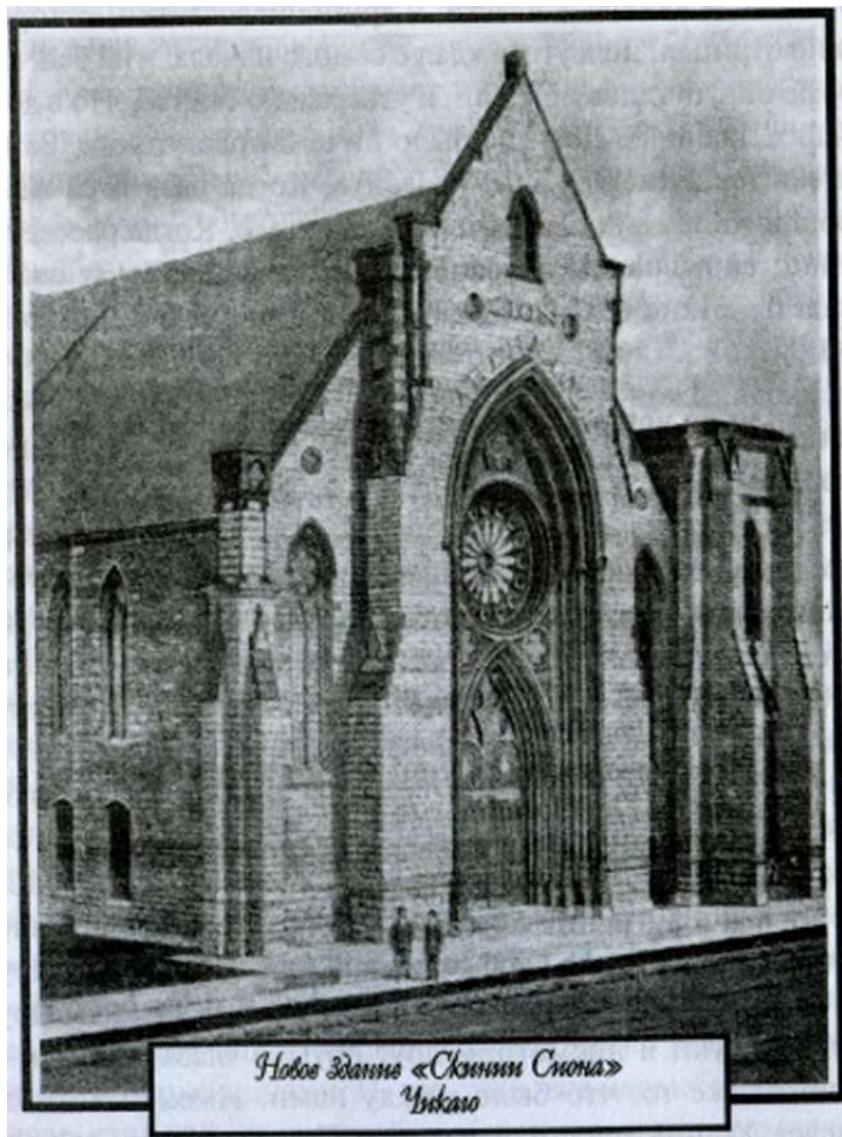
Друзья, многое в жизни и характере Джона А. Доуи вызывало непонимание у людей. Противоречия поселяли разделение между сионцами. И, все-таки, все мы любили Сион. Сейчас, стоя над его могилой, я обращаюсь к вам, я умоляю вас, всех членов Сиона, как моих друзей и братьев во Христе, — давайте протянем друг другу руку через мглу непонимания и тучи разногласий. Настало время мира и согласия.

Я не хочу выглядеть смешным или бросать тень на память Джона А. Доуи, доказывая, что он был идеальным человеком. Судьбы многих великих людей, с их успехами и недостатками, пишутся крупными мазками. В нем была и гордость, и любовь к власти, и другие недостатки, которых он не отрицал, но я утверждал с самого начала этих бед, которые обрушились на Сион, и утверждаю сейчас, что в действиях Джона А. Доуи не было ничего преступного. Запаситесь терпением и понаблюдайте. Когда развеется пыль прошлого, вы сможете лучше оценить его. Когда рассеется туман, скрывавший от вас горную вершину, вы сможете увидеть четкие очертания горы, величием и мощью которой будут восхищаться потомки.

Уходя, Джон А. Доуи простил всех. У него не было обиды ни на одного человека — будь-то мужчина или женщина. Это был замечательный человек и выдающийся проповедник. Мастер обличения, он обладал интуицией, благодаря которой мог безошибочно определить уязвимое место противника и нанести сокрушительный удар со всей силой, на которую только он был способен. И вместе с тем он был милосерден к врагу, готовый в любое время простить всякого, даже того, кто не искал его прощения.

Возлюбленные друзья, я обращаюсь к вам, как если бы вы были мои родные братья и сестры. Мы члены одной семьи. Я говорил и говорю сейчас, что узы, объединяющие членов Сиона, намного крепче, чем родственные отношения в обычной семье. Мы радуемся, приветствуя друг друга. Мы радуемся, работая вместе. Давайте возьмем, друг друга за

руки и посмотрим, друг другу в глаза, забудем и простим все то, что было между нами. Именем Господа Иисуса Христа, силой и властью Святого Духа, давайте скажем друг другу и этому прославленному человеку, кого не увидим, пока не наступит утро Воскресения: «Мир тебе! Мир тебе да умножится!»

Новое здание «Скимин Сиона»
Ульяновск

Глава 34

Через полстолетия

Однажды, стоя у могилы на кладбище Лейк Маунд, где лежат останки Джона Александра Доуи, автор задал себе вопрос: «Неужели ошибки Джона А. Доуи сделали его жизнь и труд напрасными, как считают некоторые?» Размышляя над всеми обстоятельствами его жизни в тишине сионского кладбища, автор пришел к выводу, что такая оценка очень далека от истины. Никто не отрицает, что, если бы д-р Доуи смог избежать всех тех роковых ошибок, закат его жизни был бы намного счастливее, а его служение намного плодотворнее. Но мы не сомневаемся, что Господь учел те, в высшей степени неблагоприятные, условия, в которых работал этот великий человек, и те годы, когда он был преследуем этим враждебным миром, которому он противостоял практически в одиночку, защищая великую истину. Благодаря его немалым усилиям, теперь ее знают миллионы. И хотя, подобно Давиду, он был наказан, Бог не оставил его. В последние дни в его душе царил мир и прежнее доверие к Богу милосердия, о Котором написано: «Ибо Он знает состав наш, помнит, что мы — персть» (Псалом 102:14).

В этой главе мы расскажем о дальнейшей судьбе города Сион и о его новом руководителе Вильбуре Гленне Воливс, преемнике Джона Александра Доуи, только потому, что события, о которых пойдет речь, имеют непосредственное отношение к жизни и служению Доуи. Наш рассказ будет кратким. Настоятелю Воливе так и не удалось достичь того уровня доверия, которым пользовался основатель Сиона. Маловероятно, что это вообще кому-нибудь удалось бы. Многие годы продолжалась яростная полемика относительно этических норм и методов правления Воливы. Что касается передачи города из слабеющих рук Доуи Воливе, мы можем сказать следующее. Истинный христианин и верный друг Доуи, судья В. В. Барнес, который произнес трогательную речь, посвященную его памяти, поддержал такое решение.

Но был ли Вильбур Гленн Волива так же мудр в решении всех остальных проблем города? На то время ему было тридцать шесть лет — возраст физического расцвета, но не зрелости суждений. Несомненно, его деловые методы оказались своевременными и эффективными для спасения города. Он был прекрасным организатором и способным бизнесменом. Смелый и бесстрашный, он принимал решения без колебаний и сомнений. Несмотря на раскол в церкви, произошедший во время болезни и смерти Доуи, настоятель Волива пользовался авторитетом у большинства сионцев в течение тридцати пяти лет, вплоть до дня своей смерти. Благодаря всем этим качествам, Волива стал единственным человеком, способным управлять городом.

Некоторые полагают, что в первые годы своего руководства Воливе следовало бы проявить больше милосердия и снисходительности к людям. В своих проповедях он был жестким, непреклонным педантом, хотя те, кто близко знал его, отмечали некоторую доброту в его характере. Но в условиях хаоса и всеобщей неразберихи, наверное, нужен был человек с железной хваткой. Многие утверждают, что он был слишком суров с теми, кто выступал против него. Но даже если это так и было, он не был настолько непреклонным, чтобы не прислушиваться к совету других, когда понимал, что был не прав. (Это так трудно давалось Доуи в последние годы его жизни.)

Было бы упущением не сказать здесь о научных взглядах Воливы в области географии, благодаря которым его имя стало широко известным в научном мире. Время от времени его статьи печатались в приложениях к воскресному журналу. Так, например, Волива учил, что земля плоская. Основы его учения даже преподавались в сионских школах. Более того, ему удалось убедить многих своих последователей в истинности этой доктрины. Впоследствии те, кто поддерживал концепцию Воливы, пришли к выводу, что во многих случаях она просто навязывалась, а ее значение искусственно раздувалось.

Настоятель Волива утверждал, что Северный полюс расположен в центре «плоской земли», а так называемый

Южный полюс — это гипотетическая территория, существование которой никто никогда не докажет. Позднее противники Воливы говорили, что большие авиалайнеры летают во всех направлениях через Северный и Южный полюса, и никогда пилоты не видели там «высоких непреодолимых гор». Они также указывали на фотографии земли, сделанные спутниками с огромной высоты, на которых ясно видна круглая форма земли. Но с какой бы стороны читатель не рассматривал более чем оригинальные идеи Воливы, они не должны восприниматься как показатели истинного характера настоятеля Сиона.

Волива отверг интересную идею д-ра Доуи об универсальной роли Христианской Вселенской церкви, предложенную главным настоятелем в период основания церкви. В то же время он принял идеи Доуи, которые, по сути, свели божественный план к программе создания города-мечты. Когда кризисная ситуация в жизни города миновала, у настоятеля Воливы появилось время изучать планы Доуи о создании мирового Сиона. В результате у него появилось честолюбивое желание добиться успеха там, где потерпел поражение главный настоятель. Но в начале 30-х годов стало ясно, что этим мечтам не суждено сбыться.

То были годы испытаний для Вильбура Г. Воливы. В разгар Великой Депрессии Сион снова перешел в руки опекунов, так как руководство города оказалось не в состоянии платить высокие налоги с огромной недвижимости церкви. В конце концов, было решено отказаться от права на владение большим участком пустоши и реорганизовать церковные финансы. В 1937 году произошло еще одно несчастье. Огромное здание «Скинии Сиона» и радиостанция мощностью пятьдесят тысяч ватт были разрушены пожаром, устроенным неизвестным поджигателем. Потери оказались невосполнимыми. Большая часть оборудования и бесценные пленки радиозаписей погибли в огне пожара. Прекрасное здание Скинии было построено заново, но восстановить радиостанцию так, и не удалось.

Хотя Вильбур Гленн Волива следовал многим принципам теократии, предложенным д-ром Доуи, внешний мир мало-

помалу отвоевывал все больший и больший контроль над городом. Вследствие притока новых жителей, число которых превысило коренное население Сиона, изменилось городское законодательство. В городе стали продаваться табачные изделия и спиртные напитки. Открывались театры и другие увеселительные заведения. Конечно, все эти изменения в жизни города не могли не вызвать горьких переживаний у настоятеля Воливы, который изо всех сил старался защитить Сион от проникновения в него мирских соблазнов.

Настоятель Антон Дармс, который в течение многих лет был вице-президентом всех приходских школ Сиона, имел огромное влияние на церковь. В течение десяти лет он работал помощником редактора «Листьев исцеления». Это благочестивый, высококультурный человек, чьей дружбой автор очень дорожит. Настоятель Дармс любезно предоставил автору все материалы, в том числе и редкие документы, которые помогли составить подробную картину истории города Сион. Он также познакомил автора со многими служителями церкви — дружелюбными, искренними людьми. Кстати, настоятель Дармс — известный писатель. Его книги и статьи широко печатаются по всей стране.

Вильбур Гленн Волива умер 11 октября 1942 года. Его преемником стал главный настоятель М. Дж. Минтерн, которого считают добросовестным и способным администратором.

Газета «Уокиган Ньюз-Сан» поместила заметку редактора по поводу смерти настоятеля Воливы: «Со смертью Вильбура Гленна Воливы, главного настоятеля Христианской Вселенской церкви Сиона, город потерял талантливую, энергичную личность, чье имя и дела хорошо известны во всем мире.

Можно соглашаться или не соглашаться с идеями настоятеля Воливы, с методами, которые он использовал для их осуществления, но нельзя отрицать, что это был энергичный, решительный человек с сильным характером, способный вдохновить огромные массы людей. Человек, который руководил церковью тридцать пять лет, был

политическим лидером и бизнесменом, должен обладать решимостью, большой силой воли и незаурядными талантами».

Интересно, что стало бы центральной темой дискуссий в Сионе, если бы д-р Доуи сохранил способность к здравому суждению, энергию и силу, которые были присущи его служению в чикагский период? Несмотря на то, что его программа создания христианского города, основанная на принципах теократии, не была реализована полностью, все же большую часть Божьего плана — восстановление служения исцеления в Церкви — д-р Доуи выполнил.

Вопреки желанию первых апостолов и их последователей, Бог не позволил общенному устою долго просуществовать в ранней Церкви в Иерусалиме. Вследствие жестоких преследований, большая часть христиан оказалась за пределами Израиля. И куда бы они ни шли, везде проповедовали Евангелие. Евангелизация во всемирном масштабе — главная цель Бога во все времена, хотя для Христовых учеников и их семей было бы намного удобнее, если бы им позволили остаться в Иерусалиме. Но в таком случае Евангелие вряд ли достигло бы городов рассеяния еврейского народа до наступления ужасного дня суда в 70-м году первого столетия.

Из Сиона вышли такие евангелисты, как Ф. Ф. Босворф и его брат Б. Б. Босворф, чьи служения исцеления в 1920-х собирали многотысячные аудитории. Из Сиона вышел Джон Г. Лейк, чьи проповеди всколыхнули всю Южную Америку и способствовали созданию там сотен церквей, действующих и поныне. Д-р Финеас Йоакум приехал в Лос-Анджелес и открыл известное служение «Писга». Юный Раймонд Т. Ричардс и воспитывался в атмосфере веры, которая царила в городе. Позже его службы исцеления стали настоящим феноменом нашего времени. На служении этих и многих других выходцев из Сиона выросла целая плеяда истинных мужей веры, у которых были свои мощные служения. Движение «Полного Евангелия», появившееся в то время, когда д-р Доуи уже сошел со сцены, многим обязано Сиону. Мы можем назвать много известных служителей — жителей

Сиона, которые были или в настоящее время являются лидерами разных организаций этого движения.

Были и другие дары Духа и служения, которые Бог планировал восстановить в Своей Церкви. Но, к сожалению, способности д-ра Доуи, которые помогли ему рассеять мглу веков и восстановить, несмотря на огромные трудности, правду о божественном исцелении, оказались тем препятствием, которое не позволяло ему видеть свет из другого источника, кроме света своей собственной свечи. У каждого человека свои времена и сроки. Д-р Доуи выполнил свое предназначение и сошел со сцены.

А Сион оказался на грани финансового краха, принесшего многим жителям города жестокие страдания и лишения.

Сейчас сложно сказать, могли ли пережитые страдания послужить почвой для добрых всходов. И все же, как бы это ни показалось странным, финальный исход печальных событий для многих был неожиданным.

Родители автора оказались среди пострадавших. Потеряв все свои сбережения во время финансового кризиса, они, естественно, не могли не чувствовать глубокого разочарования, но несмотря на это, не жалели о том, что приехали в Сион. Они с удовольствием вспоминают дни, прожитые в Сионе. Через всю свою жизнь они пронесли веру, которая родилась в их сердцах во время пребывания в этом городе. Родители автора ещё живы, несмотря на свой преклонный возраст. Было время, когда мать автора чуть не умерла от тяжелой болезни. Ее спасла непоколебимая вера в божественное исцеление, которая помогла получить чудо освобождения от тяжелого недуга. Среди бывших жителей города-мечты, с кем автору довелось встречаться и беседовать, пожалуй, не было ни одного, кто, оправившись после пережитых несчастий, не чувствовал бы, что он в Сионе получил нечто, что с лихвой компенсировало ему временные потери.

Урок первый

Можно многому научиться, изучая жизнь Джона Александра Доуи, но мы хотим обратить ваше внимание на три самых основных урока.

Урок первый. Те, кого Господь призвал на служение, должны быть готовы страдать, защищая истину, стойко переносить печали и скорби. Они должны принимать это как Божью милость, а исполнение Его воли ставить выше всех земных благ и богатств. Крест выше, чем корона. Земные почести и слава — это прах, если только они не исходят от единого Бога. Даже Христос, идеальный Сын, учился через страдания (Евреям 5:8,9).

В первые годы служения Джон А. Доуи терпел одно поражение за другим, проходил через многие испытания и унижения. Но до конца жизни его вера в Бога и Его силу, в то, что Божье слово неизменно и истинно, а обетования непоколебимы, оставалась ясной и светлой.

Урок второй

Этот урок учит нас всеобъемлющей важности и силе сверхъестественного служения. Доуи преследовали разочарование за разочарованием, когда он, пытаясь донести Евангелие массам, действовал при помощи обычных человеческих методов и способов. И только тогда, когда Доуи твердо решил начать служение божественного исцеления независимо от того, будет ли он жить или умрет, утонет или выплынет, — он, наконец, достиг успеха. В течение десяти лет полного служения его имя стало известным всему миру. Без преувеличения десятки тысяч получили прощение грехов. Великая проповедь об освобождении и исцелении через веру прозвучала по всей земле. Раньше Доуи не хотели слушать, а теперь к нему прислушивались все, потому что видели сверхъестественные знамения, сопровождавшие его служение. Чудеса исцеления, происходившие в Чикаго, заставили жителей этого города с уважением и вниманием относиться к Божьему служителю. Ад неистовствовал: д-р

Доуи был арестован сто раз в течение одного года. Но сатана был бессилен остановить его служение. Оно росло, развивалось, божественные благословения изливались на людей. А его противники один за другим терпели поражение: одни оказывались на обочине жизни, другие — в тюрьме, а третьих настигала неожиданная смерть.

Урок третий

Третий великий урок, которому учит нас жизнь Джона Л. Доуи, состоит в следующем: постоянная бдительность — это залог непрекращающейся духовной победы. Ни один враг, кроме того, который находился в нем самом, не мог повергнуть Джона А. Доуи. Если дать гордыне или самопревозношению малейший шанс обосноваться в человеческом сердце, в духовном мире начнет действовать закон «духовной гравитации», который, в конечном итоге, приведет гордеца к падению. Поднимаясь все выше и выше в силе Духа и благословениях, возрастаая в способности влиять на умы и сердца людей, необходимо, как д-р Доуи любил повторять в более счастливые для него времена, становиться все ниже, ниже и ниже. Джон А. Доуи прокладывал путь в одиночку, и его ошибки должны быть прощены. Мы, живущие в последнее время, имеем возможность учиться на опыте других, живших до нас. Но если мы не усвоим эти уроки и будем повторять их ошибки — нам некого обвинять, кроме самих себя.

Останки Джона А. Доуи похоронены на сионском кладбище Лейк Маунд. Рядом с ним лежат его жена Джини, сын Глэдстоун и дочь Эстер. Полстолетия назад имя Доуи было известно во всем мире. Его принимали правители и монархи. А теперь все, что осталось для него и его семьи в этом мире, — это маленький клочок земли. Что за финал — смерть! Ни один человек не в силах отменить ее вердикт! Мрачная реальность смерти учит нас, что единственно верный путь для человека, пока он молод и полон сил, — всем сердцем и всем разумением своим искать Божьей воли, отдать всего себя без остатка служению великой цели, начертанной

Творцом, потому что в Нем, и только в Нем, заключены настоящее счастье и бессмертие. Когда незаметно пролетит молодость и придет старость, а за ней и безжалостный жнец, — не будет сожалений о бесцельно потраченном времени. После физической смерти дух человека беспрепятственно пройдет сквозь завесу в другой мир, где смерть не имеет власти.

Джон А. Доуи ушел из жизни с чувством, что труд его остается незавершенным. В его последних словах прозвучала надежда, что он вернется на Тысячелетие и будет продолжать служить своему Господу. Кто может утверждать, что последнее желание великого мечтателя никогда не сбудется? Придет день, когда каждая слеза будет утерта. И не будет скорби, которую он испытал у постели своей умирающей дочери. Не будет плача, который сотрясал все его тело, когда он стоял у могилы и слышал, как земля с глухим стуком падает на крышку ее гроба. В тот великий день будет забыто всякое непонимание и придет мир ко всем, кто верит, что только Он Один есть источник мира.

Пришло время проститься с Божьим мужем, чья вера в немалой степени способствовала возвращению в Церковь великого послания Иеговы-Рафа, Христа-Целителя. Мы увидимся с тобой, Джон Александр Доуи, в утро воскресенья, когда Сам Христос спустится с небес, когда мертвые восстанут и мы будем преображенны. Если в тот день и будут слезы, то это будут слезы радости. И как сказал псалмопевец, прошедший через глубокие воды страданий и испивший чашу печали: «Вечером водворяется плач, а на утро радость» (Псалом 29:6).